

Джулиан Корбетт

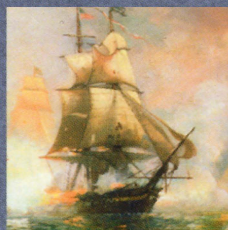
ВЕЛИКИЕ МОРСКИЕ СРАЖЕНИЯ XVI—XIX ВЕКОВ

ХРОНИКИ

ВОЕННЫХ

СРАЖЕНИЙ

ХРОНИКИ ВОЕННЫХ СРАЖЕНИЙ

Х Р О Н И К И В О Е Н Н Ы Х С Р А Ж Е Н И Й

Julian S. Corbett

**PRINCIPLES
OF MARITIME
STRATEGY**

Х Р О Н И К И В О Е Н Н Ы Х С Р А Ж Е Н И Й

Джулиан Корбетт

ВЕЛИКИЕ МОРСКИЕ СРАЖЕНИЯ XVI—XIX ВЕКОВ

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(420)
ББК 68.54
К66

Серия «Хроники военных сражений»
выпускается с 2008 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Корбетт Дж.
К66 Великие морские сражения XVI—XIX веков / Пер.
с англ. Л.А. Игоревского. — М.: ЗАО Центрполиграф,
2009. — 255 с. — (Хроники военных сражений).

ISBN 978-5-9524-4340-2

Известный исследователь Джулиан Корбетт в своей работе, посвященной британскому военно-морскому флоту XVI—XIX веков, рассказывает об особенностях профессиональной подготовки военных и политических событиях, позволивших Великобритании надолго занять лидирующую позицию в военных столкновениях на море. В книге представлены тактические и стратегические принципы знаменитых адмиралов — Нельсона, Роднея, Хока и других выдающихся личностей Соединенного Королевства.

Это фундаментальное историческое исследование дает исчерпывающие ответы на спорные вопросы в отношении военной интервенции, методов осуществления господства, а также основных различий в ведении войны на суше и на море.

УДК 94(420)
ББК 68.54

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2009
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2009

ISBN 978-5-9524-4340-2

**ВЕЛИКИЕ
МОРСКИЕ СРАЖЕНИЯ
XVI—XIX ВЕКОВ**

Введение

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЙНЫ. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ОГРАНИЧЕНИЯ ВОЙНЫ

На первый взгляд ничто не может быть более бессмысленным, чем теоретическое изучение войны. Есть даже некий антагонизм между складом ума, тяготеющим к теоретическому руководству, и тем, что создан для успешного претворения теории в жизнь. Ведение войны определяют такие составляющие личности, как характер, здравый смысл, способность быстро принимать решения с учетом сложных и постоянно меняющихся факторов. Сами эти факторы настолько многочисленны, неосвязаемы и зависимы от разного рода условий, что не представляется возможным свести их к чему-то, даже отдаленно напоминающему научный анализ. Если речь заходит о теории, или «науке», войны, на ум постоянно приходят хорошо известные случаи, когда весьма образованные офицеры оказывались несостоятельными в роли командиров. С другой стороны, никто не станет отрицать тот факт, что после того, как великие теоретики начала XIX века создали теорию войны, она приобрела небывалую точность и определенность, так необходимую для успешного управления. Стоит также принимать во внимание, что самые успешные полководцы придавали огромное значение трудам классиков стратегии.

Истина заключается в том, что недоверие к теории — результат неправильного представления о ее предназначении. Она не претендует на определение правил ведения

боевых действий, а лишь увеличивает их эффективность. Ее основная практическая ценность заключается в помощи способному человеку расширить свои перспективы; с ее помощью он может приобрести уверенность в успешном практическом применении. Владеющий теорией своего плана командир сможет быстрее и с большей определенностью учитывать все факторы, влияющие на возникновение непредвиденных ситуаций. Величайший из теоретиков был весьма откровенен в своих высказываниях. О теоретическом изучении он говорил следующее: «Оно должно развивать ум человека, которому предназначено стать полководцем, или даже сподвигать его к самообразованию, но не должно сопровождать его на поле боя».

Но польза теории ни в коей мере не ограничивается воздействием на возможности полководца. Если он способен принимать правильные решения — прекрасно, но недостаточно. Его подчиненные должны моментально схватывать суть его решения и иметь возможность претворить его в жизнь с помощью согласованных действий. Для этого все они должны научиться мыслить в той же плоскости. Приказ командира должен стимулировать в каждом из них одинаковый мыслительный процесс, его слова должны иметь для всех один и тот же смысл. Если бы тактическая теория существовала в 1780 году и капитан Каркетт был бы большим специалистом в этой области, возможно, он бы правильно понял сигнал Роднея¹. На самом деле истинное значение сигнала было не совсем понятно, и отказ Роднея разъяснить тактический механизм, который он использовал, лишил его страну победы в тот момент, когда она была в высшей степени необходима². Не было необходимой теоретической подготовки, чтобы ликвидировать промах, и грандиозные планы Роднея остались непонятными для всех, кроме него самого.

¹ Родней Джордж Брайджес (1718—1792) — английский адмирал. (Здесь и далее, если не указано иначе, примеч. пер.)

² Очевидно, речь идет о сражении, состоявшемся 17 апреля 1780 года между англичанами и французской эскадрой контр-адмирала де Гишена. Оно имело место между островами Доминика и Мартиника. Замысел Роднея поставить $\frac{2}{3}$ неприятельского флота под удар всего английского так и не был осуществлен.

Нельзя сказать, что теория необходима только для солидарности между полководцем и его подчиненными. Она скорее важна для формирования аналогичной солидарности вне боя. Нередко офицерам приходится безропотно соглашаться на участие в нерационально спланированных кампаниях только из-за отсутствия убедительных контраргументов. Более того, государственные деятели и офицеры, даже тесно и гармонично сотрудничающие, часто не могут выработать четкий план военных действий только из-за неспособности подвергнуть научному анализу определенную ситуацию и оценить характер борьбы, в которую им надлежит вступить. Стоит ли ожидать, что характер военных действий будет оценен современниками так же объективно, как его увидят по прошествии многих лет. Поначалу случайным факторам обычно придается слишком большое значение, и они скрывают за собой истину. Эта ошибка, скорее всего, неизбежна, но теоретическое исследование может свести ее негативные последствия к минимуму. Да и нет другого средства, с помощью которого можно было бы спрогнозировать, какие недочеты увидят потомки. Теория, по сути, это вопрос, требующий вдумчивого рассмотрения. Ее практическое применение в итоге зависит от комбинации человеческих качеств, которые определены как исполнительские способности.

Все великие военные деятели в той или иной степени признавали теорию, но главные, или, по крайней мере, некоторые из них, после многих лет службы, придавали ей огромное значение. Клаузевиц в своем труде «О войне» писал, что в реальных операциях люди руководствуются исключительно собственным суждением, которое оказывается более или менее правильным, в зависимости от их одаренности. Так поступали все великие генералы. Так всегда будет происходить во время таких боевых действий, когда своего мнения вполне достаточно. Но если речь идет не о личном участии в сражении, а о том, чтобы убедить в чем-то, к примеру, членов правительства, тогда все зависит от четких концепций и ясного изображения той или иной взаимосвязи. В этом отношении прогресс настолько незначителен, что большинство рассуждений есть всего лишь словесные споры, не имеющие под собой прочной основы и оканчивающиеся либо тем, что все стороны остаются при

своем мнении, либо компромиссом, достигнутым благодаря взаимоуважению, иначе говоря, средним курсом, не имеющим действительной ценности.

Автор неоднократно принимал участие в подобных дискуссиях. Четкое понимание идей и факторов, вовлеченных в проблему войны, и определенное выражение связей между ними были в его глазах лекарством от бессмысленных споров, и именно оно называется теорией или наукой войны. Это процесс, с помощью которого координируются идеи, определяются значения используемых терминов, обозначается разница между главными и второстепенными факторами, а также фиксируется важная информация, не подлежащая обсуждению. Таким образом, создается аппарат для дискуссий, обеспечиваются средства для придания факторам удобной для оперирования ими формы, чтобы на их основании можно было точно и быстро составить план действий. Без подобного аппарата даже два человека не смогут мыслить в одном направлении и прийти к соглашению.

В данном случае мнение о значении стратегической теории имеет особую важность, и его масштаб намного больше, чем могут представить его континентальные сторонники. Для мировой морской державы успешное ведение войны часто зависит не только от решений своего правительства, но также от исхода совещаний во всех частях света между командирами эскадр и местными властями, и военными, и гражданскими, и даже между командующими смежными базами. Во время войны, затрагивающей интересы империи, или в процессе подготовки к ней все действия должны основываться на взаимосвязи военно-морских, военных и политических соображений. Некая средняя линия, обозначенная дома, должна дорабатываться на местах сражений, с учетом местных факторов. Обмен мнениями всегда необходим, а чтобы он был конструктивным, должно существовать общее средство выражения и общая плоскость мысли. Эту жизненно важную подготовку и обеспечивает теория; в этом же заключается ее практическая значимость для всех, кто берет на себя ответственность на службе империи.

Причем значение абстрактных стратегических исследований с этой точки зрения настолько велико, что следует

избегать их неоправданно завышенной оценки. Классические стратегии прекрасно знают об отсутствии у своей так называемой науки больших возможностей и постоянно указывают на опасность требования от нее того, что она дать не в состоянии. Они даже не употребляют само слово «наука», предпочитая более старый термин «искусство», и не допускают точной формулировки законов стратегии. Подобные законы, по их мнению, могут лишь ввести в заблуждение на практике, поскольку противодействия, которым они подвержены благодаря одним только непрогнозируемым человеческим факторам, чрезвычайно сильны. У юристов бытует поговорка, гласящая, что ничто не вводит в заблуждение сильнее, чем узаконенная максима. Но стратегической максиме, несомненно, в действии следует доверять еще меньше.

Резонный вопрос: какие же тогда осязаемые результаты можно получить благодаря теории? Если все, на чем нам приходится основываться, настолько неопределенно, как же сделать надежные выводы? То, что факторы бесконечно меняются и трудно поддаются определению, — правда, но следует помнить, что это только подчеркивает необходимость максимально твердых и определенных (насколько это возможно в конкретной ситуации) позиций. Чем более неясной представляется проблема, которую следует решить, тем больше решимости следует проявить в поиске отправных точек для начала действий, постоянно памятуя о возможных случайностях и их пагубном влиянии. И здесь на помощь приходит теоретическое изучение стратегии, которое может дать, по крайней мере, некую среднюю величину. Тщательное сопоставление событий прошлого показывает, что определенные линии поведения обычно дают определенный результат. Войны имеют тенденцию к принятию определенных форм с ярко выраженными отличительными особенностями, но эти формы обычно связаны с целью войны и ее значением для одной или обеих воюющих сторон. Методы боевых действий, подходящие для одной формы, могут быть неприемлемы для другой. Можно пойти еще дальше. Использование исторического и сравнительного методов дает вывод, что и человеческий фактор не так уж ненадежен. Можно утверждать, что опре-

деленные ситуации приводят либо нас, либо наших противников в определенное моральное состояние, и на этом можно основываться, производя разного рода расчеты.

Определив среднюю величину, легко сразу оказываться в более выгодном положении. С ней можно сравнить любое предложение, после чего прямо переходить к обсуждению весомости факторов, побуждающих к отклонению от этой величины. Любое дело следует рассматривать с точки зрения его достоинств. Но без некоего ориентира, от которого можно отталкиваться, нереально составить обоснованное суждение — остается только делать предположения. Конечно, в каждом случае будет наблюдаться большее или меньшее отклонение от средней величины, ведь самыми большими военными успехами были максимальные отклонения от нее. Но по большей части эти отклонения были инициированы гениями, которые пошли на это с открытыми глазами, увидев в сложившихся обстоятельствах достаточную причину для такого поступка.

Если взять аналогичный пример, то область стратегической теории сразу станет ясной. Навигации и относящимся к ней элементам сферы мореплавания приходится иметь дело с такими же многочисленными и ненадежными явлениями, как и ведению войны. Вместе они образуют искусство, которое, как и полководческое, всецело зависит от суждения отдельных индивидуумов. Законы штормов и приливно-отливных явлений, ветров и течений, а также всей метеорологии подвержены бесконечному числу случайных воздействий, но кто в наши дни станет отрицать, что благодаря теоретическому исследованию таких вещей искусство мореплавания стало намного надежнее? Такое изучение само по себе не сформирует моряка или штурмана, но без него современный мореплаватель не сможет качественно выполнять свою работу. Несмотря на то что шторма не похожи один на другой, а течения и вовсе иногда ведут себя непредсказуемо, нельзя утверждать, что изучение нормальных условий бесполезно для принятия практических решений.

Если применить такой же подход к стратегии, иначе говоря, если ее рассматривать не как замену суждению и опыту, а как средство сделать и то и другое более про-

дуктивным, это никому не принесет вреда. Личное мнение и здравый смысл останутся хозяевами положения и помогут продвинуться в верном направлении, когда обилие фактов приведет в замешательство. Теория предостережет, если наметится поворот с проторенной колеи, позволит принять решение, необходимое и оправданное. Когда же начнется обсуждение «в верхах», она поможет удержать решение в определенных рамках.

Однако, помимо изложенного, в военной теории есть еще один момент, имеющий особое значение для морской державы. Принято, частично из-за удобства, а частично из-за отсутствия навыков научного мышления, говорить о морской и военной стратегиях, как будто это совершенно разные отрасли знаний, не имеющие общей платформы. Именно военная теория выявляет их тесную связь. Она показывает, что использование обеих — более масштабная стратегия, рассматривающая армию и флот как одно оружие, координирующая их действия и вырабатывающая курсы, по которым армия и флот должны двигаться, чтобы максимально реализовать свою мощь. Такая стратегия подтолкнет к обозначению функций армии и флота в войне, позволит каждой части вооруженных сил верно оценить ограничения и возможности приписываемых ей функций, осознать, когда следует поступиться собственными интересами ради высших или более срочных нужд другой. Иначе говоря, не приходится сомневаться, что военно-морская стратегия существует не сама по себе, что ее проблемы редко решаются (а то и вовсе никогда), руководствуясь только соображениями, связанными с флотом. Она является частью общей морской стратегии — более масштабного учения, которое утверждает, что для успешного ведения войны и полной реализации возможностей морской державы ее армия и флот должны рассматриваться и использоваться как инструменты, не менее тесно связанные между собой, чем части сухопутных вооруженных сил.

По этой причине вряд ли стоит рассматривать военно-морскую стратегию иначе, чем в непосредственной взаимосвязи с общей теорией войны. Иначе невозможно понять, каковы ее истинное значение и факторы, на нее воздействующие.

Часть первая

ТЕОРИЯ ВОЙНЫ

Глава 1

ТЕОРИЯ ВОЙНЫ

Итог работы любого исследователя — подробная карта местности, на которой он путешествовал. Но для тех, кто после него приступал к работе в той же области, эта карта — первое, с чего следует начать. Так же и со стратегией. Прежде чем начать ее изучение, необходимо найти карту, которая сразу покажет участок для исследования и основные черты, определяющие его форму и характеристики. Такую карту может дать только «теория войны». По этой причине, исследуя войну, нужно овладеть основами теории, а уж потом пускаться на поиски практических выводов. Война настолько сложна и многогранна, что без такого руководства есть риск заплутать среди дорог, на каждом шагу изобилующих препятствиями. Если значение стратегии и в сухопутной войне не подвергается сомнению, то в войне на море, где условия стократ сложнее, нужда в ней еще более велика.

Морская стратегия — комплекс принципов, которыми определяются военные действия. Основным фактором в данном случае является море. Военно-морская стратегия — есть ее часть, определяющая движение флота, в то время как морская стратегия определяет, какую роль флот должен сыграть в связи с действиями сухопутных сил. Вряд ли стоит отдельно упоминать о том, что ведение войны при помощи одних только военно-морских сил практически невозможно. Без соответствующей помощи давление с моря может оказывать только негативное вли-

яние. Его эффект обычно медленный и неприятный как для торговли, так и для нейтралов, и поэтому всегда существует тенденция принять условия мира, весьма далекие от желаемых. Для твердого решения необходимо более интенсивное давление. Поскольку люди живут на земле, а не в море, большие разногласия между воюющими народами всегда решались — за исключением разве что редчайших случаев — тем, что армия может совершить на вражеской территории, или страхом перед тем, что флот даст ей возможность совершить.

Таким образом, главная забота морской стратегии — определить взаимоотношения армии и флота в войне. Когда это сделано, и ни в коем случае не раньше, наступает очередь военно-морской стратегии разработать способ, с помощью которого флот может наилучшим образом выполнять свои функции.

Проблема такой координации допускает множество решений. Может статься, что ввиду первостепенной срочности и огромной важности задач флота армии придется посвятить себя помощи флоту, прежде чем начать непосредственные действия против наземных сил противника. С другой стороны, может случиться так, что первейшей задачей флота будет способствовать военным действиям на берегу, и только потом приступить к уничтожению вражеского флота. Максимумы, касающиеся определения первоочередных целей, успешно работавшие в сухопутной войне, никогда не действовали так же хорошо, когда важным фактором войны становилось море. В таких случаях уже недостаточно утверждать, что первоочередная цель армии — уничтожить вражескую армию, а флота — уничтожить вражеский флот. Тонкое взаимодействие наземных и морских факторов создает условия слишком запутанные для столь прямолинейных решений. Даже начальные «уравнения» оказываются слишком сложными, чтобы свести их решение к простому применению готовых максим. Их правильное решение зависит от фундаментальных принципов войны, и для определения позиции, с которой хорошо видны все факторы и их истинные взаимоотношения, решающее значение имеет теория.

Теория, которая сегодня прочно удерживает свои позиции, заключается в том, что война в фундаментальном смысле есть продолжение политики с помощью других средств. Процесс, в результате которого континентальные стратеги пришли к этому выводу, включал ряд сложных философских рассуждений. Создатели теории были достаточно опытными, но их метод не принадлежит к легко воспринимаемому. Поэтому лучше сначала попытаться представить их выводы в конкретной форме, что сразу сделает понятной суть дела. Рассмотрим, например, обычный случай, когда военно-морскому или морскому штабу поручено подготовить план военных действий против определенного государства и дать рекомендации по поводу средств его осуществления. Очевидно, что возникнет следующий вопрос: какова цель войны? Без определенного или альтернативных ответов на этот вопрос штаб вряд ли сможет сделать больше, чем порекомендовать сделать вооруженные силы, которые страна может себе позволить, наиболее эффективными. Прежде чем предпринять дальнейшие шаги, разработчикам необходимо понять множество вещей. Они должны знать, есть ли расчет на получение чего-то от противника, или необходимо не допустить, чтобы он что-то получил от данной страны или любого другого государства. Если от другого государства, то необходимые меры должны основываться на его географическом положении и относительной мощи — сухопутной и морской. Даже если цель ясна, необходимо знать, насколько большое значение ей придает противник. Станет ли он сражаться за нее насмерть или откажется от этого сравнительно легко? В первом случае нельзя надеяться на победу, не слолив полностью сопротивление противника, во втором — достаточно нацелиться на что-нибудь менее дорогостоящее и опасное, предпочтительно находящееся в пределах досягаемости. Все эти вопросы находятся в компетенции министров, отвечающих за внешнюю политику страны, и прежде, чем штаб перейдет к планированию военных операций, на них должны быть даны ответы.

Короче говоря, штаб должен задать вопрос: какую политику проводит ваша дипломатия и где и почему вы ожидаете ее крушения, которое вынудит взять в руки оружие.

Военный штаб должен продолжать работать, когда дипломаты окажутся неспособными получить желаемое, а используемые им методы будут зависеть от природы поставленной цели. Вывод: война есть продолжение политики, форма политического взаимодействия, важной составляющей которой является сражение.

Именно эта теория, на первый взгляд простая и бессмысленная, дала ключ к практической работе, направленной на формирование современных военных планов, и совершила революцию в изучении стратегии. Она появилась только в начале XIX века. Долгое время люди писали об искусстве войны, но из-за отсутствия исправно работающей теории их труды оставались ненаучными, посвященными в основном проблемам сиюминутным и весьма банальным. Правда, были довольно неплохо проработаны мелкие детали, но не был выработан перспективный взгляд на проблему в целом, который позволил бы определить отношение деталей к фундаментальным постоянным величинам рассматриваемой проблемы. Еще не была найдена точка отсчета, благодаря которой можно было бы отделить основополагающие факторы от случайных. Результатом стала тенденция ставить во главу угла только последние примеры и ошибочно применять методы, позволившие достичь недавнего успеха, к войне в целом. Не существовало средств для определения того, чему обязан конкретный успех — сложившимся специфическим обстоятельствам или факторам, общим для всех войн.

Революционные и Наполеоновские войны совпали с периодом философской активности, который обнажил поверхностность и эмпирическую природу всего, что было сделано до этого времени. Наполеоновские методы, по мнению его современников, произвели переворот в ведении наземной войны, которое приобрело совершенно новый аспект, и стало очевидно, что концепции, вполне приемлемые ранее, стали совершенно нежизнеспособны в качестве базы для глубокого исследования. Создалось впечатление, что война на суше изменилась. Теперь она стала не просто ударом и отражением атаки регулярных армий, а стремительным нападением одной вооружившейся нации на другую, когда каждая жаждет крови дру-

гой и стремится уничтожить противника или погибнуть. Люди оказались свидетелями высвобождения человеческой энергии, которая не имела аналогов, по крайней мере в цивилизованные времена.

Предположение не было до конца верным. Ведь если континент раньше действительно не применял упомянутые методы, Англия не была с ними совсем уж незнакома, идет ли речь о суше или о море. Как станет ясно впоследствии, революция XVII века дала Англии активные методы ведения войны, тесно связанные с теми, которые принял на вооружение Наполеон от лидеров французской революции. Философский взгляд мог бы допустить предположение, что явление не было исключительным, а наоборот, вполне естественным выходом человеческой энергии, инициированным вдохновляющим политическим идеалом. Но британский прецедент был забыт, и возбуждение, вызванное новыми французскими методами, оказалось настолько глубоким, что его влияние до сих пор имеет место быть. Некоторые специалисты склонны утверждать, что сейчас существует только один способ ведения войны — наполеоновский. Игнорируя тот факт, что Наполеон в итоге потерпел поражение, они называют ересью даже само предположение, что могут существовать и другие способы. Они не удовлетворяются заявлением, что наполеоновская система подходит ко всем войнам, как бы сильно ни различались их характеры и цели, и насильственно обряжают в ту же форменную одежду и войну на море, полагая, очевидно, что тем самым делают ее презентабельной и придают ей новую силу.

Видя, насколько ограниченной стала наполеоновская идея, было бы удобнее, прежде чем двигаться дальше, точно определить ее особые характеристики, но это не так легко. Подходя к ней с критических позиций, можно увидеть только расплывчатой и не поддающейся определению. Вполне реально с некоторой натяжкой выделить четыре идеи, переплетенные в современном представлении. Во-первых, это идея ведения войны силами не только регулярной армии, но и всего вооружившегося народа — концепция, которая, по сути, вовсе не была наполеоновской. Он получил ее в наследство от революции, хотя в действительности она была намного старше. Это было возрождение

популярной практики, возникшей на раннем этапе социального развития, от которой все нации поочередно отказались, как от экономически не обоснованной и опасной. Результаты этого отказа были иногда хорошими, иногда плохими, но определяющие условия отличались несовершенством. Во-вторых, существует идея активных усилий — не останавливаться, чтобы закрепить каждое мелкое достижение, и гнать врага без перерыва и отдыха, пока он не будет окончательно разбит, — идея, которой Кромвель опередил Наполеона на полтора века. Мало отличается от нее и третья идея — о переходе в наступление. В ней нет ничего нового, поскольку ее преимущества всегда были понятны, и Фридрих Великий постоянно пользовался ею почти с тем же бесстрашием, что и сам Наполеон — даже с заслуживающим порицания безрассудством, как признают высокопоставленные сторонники наполеоновских идей. И наконец, существует идея о превращении вооруженных сил противника, а не территории его государства или его части, в главную цель. Это, вероятно, может рассматриваться как самая значительная характеристика наполеоновских методов. Здесь нас вводит в заблуждение тот факт, что, несомненно, в особых случаях, таких как, например, аустерлицкая кампания, Наполеон делал своей целью вражескую столицу, как будто верил, что ее оккупация является наиболее важным шагом в отношении ликвидации вражеских сил и воли к сопротивлению. Он определенно не считал своей первоочередной целью главную армию противника, ведь основной была армия не Мака, а эрцгерцога Карла.

В общем, когда говорят о наполеоновской системе, имеется в виду две группы идей: в одну входит концепция войны, которая ведется силами всей нации, в другую — идея Кромвеля о продолжительном усилии, предпочтение, отдаваемое Фридрихом наступлению, практически любой ценой, и, наконец, идея о вражеских вооруженных силах как главной цели, которая также принадлежала Кромвелю.

Именно комбинация этих, несомненно, оригинальных идей привнесла в ход ведения военных действий настолько радикальные изменения, что, кажется, война стала другой. В данном случае нет необходимости выяснять, насколько факты подтверждают этот вывод. Учитывая при-

роду вещей, он должен быть ошибочным. Неужто война или что-либо другое могут поменять свою суть? Если создается именно такое впечатление, значит, случайности путают с закономерностями, что нередко было свойственно величайшим мыслителям наполеоновских времен.

На какое-то время, судя по всему, они зашли в тупик, но, очистив свои умы от грохота сражений, в которых они принимали непосредственное участие, эти люди ясно увидели, что новые явления, по сути, являются случайными. Они осознали, что наполеоновские методы, взявшие мир штурмом, были успешными только в войнах определенного характера, а когда полководец решил применить их в войнах другого плана, он потерпел неудачу. Чем это можно объяснить? Какая теория, например, смогла бы охватить наполеоновские успехи в Германии и Италии, а также неудачи в Испании и России? Если же изменилась концепция войны в целом, как можно объяснить успех Англии, которая не меняла свои методы? Ответ на эти вопросы чрезвычайно важен. Наша точка зрения осталась неизменной. Есть ли нечто неотъемлемое в концепции войны, оправдывающее подобное отношение в нашем случае? Имеем ли мы право и в будущем ожидать такого же успеха?

Первым человеком, сформулировавшим теорию, объясняющую явления Наполеоновской эпохи, был генерал Карл фон Клаузевиц, человек, чья ревностная служба и преподавательская работа отразили необходимость систематизации исследований в его профессиональной области. Он был не просто профессором, а солдатом, получившим образование в суровой школе войны. Ученик и друг Шарнхорста и Гнейзенау, он служил в штабе Блюхера в 1813 году, был начальником штаба корпуса Л. Вальмодена во время его кампании против Даву на нижней Эльбе и 3-го прусского армейского корпуса в кампании 1815 года. После этого он был директором Всеобщего военного училища в Берлине и умер в 1831 году, занимая должность начальника штаба армии маршала Гнейзенау. В течение пятидесяти лет после его смерти его теории и система подверглись, как он и ожидал, нападкам со всех сторон. Однако сегодня его работы являются основой стратегической мысли, и прежде всего в Германии, прошедшей школу «крови и железа».

Процесс, с помощью которого Клаузевиц пришел к своей знаменитой теории, прослеживается в его известной работе «О войне». В соответствии с философской модой своего времени он начал с попытки сформулировать абстрактную идею войны. Первым было определение: «Война есть акт, призванный заставить нашего противника выполнить нашу волю». Но этот акт насилия был не просто «столкновением армий», как полтора века назад его определил Монтекуколи¹. Если проанализировать абстрактную идею войны, то по логике акт насилия должен быть осуществлен с помощью всех средств, имеющихся в нашем распоряжении и при максимальном напряжении воли. В результате мы получаем концепцию двух вооруженных наций, напавших друг на друга и продолжающих борьбу с максимальной силой и энергией до тех пор, пока одна из них не оказывается неспособной к дальнейшему сопротивлению. Это Клаузевиц назвал «абсолютной войной». Но богатый практический опыт и систематическое изучение истории подсказали ему, что «реальная война» есть нечто совершенно иное. Он утверждал, что наполеоновские методы действительно приблизились к абсолютным и придали немного цвета использованию абсолютной идеи как рабочей теории. «Но должны ли мы, — спрашивает он, — удовлетвориться этой идеей и применять ее ко всем войнам, какой бы характер они ни носили? Должны ли мы вывести из нее все, что требуется от теории? Это следует решить, потому нельзя ничего с уверенностью сказать о военном плане, не осознав, должна ли война быть только такого типа, или она может быть и другой». Клаузевиц сразу понял, что теория, сформированная вокруг абстрактной или абсолютной идеи войны, будет ограниченной, а значит, не сможет дать всё, что требуется для практических целей. Она исключит почти все войны, которые велись со времен Александра Македонского до эпохи Наполеона. И где гарантия, что следующая война будет строго соответствовать наполеоновскому типу и впишется в абстрактную теорию? «Эта теория, — писал

¹ Монтекуколи Раймунд (1609—1681) — знаменитый австрийский полководец.

он, — совершенно бессильна против обстоятельств». Так оно и было, и войны середины XIX века действительно вернулись к донаполеоновскому типу.

Если коротко, трудность Клаузевица в принятии его абстрактной теории в качестве рабочего правила заключалась в том, что он учитывал следующее: война не началась с началом революционной эпохи и вряд ли закончится вместе с ней. Если эта эпоха изменила характер войны, следует предположить, что война изменится с приходом новых времен и формированием других условий. Теория войны, не предусматривающая этого и не включающая все, что было ранее, и не теория вовсе. Если теория войны призвана использоваться в практических целях, она должна охватывать и объяснять не только высшее проявление враждебности, которому Клаузевиц лично был свидетелем, но также каждое проявление, случившееся ранее или которое может произойти в будущем.

Обдумывая основные причины колебаний в энергии и интенсивности враждебных отношений, Клаузевиц нашел решение. Большой опыт штабной работы и длительное изучение внутренних течений войны подсказали ему, что война никогда не была вопросом, исключительно нацеленным на высшую степень возможного боевого плана. Проявленная энергия всегда корректируется политическими соображениями и глубиной национальных интересов в цели войны. Он видел, что реальная война была в действительности международной связью, которая отличалась от других международных отношений только методом, принятым для достижения политической цели. Так он пришел к своей знаменитой теории, гласящей: война есть продолжение политики другими средствами.

На первый взгляд в ней нет ничего особенного. Но только на основе такой простой и даже очевидной формулы может быть построена грамотная научная система. Нам стоит только детально рассмотреть ее значение, чтобы увидеть, какие важные практические советы можно из нее почерпнуть.

Вооружившись концепцией войны как продолжения политических взаимоотношений, мы понимаем, что все, лежащее вне политической концепции, то есть все, свой-

ственное строго военным и военно-морским операциям, принадлежит к средствам, которыми мы пользуемся для достижения политической цели. Следовательно, первая составляющая военного плана заключается в том, что используемые средства должны как можно меньше противоречить политическим предпосылкам войны. Конечно, на практике, как и в человеческих взаимоотношениях, будет достигнут компромисс между средствами и целью, между политическими и военными крайностями. Но Клаузевиц считал, что политика всегда должна занимать главенствующее положение. Офицер, который ответственен за ведение войны, может, конечно, потребовать, чтобы политические тенденции и взгляды не оказывали значительного влияния на военные средства, находящиеся в его распоряжении. Но, хотя такое требование может в отдельных случаях довольно сильно воздействовать на политику, военные действия всегда должны рассматриваться только как выражение этой политики. Они не должны ее опережать. Политика — цель, а война — средство, с помощью которого мы этой цели достигаем, и средства всегда должны быть неразрывно связаны с целью.

Практическая важность этой концепции теперь будет яснее. Она позволяет на конкретном примере показать, с чего начать. Когда начальнику штаба поручают подготовить военный план, он не должен отвечать, что мы будем воевать так-то и так-то, потому что это метод Наполеона или Мольтке. Он должен выяснить, каковы политические условия и цель войны и как много поставленный на карту вопрос значит для нас и для наших противников. Именно эти соображения определяют характер войны. Урегулировав этот основной вопрос, он сможет определить, будет ли война того же характера, при котором методы Наполеона и Мольтке являются успешными, или она имеет другой характер, и упомянутые выше методы для нее неприемлемы. Далее он разработает и предложит военный план, и не такой, на котором будет стоять клеймо того или иного великого полководца, а тот, который будет соответствовать предстоящей войне. Предполагать, что один метод ведения войны будет соответствовать всем видам войн, значит пасть жертвой абстрактной теории, а

не стать пророком реальности, какими видят себя самые ярые приверженцы наполеоновской школы.

Следовательно, утверждает Клаузевиц, самое первое, величайшее и критическое решение, благодаря которому должны прийти к соглашению государственный деятель и генерал, — это определение характера войны. Они должны быть уверены, что не принимают его ошибочно за другой, не пытаются сделать из него то, чем он в силу своих свойств быть не может. «Это, — заявляет Клаузевиц, — первый из всех стратегических вопросов, имеющий самые далеко идущие последствия».

Таким образом, его военная теория является ценной, прежде всего, потому, что дает четкое направление, по которому мы можем двигаться, чтобы определить характер предстоящей войны, и убедиться, что не пытаемся навязать конкретному характеру войны специфический характер операций только потому, что они оказались весьма успешными в войне совершенно иного плана. Только рассматривая войну как независимое явление и одновременно политический инструмент, можно извлечь пользу из уроков истории и понять, каковы отличия войн в соответствии с характером мотивов и обстоятельств, в связи с которыми они возникли. Эта концепция, говорит Клаузевиц, является первым лучом света, призванным привести нас к истинной теории войны и, таким образом, помочь нам классифицировать войны и научиться различать их.

Жомини¹, его великий современник и соперник, использовал менее философский, но не менее четкий метод и полностью поддержал эту точку зрения. Будучи шведским солдатом удачи, он получил почти такой же опыт, как и Клаузевиц. Опыт был получен, главным образом, в штабе маршала Нея и на русской службе. Он не создал фундаментальную теорию войны, однако его основные выводы были теми же. Первая глава его завершающего труда была посвящена «политике войны». В ней он разделил войны на девять категорий согласно их политическим целям. Основным моментом он посчитал то, «что

¹ Ж о м и н и Генрих (1779—1869) — французский и русский военный писатель, военный деятель.

разные виды войн будут иметь большее или меньшее влияние на характер операций, которые потребуются провести, чтобы достичь поставленной цели, на силы, которые придется применить, и на соглашения, в которых мы будем участвовать». Далее он добавил, что будет существовать большая разница в операциях, в зависимости от риска, на который придется пойти.

Оба автора, хотя они зачастую придерживались противоположных взглядов на используемые средства, были согласны с тем, что фундаментальная концепция войны является политической. Они, конечно, были согласны с тем, что, если мы мысленно изолируем силы, занятые на любом театре военных действий, снова появляется абстрактная концепция войны. Если речь идет об этих силах, война — вопрос борьбы, в которой каждая воюющая сторона должна стараться всеми имеющимися в ее распоряжении средствами уничтожить другую. Но даже при этом они могут обнаружить, что некоторые средства остаются для них недоступными по политическим соображениям и в любой момент военная удача или развитие политических событий, с которыми связана война, может отбросить их к фундаментальной политической теории.

Давайте пока остановимся на концепции войны как проявлении насилия для достижения политической цели. Из этой широкой и простой формулы следует, что войны будут разными — в зависимости от характера цели и величины желания ее достичь. Теперь можно перейти к анализу практических рассуждений, являющихся ее непосредственным результатом.

Глава 2

ХАРАКТЕР ВОЙН — ВОЙНЫ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ И НАСТУПАТЕЛЬНЫЕ

Установив, что войны должны отличаться по характеру, в соответствии с природой и важностью их цели, мы оказываемся перед лицом другой проблемы: вариаций может быть бесчисленное множество, причем с самыми разными отличительными признаками. Градация настолько

сложна, что на первый взгляд не представляется возможным сделать ее базой практического исследования. Но при более детальном изучении становится ясно, что, применяя обычные аналитические методы, предмет исследования можно значительно упростить. Короче говоря, мы должны разработать некую систему классификации, то есть посмотреть, нельзя ли сгруппировать разные варианты в отдельные хорошо известные категории. Учитывая сложность и неосвязаемость предмета исследования, группировка наверняка получится спорной, да и границы между отдельными группами иногда будут размыты. Но если классификация оказалась возможной и полезной в зоологии и ботанике, где приходится иметь дело с огромным числом незначительных изменений, значит, она вполне реальна и полезна в исследовании войн.

Политическая теория войны, в любом случае, даст нам две обширные и четко обозначенные классификационные группы. Такая группировка проста и хорошо известна. Она производится в зависимости от того, каков характер политической цели войны: позитивный или негативный. Если она позитивна, иначе говоря, если наша цель — отвоевать что-то у врага, тогда наша война будет наступательной, если же мы просто не хотим позволить противнику отвоевать некие преимущества в ущерб нам, тогда война будет оборонительной.

Такая классификация имеет ценность только в глобальном смысле. Она определяет общее направление наших операций, но никак не затрагивает их характер, во всяком случае, в отношении морской державы дела обстоят именно так. Ведь для такой страны ни при каких обстоятельствах невозможно организовать ни оборону, ни наступление, не установив эффективный контроль над морем при посредстве агрессивных действий в отношении вражеского флота. Более того, всегда оказывалось, что, даже если наша цель — только оборона, самые эффективные средства ее осуществления — контрнаступления за морем, либо для оказания прямой поддержки союзникам, либо для лишения противника колониальных владений. Таким образом, ни одна категория не исключает ни наступательные операции, ни идею нанести про-

тивнику поражение, чтобы вплотную приблизиться к достижению своей цели. Ни в одном случае концепция не ведет нас в конечном счете к иной цели, помимо вражеских вооруженных сил, и в особенности военно-морских. Единственная существенная разница заключается в том, что, если наша цель позитивна, генеральный план будет наступательным, и мы, по крайней мере, начнем с масштабного наступления. Если же наша цель является негативной, генеральный план будет иметь предупредительный характер, и мы можем выжидать время для контрнаступлений. В этом смысле наши действия всегда должны иметь тенденцию к наступлению. Контрнаступление — душа обороны. Оборона — это вовсе не пассивное действие, поскольку она есть отрицание войны. Если вдуматься, это настороженное ожидание. Мы ждем момента, когда противник может подставиться под контрудар, успех которого ослабит его настолько, что мы окажемся в выигрышном положении для начала собственного наступления.

Рассуждая таким образом, можно прийти к выводу, что, хотя классификация соответствует действительности и вполне логична, давать названия «оборонительные» и «наступательные» нежелательно со всех точек зрения. Для начала, неясно, каковы действительные и логичные отличительные признаки. Классификация предполагает, что ее основой является не столько разница в целях, сколько разница в средствах, используемых для достижения цели. Следовательно, мы окажемся перед необходимостью постоянно бороться с ложным предположением, что позитивная война означает использование наступлений, а негативная — одну только оборону.

Это не может не ввести в заблуждение. Но второе возражение против такого обозначения значительно серьезнее, поскольку следствием является множество ошибок. Дело в том, что классификация «оборонительные» и «наступательные» подразумевает, что оборона и наступление — взаимоисключающие идеи, в то время как истина заключается в том, что они дополняют друг друга. Каждая форма войны является одновременно оборонительной и наступательной. И не важно, насколько ясна наша

позитивная цель или как высок наш наступательный дух, — мы не можем развить агрессивную стратегическую линию без поддержки оборонительной почти на всех главных направлениях. В отношении тактики дела обстоят так же. Даже самый убежденный сторонник наступления признает необходимость наличия в своем арсенале и винтовки, и лопаты. Когда же дело доходит до живой силы и материалов, мы знаем, что без определенной степени защиты ни корабли, ни орудия, ни люди не смогут сосредоточить все свои силы на нанесении удара. В действительности нет безоговорочного выбора между атакой и обороной. В агрессивных операциях всегда стоит вопрос, насколько далеко в применяемые нами методы должна проникнуть оборона, чтобы позволить нам максимально использовать имеющиеся ресурсы, чтобы парализовать силы противника. То же самое и в обороне. Даже ее классическое использование предполагает дополнение наступлением. Находясь внутри крепости, люди знают, что рано или поздно она падет, если только контратака на осадившие крепость отряды или пути подвоза противника не снизит мощь атаки.

Поэтому лучше отказаться от обозначений «оборонительные» и «наступательные», заменив их терминами «позитивные» и «негативные». Но тогда мы вновь сталкиваемся с трудностью. Было много войн, в которых позитивные методы использовались для достижения негативной цели, а такие войны невозможно отнести ни к одному классу. Например, в Войне за испанское наследство нашей главной целью было не позволить Средиземноморью стать французским озером, благодаря союзу французской и испанской корон. Но метод, которым мы воспользовались для достижения этой цели, заключался в захвате военно-морских позиций Гибралтара и Менорки, так что на практике наш метод оказался позитивным. Также во время Русско-японской войны главная цель Японии заключалась в том, чтобы не допустить захвата Кореи Россией. Цель была превентивная и негативная. Но единственный эффективный способ ее достижения заключался в захвате Кореи Японией, и потому для корейцев война на практике была позитивной.

С другой стороны, нельзя закрывать глаза на то, что в большинстве войн сторона с позитивной целью действовала в основном в наступлении, а противоположная сторона — в обороне. И хотя различие представляется непрактичным, его невозможно игнорировать, не поинтересовавшись, почему было именно так, и в этом вопросе будут обнаружены практические результаты классификации — она вынуждает нас анализировать сравнительные преимущества наступления и обороны. Ясное понимание их относительных возможностей — краеугольный камень стратегической науки.

Итак, преимущества наступления очевидны и признаны. Только оно может дать положительные результаты, а мощь и энергия, порожденные возбуждением атаки, имеют огромное практическое значение, которое берет верх над всеми другими соображениями. Каждый человек, понимающий важность духовного начала, захочет использовать наступление, независимо от того, является его цель позитивной или негативной. И тем не менее было немало случаев, когда даже самые энергичные полководцы выбирали оборону, и их выбор оказывался верным. Они прибегали к ней, когда уступали противнику в живой силе, и верили, что никакой агрессивный дух не сможет компенсировать недостаток сил.

Очевидно, при всех недостатках обороны как интенсивной формы военных действий, она должна иметь какие-то преимущества, которые отсутствуют у наступления. В войне мы используем все методы, для которых у нас имеется достаточно сил. Если же мы применяем менее желательный оборонительный метод, значит, у нас или не хватает сил для наступления, или оборона дает нам некие специфические преимущества для достижения своей цели.

Каковы же элементы силы? Таким вопросом необходимо задаться не только для того, чтобы знать, что, если мы вынуждены временно перейти к обороне, это не значит, что все потеряно, но также и для того, чтобы иметь возможность оценить, насколько решительно мы должны действовать в наступлении, чтобы не позволить врагу получить преимущества обороны.

Можно считать общим принципом то, что обладание есть девять десятых успеха. Проще удержать деньги в сво-

ем кармане, чем отнять их у другого человека. Если один человек собирается ограбить другого, он должен быть сильнее или лучше вооружен, если, конечно, не намерен прибегнуть к хитрости или ловкости, и здесь мы видим одно из преимуществ наступления. Сторона, берущая в свои руки инициативу, обычно имеет больше шансов закрепить преимущества ловкости или хитрости. Однако это не всегда так. Если на суше или на море мы имеем возможность занять настолько хорошую оборонительную позицию, что ее невозможно обойти, и противнику, чтобы достичь цели, придется идти на прорыв, тогда преимущества ловкости и хитрости переходят к нам. Мы выбираем устраивающую нас территорию для поединка и будем находиться в знакомом месте, а противник — нет. Мы можем создавать ловушки и подготавливать внезапные контратаки, когда противник находится в самом опасном положении. Отсюда и парадоксальная доктрина: там, где оборона крепка и надежна, преимущество внезапности оборачивается против атаки.

Можно доказать, что, какими бы преимуществами ни обладала оборона, они зависят от сохранения наступательного духа. Его суть в контратаке — терпеливом ожидании возможности нанести удар, а не в праздном бездействии. Оборона — это условие ограниченной активности, а не отдыха. Ее главная слабость заключается в том, что, если она затягивается, наступательный дух умирает. Эта истина настолько важна, что некоторые авторитеты, всячески стремясь ее подчеркнуть, переделали ее во вводящую в заблуждение максиму: «Лучшая защита — это нападение». Отсюда и дилетантское мнение о том, что оборона всегда глупа или малодушна, может привести только к поражению и что истинно военный дух возникает только в наступлении. Ничто не может быть дальше от учений и практического опыта великих мастеров военного дела. Как Веллингтон в Торрес-Ведрас¹, все они периодически использовали

¹ Т о р р е с - В е д р а с — город в Португалии в 40 км от Лиссабона. В 1810 году во время англо-португальской войны Веллингтон построил там укрепленный лагерь, оказавшийся непреодолимым препятствием для войска французского маршала Массена.

оборону до тех пор, пока элементы силы, присущие этой форме войны, в отличие от изматывающего напряжения формы, навязанной ими своим противникам, не поднимали их до положения, в котором они оказывались достаточно сильными, чтобы воспользоваться более изнуряющей формой.

Путаница в мыслях, которая привела нас к неправильному пониманию обороны как метода ведения войны, вызвана несколькими очевидными причинами. Контратака с точки зрения общей оборонительной позиции рассматривалась как истинное наступление — например, в известных операциях Фридриха Великого или в операциях Англии против испанской армады. Аналогичный пример — блестящий контрудар адмирала Тегетоффа в Лиссе. Кроме того, оборона приобрела дурную славу, поскольку ее путают с необоснованно сдерживаемым наступлением, когда превосходящей силе с позитивной целью не хватает духа, чтобы использовать свое материальное превосходство с достаточной активностью и настойчивостью. Выступая против этого, более слабый противник всегда может возместить нехватку живой силы и техники, перейдя в быстрое и решительное наступление, тем самым получив импульс — и моральный, и физический, — который с лихвой компенсирует недостающее. Оборона также оказывается слабой, если выбрана неудачная позиция, которую противник может обойти. Оборонительная позиция — это вообще ничто, ее элементы силы полностью исчезают, если только она не организована так, что противник должен сломить ее силой, чтобы добиться своей цели. Она еще чаще оказывается неудачной, когда применяющая ее воюющая сторона, обнаружив, что не может найти позицию, которая преграждала бы противнику продвижение вперед, пытается выставить заслон на всех возможных линиях атаки. В результате силы этой стороны истощаются, и она лишь подчеркивает свою слабость.

Все сказанное выше отразилось в сухопутной войне, однако на море это не так очевидно. Мне возразят, что на море не может быть обороны. Как правило, это действительно так, если речь идет о тактике, да и то не всегда. Оборонительные тактические позиции в море возможны,

как и на защищенных якорных стоянках. Так было всегда, а появление мин расширило их возможности. Если говорить о последних событиях войны на море, можно упомянуть о японцах, соорудивших на островах Элиота внушительную оборонительную позицию, чтобы закрыть высадку их 2-й армии на полуостров Ляодун. С точки зрения стратегии утверждение совершенно неверно. Стратегическая оборона всегда существовала и на суше, и на море, и прорвать ее всегда было сложнейшей проблемой. Обычно стратегическая оборонительная позиция означала, что противник остается в своих водах и вблизи своих баз, где для нас почти невозможно его атаковать и рассчитывать на впечатляющий результат. Оттуда он постоянно грозит контратаками в момент наивысшего истощения наших сил. Пример — поведение голландцев в Солебее¹. Тот факт, что противнику, выбравшему такой курс, чрезвычайно сложно нанести решающий удар, британцы поняли очень рано. С тех пор одним из основных их занятий стало создание помех противнику в том, чтобы занять подобную позицию и принудить к бою в открытом море или, по крайней мере, вклиниться между ним и базами и заставить действовать в таком положении.

Возможно, самый показательный пример преимуществ, полученных в соответствующих условиях от стратегической обороны, дала Русско-японская война. В завершающих сражениях японский флот сумел воспользоваться преимуществами стратегической обороны в собственных водах, которую русскому балтийскому флоту пришлось прорывать, чтобы достичь своей цели. Результатом стала самая значительная победа из всех известных в истории войн на море.

Устрашающая сила умелых и активных операций с такой позиции всегда была хорошо известна. Подобный механизм неоднократно использовался и в территориальных водах Англии, чтобы не позволить флоту, который в это время не было возможности уничтожить, выполнить работу, ради которой он явился к американским берегам.

¹ Солебейское сражение 1672 года — первое сражение 3-й англо-голландской войны.

Типичная позиция такого рода находилась в районе архипелага Силли¹. Но суть механизма — сохранение агрессивного духа в его самой дерзкой форме. Успех в немалой степени зависит от воли и желания использовать любую возможность для смелых и решительных контрударов, таких, какие наносил Дрейк по испанской армаде.

Морская блокада, призванная отвлечь внимание превосходящего флота противника, — другая форма обороны, но почти всегда гибельная. На короткое время она может принести пользу, позволив начать наступательные операции где-то в другом месте, которые иначе были бы невозможны. Но, затянувшись, она рано или поздно уничтожит дух ваших вооруженных сил и сделает их неспособными к эффективной агрессии.

Можно сделать следующий вывод: хотя для практической цели составления или оценки планов военных действий классификация войн на оборонительные и наступательные почти бесполезна, ясное понимание неотъемлемых свойств наступления и обороны чрезвычайно важно. Следует понимать, что в некоторых случаях, при условии, что нам удастся сохранить агрессивный боевой дух, оборона помогает более слабой стороне достичь результатов, в то время как наступление в аналогичных условиях может привести к их полному уничтожению. Но основы силы целиком зависят от воли и прозорливости командиров, способных наносить быстрые и решительные удары по врагу в моменты его максимальной незащищенности. Как только оборону перестают рассматривать как средство накопления сил для удара и уменьшения атакующей мощи противника, она теряет всю свою силу. Она перестает быть даже временно приостановленной деятельностью, а все, что не является деятельностью, не является и войной.

Обозначив сравнительные преимущества наступления и обороны, мы можем двигаться дальше. Конечно, можно подробно описать преимущества и недостатки каждой формы, но любые подобные заявления, не подкрепленные конкретными примерами, объясняющими их значение,

¹ А р х и п е л а г С и л л и — острова на юго-западе Англии.

обязательно покажутся противоречивыми и приведут к путанице. Лучше отложить их полное рассмотрение до тех пор, пока мы не займемся стратегическими операциями и сможем заметить их действительное влияние на ведение войны в ее разных формах. Итак, на время оставив нашу первую классификацию войн на оборонительные и наступательные, мы переходим ко второй, имеющей большое практическое значение.

Глава 3

ХАРАКТЕР ВОЙН — ВОЙНЫ ОГРАНИЧЕННЫЕ И НЕОГРАНИЧЕННЫЕ

Вторая классификация, к которой нас привела политическая теория войны, была впервые сформулирована Клаузевицем, и ей он придавал исключительно большое значение. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть его взгляды несколько подробнее, но вовсе не потому, что есть необходимость рассматривать континентального солдата, каким бы он ни был заслуженным, как непререкаемый авторитет для моряков. Причина как раз в обратном. Именно скрупулезный анализ его идей на этот счет покажет нам, какая огромная, затрагивающая самую суть разница между немецкой или континентальной школой стратегии и британской или морской школой. Кстати, последнюю многие авторы считали несуществующей. Полезно лишний раз подчеркнуть вред этого утверждения, и главной целью настоящей и последующих глав будет отражение того, как и когда даже величайшие континентальные стратеги оказывались неспособными понять характерные концепции, являющиеся традиционными для британцев.

В классификации, о которой идет речь, Клаузевиц разделял войны на ограниченные и неограниченные. При ее формулировке он учел не только материальную природу цели, но и определенные моральные соображения, на значение которых в войне он указал первым. Другие авторы, такие как Жомини, пытались классифицировать войны по специфическим целям, во имя которых они велись, но

Клаузевиц, посвятив много времени вдумчивому изучению войн, пришел к выводу, что такое разделение не является философским и не связано ни с одной рациональной военной теорией. Было очень важно, является ли война позитивной или негативной, но ее специфическая цель, например «отстоять права», «помочь союзникам» или «отвоевать территорию», не имела никакого значения.

Какой бы ни была цель, жизненно важным вопросом является интенсивность, с которой дух нации сконцентрировался для ее достижения. При составлении военного плана очень важно правильно определить, что цель войны значит для воюющих сторон, какие жертвы они готовы принести ради нее и на какой риск готовы пойти. Клаузевиц утверждал следующее: «Чем меньше жертв мы требуем от нашего противника, тем, предположительно, меньше средств сопротивления он будет использовать. Чем меньше средств использует противник, тем меньше средств потребуется нам. Аналогично, чем меньше масштаб у нашей политической цели, тем меньше ее ценность для нас и тем легче нам от нее отказаться». Так политическая цель войны, ее первоначальный мотив не только определит для обеих воюющих сторон мишень для сил, которые они намерены использовать, но также станет критерием интенсивности прилагаемых усилий. В заключение Клаузевиц утверждает, что могут существовать войны самых разных степеней важности и затрачиваемой энергии, от войны на уничтожение до использования отрядов наблюдателей. Также и в военно-морской области может завязаться борьба не на жизнь, а на смерть за господство на море, или противостояние, не выходящее за пределы блокады.

Такое рассмотрение проблемы было, конечно, существенным отступлением от теории «абсолютной войны», над которой начал работать Клаузевиц. Согласно этой теории «абсолютная война» была идеальной формой, которой должны достичь все войны, а те, которые ей не соответствуют, являются несовершенными — им недостает истинно военного духа. Но, осознав, что в реальной жизни моральный фактор всегда перевешивает чисто военный, Клаузевиц четко увидел, что основывает свои по-

строения на чисто теоретической базе, не принимающей в расчет человеческий фактор. Он понял, что неверно принимать за основу стратегической системы идею о том, что существует одна модель, которой должны соответствовать все войны. В свете своей итоговой оценки человеческого фактора он определил, что войны подразделяются на две четко обозначенные категории, к каждой из которых следует подходить по-разному, не обязательно с позиций «абсолютной войны».

Клаузевиц понимал, что существовал один класс войн, в которых политическая цель была настолько важна для обеих воюющих сторон, что во имя нее они шли на все. Но есть и другая группа войн, где цель менее важна, иначе говоря, ее ценность для одной или обеих воюющих сторон не настолько значительна, чтобы тратить ради нее большие средства и проливать кровь. Войны, попадающие в эти классы, он назвал «неограниченными» и «ограниченными». При этом Клаузевиц имел в виду не то, что силы воюющих сторон не будут тратить максимум энергии, а то, что может существовать граница, переходить которую нет никакого смысла. Речь идет о некой точке, достигнув которой, задолго до того как силы сторон будут полностью истощены, разумнее отказаться от цели, чем продолжать тратить на ее достижение энергию, время и деньги.

Необходимо очень четко эту разницу видеть — из-за ее поверхностного сходства с той разницей, о которой уже упоминалось, — на нее Клаузевиц указал в начале своего труда. Речь идет о различии между тем, что он назвал характером современной войны, и характером войн, предшествовавших Наполеоновской эпохе. Нельзя забывать, утверждал он, что войны его времени были войнами между вооружившимися нациями с тенденцией направить весь народ на линию огня, в то время как в XVII и XVIII веках войны велись регулярными армиями, а не всем народом. Разница вполне реальна и предполагает далеко идущие последствия, но не имеет никакого отношения к разнице между ограниченной и неограниченной войной. Война может вестись по наполеоновской системе ради ограниченной или неограниченной цели.

Внести ясность поможет современный пример. Русско-японская война была развязана ради ограниченной цели — утверждения прав на территорию, которая не являлась собственностью ни одной из воюющих сторон. Военное противостояние велось по современным канонам двумя вооруженными нациями, а не только регулярными армиями. Но для одной воюющей стороны цель была настолько ограниченной, что это заставило ее отказаться от продолжения войны задолго до того, как ее силы окончательно истощились. Расходы средств и людских ресурсов оказались столь велики, что игра, как говорится, не стоила свеч.

Различие между ограниченной и неограниченной войной Клаузевиц считал чрезвычайно важным, имеющим большее значение, чем ранее установленное им различие между негативным и позитивным характером цели. Ему потребовалось много времени, чтобы прийти к пониманию этого. Его величайший труд «О войне» почти целиком основан на концепции обороны или наступления в применении к наполеоновской идеальной или абсолютной войне. Новая идея пришла к нему уже в конце, когда он достиг зрелости, всю свою жизнь изучая войны. Она возникла в процессе его попыток применить свои стратегические построения к практике разработки военного плана перед лицом угрозы со стороны Франции. Клаузевиц начал ее рассматривать только в заключительной части «О военных планах». К этому времени он уже оценил первый практический результат, к которому вела его теория. Ему стало ясно, что различие между ограниченной и неограниченной войной подразумевало значительную разницу в методах ее ведения. Когда цель неограниченна и, следовательно, потребует от противника использования всей его военной мощи, очевидно, исход борьбы возможен только после окончательного разгрома задействованных противником сил. Если нет обоснованной надежды это сделать, добиваться цели силой было бы ошибочной политикой, иными словами, ввязываться в войну не следует. В случае же ограниченной цели нет необходимости в полном уничтожении вооруженных сил противника. Своей цели можно достичь, захватив ее, и, воспользовав-

шись элементами силы, заключенными в обороне, создать такую ситуацию, когда противнику слишком дорого обойдется борьба за цель, которая того не стоит.

Именно в этом и заключается большая разница между фундаментальными постулатами военного плана. В случае неограниченной войны главное стратегическое наступление должно быть направлено против вооруженных сил противника; в случае ограниченной войны, даже если цель позитивна, в этом нет необходимости. Если условия благоприятны, достаточно будет сделать сам объект стремления военной целью главного стратегического наступления. Понятно, что таким образом Клаузевиц пришел к теоретическому различию, которое модифицировало всю его стратегическую концепцию. Вполне логично, что больше не существовало одного вида войны — абсолютной — и одной истинной цели — вооруженных сил противника. Эта глубокая научная теория сразу подтвердила свое большое практическое значение, поскольку продемонстрировала различие, из которого должна исходить фактическая работа по составлению военного плана.

Подтверждением глубины и надежности этих взглядов является тот факт, что Жомини пришел к почти идентичным выводам независимо от Клаузевица и следуя совсем другим путем. Его метод был абсолютно конкретным и основывался на сравнении фактов, полученных путем наблюдений, но привел его так же уверенно, как абстрактный метод его соперника, к выводу о двух разных классах цели. «Всего целей две, и они различны, — писал он. — Одну можно назвать территориальной или географической... другая, в противоположность первой, заключается единственно в уничтожении или дезорганизации вражеских сил, при этом территориальные вопросы роли не играют». В первой категории своей первой главной классификации «о наступательных войнах для установления прав» он рассматривает то, что Клаузевиц назвал «ограниченными войнами». Приводя в качестве примера войну Фридриха Великого за Силезию, Жомини утверждает: «В такой войне... наступательные операции должны быть пропорциональны имеющейся в виду цели. Первая акция, естественно, — это захват территорий, о которых идет

речь» (заметьте, что это вовсе не прямой удар по главным силам противника). «Затем, — говорит он, — можно продолжать наступление, в зависимости от обстоятельств и имеющихся сил, чтобы получить желаемую территориальную уступку, угрожая врагу на его земле». В этом, по сути, заключается и доктрина «ограниченной войны» Клаузевица: сначала — территориальная стадия, во время которой осуществляется попытка захватить географический объект, затем — стадия принуждения, в процессе которой оказывается общее давление на противника, имеющее целью заставить его принять навязанную вами неблагоприятную ситуацию.

Очевидно, что такой способ ведения войны в корне отличается от применяемого Наполеоном, и это нам наглядно продемонстрировали Клаузевиц и Жомини, два апостола наполеоновского метода. Дело в том, что оба корифея видели и знали слишком много, чтобы не понимать: наполеоновский метод применим только при наличии явного физического или морального превосходства. Рассматривая такую ситуацию, оба настаивали на использовании экстремальных средств в наполеоновской манере. Нельзя сказать, что они рекомендовали именно высший путь, предпочитая его низшему. Будучи ветеранами-штабистами, а не чистыми теоретиками, и Клаузевиц, и Жомини понимали, что воюющая сторона иногда должна находить высший путь, находящийся за пределами ее сил или за пределами усилий, на которые готова нация для достижения цели. А поскольку оба были практиками, они тщательно изучали потенциальные возможности низшего пути, на случай если превратности войны заставят по нему следовать. Они обнаружили, что эти потенциальные возможности при определенных обстоятельствах весьма велики. В качестве случая, когда более низкая форма оказалась самой подходящей, Жомини привел наполеоновскую кампанию 1812 года против России. По его мнению, Наполеону следовало начать с малого, с ограниченной территориальной цели. Неудачу французского императора он объясняет неправильным использованием метода, который между тем был вполне уместен в его войнах против Германии, однако не смог достичь положительного результата в российских условиях.

Зная, как высоко было мнение Наполеона о Жомини, которого он считал непревзойденным мастером военной науки, важно упомянуть, что его взгляды на два характера войны игнорировались современниками. Еще более любопытен факт, что практически то же самое было и с Клаузевицем, считавшим, что эта классификация является ключевой. Это может объясняться тем, что различие не очень четко сформулировано в его первых семи книгах — а только они были оставлены автором в более или менее законченном состоянии. Только в своей восьмой книге «О военных планах» он, наконец, отметил чрезвычайную важность различия, к которому так долго шел. В ней Клаузевиц дал очень четкую формулировку, правда, сама книга, к сожалению, так и не была завершена. Однако вместе с рукописью он оставил «замечания», в которых предостерег от рассмотрения своих более ранних книг, поскольку он полностью выражал развивающиеся идеи. Из этих замечаний также ясно, что Клаузевиц считал предложенную классификацию чрезвычайно важной, верил, что она поможет справиться со всеми трудностями, которые встречались в предшествующих работах. Они, по его мнению, были вызваны исключительной приверженностью к наполеоновскому методу ведения войны. «Я рассматриваю первые шесть книг, — писал он в 1827 году, — как сбор материала, еще неоформленного и требующего повторного рассмотрения. В процессе пересмотра два вида войн будут выделены более четко, и все остальные идеи обретут ясность, точность и определенность в применении». Очевидно, автор был неудовлетворен теорией абсолютной войны, с которой начал. Новое открытие убедило его, что теория не сможет служить стандартом для всех характеров войн. «Будем ли мы, — писал он в 1827 году в восьмой книге труда «О войне», — удовлетворены этой идеей, чтобы применять ее ко всем войнам, как бы сильно они ни различались?» На свой вопрос Клаузевиц в той же книге ответил отрицательно. «Вы не можете определить требования всех войн, основываясь на наполеоновском типе. Принимайте к сведению этот тип и его абсолютный метод, чтобы использовать его, *когда сможете* или *когда будете должны*, но всегда помните, что существует два характера войн».

В записях того времени Клаузевиц впервые осмыслил упомянутое выше различие и определил два характера войны следующим образом: «Во-первых, те, в которых цель — *поражение врага*, независимо от того, стремимся ли мы добиться его политической гибели или хотим только разоружить и вынудить заключить мир на наших условиях. Во-вторых, те, в которых наша цель — просто осуществить некоторые завоевания на границах своей страны, или сохранить их для себя, или превратить их в предмет торговли при обсуждении условий мира». В восьмой книге он намеревался тщательно разработать всеобъемлющую идею, которую сумел постичь. Об этой книге Клаузевиц говорил: «Ее основная цель — доказать две указанные выше точки зрения, с помощью которых все будет упрощено и в то же время получит дыхание жизни. Этой книгой я хочу внести ясность в суждения стратегов и государственных деятелей, и, по крайней мере, показать, какова цель действия, и обозначить главные вопросы, которые должны рассматриваться в войне».

Этот замысел так никогда и не был реализован. Возможно, именно поэтому прозорливый анализ Клаузевица многими игнорировался. Восьмая книга дошла до нас в фрагментарном виде. Весной 1830 года, в тревожный момент, когда Пруссия собирала все силы для еще одного самостоятельного сражения с Францией, Клаузевиц был призван на службу. Оставленные им части книги «Военные планы» он называл «грубо расчищенной дорогой сквозь массу с целью обратить особое внимание на величайший момент». Он говорил, что намерен «привнести дух этих идей в первые шесть книг» и увенчать свой труд, скрупулезно разработав и конкретизировав прозорливые положения о том, что война есть форма политики и что, являясь таковой, она может быть ограниченной и неограниченной.

Степень, в которой ему удалось внедрить свою новую идею в умы людей, каждый волен оценить для себя; но сам факт сомнению не подвергается. Зимой, принимая во внимание угрозу со стороны Франции в отношении Бельгии, Клаузевиц составил военный план, основанный не на наполеоновском методе, в котором главной стратеги-

ческой целью являются вооруженные силы противника, а на захвате ограниченного территориального объекта и навязывании Франции невыгодного контрнаступления. Революционное движение в Европе разрушило Священный союз. Пруссия не только оказалась практически в одиночестве против Франции, но и сама была измотана революцией. Принять высшую форму войны и пытаться уничтожить вооруженные силы противника она не могла. Но в ее силах было использовать более низкую форму войны и, захватив Бельгию, принудить Францию к такой изматывающей борьбе, что успех был вполне реален. Точно такой же была попытка начать Семилетнюю войну. Аналогичный метод помог японцам достичь успеха в войне с Россией. Но что самое поразительное, подобным образом при схожих обстоятельствах Мольтке в 1850 году составил свой первый военный план, направленный против Франции. Он придерживался взглядов, которые, как полагал Жomini, должны были быть наполеоновскими в 1812 году. План предусматривал не нанесение прямого удара по Парижу или главным силам французской армии, а оккупацию Эльзаса—Лотарингии и удержание этой территории до тех пор, пока изменившиеся условия не дадут ему необходимое превосходство для перехода к более высокой форме войны или навязывания выгодного мира.

В завершение следует отметить, что созревшим плодом наполеоновского периода являлась теория войны, основанная не на единичной абсолютной идее, а на двойственном различии ограниченной и неограниченной войны. Какую бы практическую важность мы ни придавали этому различию, невозможно не признать ясные и выразительные утверждения Клаузевица и Жomini. А практическая важность — это уже следующий вопрос. Можно справедливо возразить, что в континентальной войне, несмотря на примеры, приведенные обоими классическими авторами, она не слишком велика. Но следует помнить, что континентальная война — не единственная форма войны, в которой решаются международные вопросы. Ознакомившись с последним вопросом, которого достигли Клаузевиц и Жomini, мы в действительности находимся только на пороге открытия. Нам придется начать с того места,

где они остановились, и понять, насколько сильны их идеи в современных условиях мировых имперских государств, для которых море стало непосредственным и жизненно важным фактором.

Глава 4

ОГРАНИЧЕННАЯ ВОЙНА И МОРСКИЕ ИМПЕРИИ — РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ КЛАУЗЕВИЦА И ЖОМИНИ ОБ ОГРАНИЧЕННОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛИ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ИМПЕРИЙ

Уже упоминавшиеся немецкие военные планы, основанные соответственно на оккупации Бельгии и Эльзаса—Лотарингии, и замечания Жомини о губительной русской кампании Наполеона прекрасно иллюстрируют важную мысль, к которой пришли континентальные стратеги, следуя по пути, указанному Клаузевицем. Далее нам предстоит рассмотреть ее реализацию в современных имперских условиях, и прежде всего те случаи, в которых присутствует морской фактор. Мы увидим, насколько невелико продвижение вперед в сравнении с далеко идущими последствиями для морской и, главное, островной державы.

Ясно, что сам Клаузевиц никогда не осознавал всей значительности своей блестящей теории. Его взгляды ограничивались сухопутной составляющей, и ограничения континентальной войны, судя по всему, не позволяли в полной мере понять сформулированный им принцип. Проживи он достаточно долго, несомненно, сумел бы доработать теорию до ее логического завершения, но смерть прервала работу, и теория ограниченной войны осталась в зачаточном состоянии. Следует отметить, что на протяжении всей своей работы Клаузевиц говорил о войне между двумя граничащими между собой континентальными народами. Нетрудно догадаться, что в войне такого типа принцип ограниченной цели может редко, если может вообще, утвердиться в совершенной точности. Сам Клаузевиц изложил его абсолютно ясно. Рас-

смаатривая случай, когда «уничтожение врага», иными словами, неограниченная война является непосильной задачей, он указывает, что при этом совершенно не обязательно переходить к обороне. Действия могут оставаться позитивными и наступательными, хотя целью будет не более чем «захват части вражеской территории». Клаузевиц знал, что такой захват может настолько ослабить позицию противника и укрепить свою, что позволит добиться выгодного мира. История знает множество подобных случаев. Кроме того, автор указывает, что такая форма войны чревата большими недостатками. После захвата имеющейся в виду части территории наступательные действия, как правило, приостанавливаются. Приходится переходить к обороне, и остановка наступления, как уже раньше указывалось, является пагубной, хотя бы только по причинам морального порядка. В дополнение к этому нередко оказывается, что после достижения территориальной цели ударная группа войск настолько далеко ушла от основных сил, оставшихся дома, что оказалась неспособной достойно встретить врага, если он будет в состоянии нанести ответный удар. Это и произошло в аустерлицкой кампании, где целью австрийцев было отделить Северную Италию от наполеоновской империи. Австрия нацелила свои главные силы под командованием эрцгерцога Карла на захват желаемой территории. Наполеон немедленно нанес удар по Вене, уничтожил оставшиеся дома войска и занял столицу раньше, чем эрцгерцог сумел преградить ему путь.

Вывод заключается в следующем: поскольку любая стратегическая атака оставляет собственные объекты незащищенными, необходимы какие-либо резервы для их обороны. Поэтому ясно, что, если целью является ограниченный территориальный объект, оборона потребует намного больше сил, чем если бы атака была направлена на главные силы противника. В неограниченной войне атака будет сама по себе защищать все необходимые объекты, вынуждая противника сосредоточить все свои силы для ее отражения. Поэтому Клаузевиц отмечает: оправданна ограниченная форма или нет — зависит от географического положения цели.

Британский опыт и поныне подтверждает выводы Клаузевица. Но далее он утверждает, что чем ближе цель к своим границам, тем безопаснее эта форма войны, поскольку наступательные действия одновременно прикрывают свою страну. В качестве примера он приводит Фридриха Великого, начавшего Семилетнюю войну с оккупации Саксонии, что существенно укрепило оборону Пруссии. О действиях британцев в Канаде¹ он не говорит ничего. Взгляды Клаузевица были сугубо сухопутными, и ему даже не пришло в голову проверить свою доктрину успешными действиями, когда послужившая целью территория была очень далеко от границ страны и наступление никак не прикрывало оставшиеся дома объекты. Сделав это, он непременно убедился бы, что случай с Канадой намного убедительнее в отношении ограниченной войны, чем случай с Саксонией. Более того, он сумел бы увидеть, что трудности, которые, несмотря на его веру в свое открытие, сопровождали попытки его применить, объясняются тем фактом, что выбранные им примеры вовсе таковыми не являются.

Когда Клаузевиц постиг эту идею, единственным видом ограниченных целей, которые он имел в виду, были, по его собственным словам, «завоевания на границах вражеской страны», такие как Силезия и Саксония для Фридриха Великого, Бельгия в его собственном военном плане и Эльзас—Лотарингия в плане Мольтке. Сейчас очевидно, что такие цели не являются действительно ограниченными, и тому есть две причины. Во-первых, такая территория обычно является органической частью вражеского государства, иначе говоря, настолько важна для него, что он захочет использовать неограниченные усилия, чтобы ее сохранить. Во-вторых, у противника не будет ни одного стратегического препятствия для использования всех своих сил, чтобы достичь этой цели. Для того чтобы полностью удовлетворить концепции ограниченной цели, необходимо одно из двух условий. Первое: она должна иметь не только ограниченную площадь, но и ограниченную политическую важность; второе: она должна быть стратегически изолиро-

¹ Имеется в виду англо-американская война 1812—1814 годов, итогом которой стал отказ США от притязаний на территорию Канады.

вана или поддаваться практической изоляции посредством стратегических операций. Если это условие не выполняется, любая из воюющих сторон, и Клаузевиц сам это видел, в силах при желании перейти к неограниченной войне и, игнорируя территориальную цель, нанести удар в место сосредоточения сил противника и заставить его прекратить свою деятельность.

Кроме того, если мы будем рассматривать войну только между граничащими государствами, в которой целью является захват территории на одной из границ, мы не получим «родовой» разницы между ограниченной и неограниченной войной. Граница между ними в любом случае нестабильна и не способна придать классификации основательность. Собственно говоря, здесь вопрос в степени, а не в виде. Если, с другой стороны, мы будем рассматривать и войну между мировыми империями, разница сразу же станет органичной. Владения, лежащие за морями или в удаленных концах малозаселенных территорий, попадают в совершенно другую категорию, нежели ограниченные цели, рассматриваемые Клаузевицем. История показывает, что они никогда не обладают такой же политической важностью, как территории, являющиеся органичной частью европейской системы, и могут быть изолированы с помощью военноморских операций, при создавшихся условиях для действительно ограниченной войны.

Жомини подошел к этой мысли, но четко ее не сформулировал. В главе «О великих вторжениях и дальних экспедициях» он указал, что далеко не безопасно применять условия войны между граничащими друг с другом государствами к тем случаям, когда воюющие стороны разделены большим пространством — сухопутным или морским. Он пребывал в нерешительности, рассматривая морской фактор, чувствовал, что он создает существенную разницу, но так и не сумел разобраться, какую именно. Его концепция взаимодействия флота и армий никогда не поднималась выше их фактического сотрудничества в пределах взаимной досягаемости на удаленном театре военных действий. Жомини имел в виду помощь, оказанную британским флотом Веллингтону на Пиренейском полуострове, и мечты Наполеона об азиатских завоеваниях,

причем столь далекие экспедиции считались в то время невозможными, разве что в сотрудничестве с мощным флотом, который мог бы обеспечить для армии вторжения последовательные передовые базы. О значении изолирующих и превентивных функций флота он не упоминал.

Даже при рассмотрении заморских экспедиций, к которому он пришел в итоге, его понимание проблемы не стало четче. Интересно, что чисто континентальный взгляд так и не позволил ему правильно оценить проблему, и, посвятив более тридцати страниц перечислению заморских экспедиций, Жомини, как и Клаузевиц, даже не упомянул о завоевании Канады. Именно оно является основным примером того, как слабая военная держава добилась успеха, используя ограниченную форму войны, и навязала свою волю сильной державе, сумев действиями военно-морского флота обеспечить безопасность своей страны и изолировать территориальную цель.

Чтобы получить точное представление о действительно ограниченных целях, нам придется покинуть континентальные театры и перейти к смешанным или морским войнам. Следует рассмотреть такие случаи, как Канада и Гавана в Семилетней войне, Куба в испано-американской войне, когда с помощью военно-морских операций стала возможной полная изоляция цели. Необходимо также упомянуть о таких примерах, как Крым и Корея, где достаточная изоляция была достижима благодаря протяженности и сложности вражеских наземных коммуникаций, а также стратегической ситуации поставленной на карту территории.

Эти примеры также могут проиллюстрировать и выделить второй отличительный признак такой войны. Как уже было сказано, чтобы цель считалась действительно ограниченной, необходима сила не только для изоляции, но и для обеспечения обороны дома, способной поставить заслон неограниченному контрудару. Во всех упомянутых выше случаях это условие существовало. В них воюющие стороны не имели общих границ, что чрезвычайно важно. Не приходится сомневаться в том, что, если две воюющих стороны имеют общую границу, более сильная из них всегда может перейти по своей воле к неограниченной войне.

И не важно, насколько удалена ограниченная цель и насколько просто ее изолировать. Процесс возможен и в том случае, когда воюющие стороны разделены нейтральным государством, потому что на территорию слабой нейтральной страны всегда можно вторгнуться, если цель достаточно важна. Когда нейтральное государство является сильным, всегда остается возможность сделать его союзником.

Таким образом мы приходим к последнему высказыванию — о том, что ограниченная война возможна только между островными государствами или государствами, разделенными морем, и только когда государство, желающее начать ограниченную войну, имеет преимущество на море и может обеспечить не только изоляцию удаленной цели, но и невозможность вторжения противника на свою территорию.

Мы, наконец, пришли к истинному смыслу и величайшей военной ценности того, что мы называем превосходством на море, и имеем возможность прикоснуться к секрету успеха Англии в борьбе с государствами, многократно превосходящими ее в военной силе. Очень хорошо, что в первую очередь этот секрет открылся англичанину. Но следует отметить, что без доктрины Клаузевица смысл известного изречения Бэкона не до конца понятен. «Определенно, — говорил великий елизаветинец об опыте первой имперской войны, — кто имеет преимущество на море, обладает большой свободой и волен принимать такое большое или такое малое участие в войне, какое захочет. Те же, кто сильнее на земле, тем не менее постоянно попадают в затруднительное положение». Трудно точнее определить важность доктрины Клаузевица. Ее основная истина обозначена ясно: ограниченные войны зависят не от вооруженной силы воюющих сторон, а от количества этой силы, которое они могут или хотят собрать в решающем сражении.

Остается только сожалеть, что Клаузевиц не мог взглянуть на мир глазами Бэкона и всесторонне доработать свою доктрину. Он стремился сформулировать теорию, которая объяснила бы все войны, и верил, что сделал это, но так и не узнал, каков был его успех и насколько широка область, которую он сумел охватить. Судя по всему, Клаузевиц до

самого конца не был уверен, что нашел объяснение одной из самых непостижимых проблем истории — английской экспансии, — во всяком случае, насколько она была обязана успешным войнам. То, что маленькая страна со слабой армией сумела захватить самые желаемые районы земли, причем сделать это за счет величайших военных держав, — это парадокс, с которым военные державы мириться не желали. Явление казалось делом случая — случайностью, не имеющей никакой основы в основных законах войны. Именно Клаузевиц, сам того не подозревая, открыл объяснение этого явления, разъяснив нам силу, присущую ограниченной войне, когда условия и средства благоприятны для ее использования.

Если мы рассмотрим проблему в более широком смысле, чем это было доступно Клаузевицу, и подвергнем его последние идеи проверке современных имперских условий, они обретут более полное значение и прочную основу. А после применения их к морской войне становится очевидным, что различие между ограниченной и неограниченной войной, определенное Клаузевицем, опирается не только на моральный фактор. Война может быть ограниченной не только потому, что важность цели слишком ограничена для того, чтобы потребовались силы всей нации, но также потому, что море может представлять собой непреодолимое физическое препятствие для использования сил всего народа. Иными словами, война может быть ограниченной физически — в связи со стратегической изоляцией цели или морально — из-за ее сравнительной неважности.

Глава 5

ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ — ОГРАНИЧЕННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО ИЛИ НЕОГРАНИЧЕННАЯ ВОЙНА

Прежде чем завершить общее рассмотрение ограниченной войны, необходимо поговорить о той форме, которая раньше не упоминалась. Клаузевиц дал ей предварительное название «война ограниченным контингентом» и не

нашел для нее места в своей системе. Она представлялась ему в корне отличной от войны, ограниченной своей политической целью, или, как говорил Жомини, войны с территориальной целью. И все же ее необходимо принять во внимание и объяснить хотя бы из-за роли, которую она сыграла в европейской истории.

Мы должны рассмотреть этот тип войн с особым вниманием не только потому, что он поставил в тупик великого немецкого стратега, который не сумел согласовать его со своей военной теорией. Дело в том, что именно в таких войнах Великобритания успешнее всего демонстрировала потенциальную возможность прямого континентального вмешательства маленькой армии, действующей в союзе с доминирующим флотом.

Совместные операции, которые являлись обычным выражением британского метода ведения военных действий на ограниченном базисе, делились на два класса. В первый класс входили операции, направленные только на достижение цели, ради которой началась война, — обычно это были колонии или далекие заокеанские территории. Во второй класс входили операции в прибрежных европейских районах, направленные не на постоянное завоевание, а являвшиеся способом расстроить планы противника и укрепить положение союзников и свое собственное. Такие операции могли иметь форму второстепенных береговых операций или обрести первостепенную важность, как, например, в действиях Веллингтона на Пиренейском полуострове, когда они стали неотличимыми от регулярных континентальных военных действий.

Поэтому создается впечатление, что эти операции различались не столько по характеру цели, сколько по тому факту, что мы выделяли для них не всю нашу военную мощь, а только ее определенную часть. Следовательно, для них нужна особая классификация, и они органично впишутся в категорию, названную Клаузевицем «войной ограниченным контингентом».

Это был характер войны, достаточно хорошо известный на континенте. В XVIII веке имело место значительное число случаев, когда война велась действительно ограниченным контингентом, то есть страна, для которой

цель войны не была жизненно важной, вела военные действия, выделяя главной воюющей стороне вспомогательные войска заранее оговоренной силы.

В шестой главе своей последней книги Клаузевиц намеревался рассмотреть эту аномальную форму военного противостояния. Внезапная смерть прервала его работу, и до нас дошел лишь фрагмент этой главы, в которой он признается, что подобные случаи не вписываются в его теорию. Если, добавляет он, вспомогательные силы без ограничений отдаются в распоряжение главной воюющей стороны, проблема довольно проста. Тогда в действительности получается то же самое, что неограниченная война с помощью дополнительно выделенных сил. Но фактически, утверждает он, такое случалось редко, потому что контингент всегда был в той или иной степени управляем особыми политическими целями правительства, которое его направило. Единственный вывод, к которому сумел прийти Клаузевиц, заключался в том, что такую форму войны необходимо принимать в расчет и она является видом ограниченной войны, которая существенно отличается от войны, ограниченной по цели. После чего у нас создается впечатление, что должно быть два вида ограниченных войн.

Но если следовать историческому методу Клаузевица и рассмотреть случаи, когда этот характер войны оказался успешным, и те, в которых успех достигнут не был, мы обнаружим, что, где бы успех ни принимался во внимание, как показатель разумного применения сил, практическая разница между двумя типами ограниченной войны исчезает. Там, где существенные факторы, оправдывающие войну, ограниченную по цели, присутствуют в войне ограниченным контингентом, эта форма войны имеет тенденцию к успеху, и не иначе. Таким образом, мы подходим к предположению, что отличительная черта войны ограниченным контингентом не является неотъемлемой особенностью военных действий, не вписывается в имеющуюся теорию и, следовательно, является не *формой войны*, а *методом*, который может применяться и в ограниченной, и в неограниченной войне. Иными словами, война ограниченным контингентом, если ее считать от-

дельным видом войны, должна принимать одну форму или другую. Контингент должен действовать как ограниченное подразделение сил, ведущих неограниченную войну без каких бы то ни было ограничений, или ему необходимо дать определенную территориальную цель с независимыми ограниченными функциями и организацией.

Британский опыт показывает, что война ограниченным контингентом достигает максимального успеха, когда ближе всего подходит к настоящей ограниченной войне. Так было на Пиренейском полуострове и в Крыму, где целью войны было отвоевать у противника определенный участок территории, который в большей или меньшей степени может быть изолирован действиями военно-морского флота. Эффективность такой войны на деле зависит от слаженности, с которой будут действовать флот и сухопутные силы, чтобы дать контингенту силу и мобильность, превосходящие его собственные.

Если уж мы выявили сложности войны ограниченным контингентом, представляется необходимым определить различия между ее британской и континентальной формами. Континентальная форма, как мы уже убедились, не слишком отличается по концепции от неограниченной войны. Контингент, по крайней мере официально, должен использоваться главной воюющей стороной для помощи в уничтожении общего врага, и его цель — организованные силы противника или его столица. Другой вариант — контингент может использоваться в качестве армии наблюдения, чтобы предотвратить контрудар и тем самым облегчить и обезопасить наступательное движение главной воюющей стороны. В любом случае, каким бы ни был его вклад в союзнические силы, используется неограниченная, а не отдельная территориальная цель.

Если теперь обратиться к британскому опыту ведения войны ограниченным контингентом, можно увидеть, что континентальная форма использовалась довольно часто, но она всегда сопровождалась народной антипатией, как будто в ней было нечто антагонистичное национальному инстинкту. Хороший пример — помощь Британии Фридриху Великому в Семилетней войне. В начале войны народная антипатия была столь велика, что мера была при-

знана невозможной, и только великолепное сопротивление Фридриха католическим державам, давшее ему славу протестантского героя, дало Питту возможность сделать то, что он желал. Старый религиозный костер был раздут. Самый мощный из всех национальных инстинктов возбудил в людях чувства, оказавшиеся сильнее врожденной антипатии к континентальным операциям, и стала возможной отправка солидного контингента на помощь Фридриху. В конце поддержка достигла своей цели, но следует заметить, что даже в этом случае операции были ограниченными не только по контингенту, но и по цели. Это правда, что Фридрих вел неограниченную войну, ставкой в которой было само существование Пруссии, и что британские силы стали органичным элементом в его военных планах. Тем не менее они являлись частью британской армии под командованием принца Фердинанда Брансвика, который, хотя и был назначен Фридрихом, считался британским главнокомандующим. Организация его армии была совсем не такой, как у Фридриха, и у нее была очень определенная и ограниченная функция — предотвратить французскую оккупацию Ганновера, для чего обойти пруссаков с правого фланга. И наконец, нельзя не отметить, что своей способностью выполнить эту функцию британская армия обязана тому факту, что назначенный ей театр военных действий был специально организован таким образом, чтобы ни при каких условиях не был потерян контакт с морем и враг не мог перерезать пути подвоза и возможного отступления.

На эти черты операции следует обратить особое внимание. Они отличают ее от более раннего использования британцами войны ограниченным контингентом в континентальных действиях, типичным представителем которых являлась кампания Мальборо. Они проявляют особую форму, которую выбрал бы и Мальборо, если бы позволили политические реалии его времени, и которой предстояло стать характерной для британских операций со времен Питта и далее. В методе величайшего британского военного министра мы имеем не только ограниченность контингента, но и ограниченность определенных и независимых функций и, наконец, контакт с морем. Это очень

важный фактор, и именно от него зависит сила британского метода.

В начале великой войны англичане использовали ту же форму в своих операциях на северо-западе Европы. Там у них также имелась ограниченная функция обеспечить безопасность Голландии, поддерживался постоянный контакт с морем, но только ход операций не был независимым. Имели место согласованные действия с другими силами, и результат в каждом случае оказывался неудачным. Позднее на Сицилии, где полная изоляция оказалась достижимой, сила метода позволила англичанам достичь серьезного результата крайне ограниченными средствами. Но результат был чисто оборонительным. Только война на Пиренейском полуострове предоставила идеальный театр для войны ограниченным контингентом, где имелись все условия для успеха. Но даже там, поскольку британская армия считалась вспомогательным контингентом испанской армии, последовала неудача. Только в Португалии, защита которой была действительно ограниченной целью и где существовал окруженный морем театр военных действий, независимый от внешних союзников, с самого начала англичанам сопутствовал успех. Здесь метод оказался так силен, а действия, навязанные противнику, настолько изматывающими, что баланс сил изменился, и англичане смогли перейти в решительное наступление.

Настоящий секрет успеха Веллингтона, помимо его собственной гениальности, заключался в том, что в совершенных условиях он применил ограниченную форму к неограниченной войне. Цель англичан была неограниченной. В конечном счете целью было свержение Наполеона. Полным успехом на море она не была достигнута, но этот успех дал англичанам возможность применить ограниченную форму, которая была самой действенной формой наступления в их распоряжении. Ее важнейший вклад в итоговое достижение цели сейчас признан всеми.

Основной вывод из указанного выше заключается в том, что война ограниченным контингентом в континентальной форме редко или вообще никогда не отличается по характеру от неограниченной войны. Причиной этому является факт, что условия, требуемые для ограниченной войны,

создаются редко или никогда. Но то, что может быть названо британской или морской формой войны, в действительности является применением ограниченного метода к неограниченной форме, как помощь в более крупных операциях союзников, — этот метод обычно был доступным для англичан, потому что преимущество на море позволило нам выбирать театр в самом деле ограниченный¹.

Но что, если условия борьбы, в которую мы собираемся вмешаться, таковы, что действительно изолированный театр недоступен? В этом случае придется выбирать: отдать ли контингент безоговорочно в распоряжение союзников или ограничиться мелкими операциями на берегу, как те, что выполнялись англичанами по требованию Фридриха Великого в начале Семилетней войны. Подобные операции редко могут стать удовлетворительными для любой стороны. Небольшие положительные результаты попыток англичан вмешаться в боевые действия таким образом на деле больше, чем что-либо другое, дискредитировали эту форму войны, выказав ее нестойкой для великой державы. И все же факт, что все великие континентальные военачальники боялись подобного британского вмешательства и высоко ценили его даже при самых неблагоприятных условиях, является неоспоримым. Все потому, что они искали эффект скорее в угрозе, чем в исполнении, и вообще не рассчитывали на положительный результат. Поскольку это вмешательство обычно имело форму десантной операции, его воздействие на европейскую ситуацию всегда было непропорционально велико, если сравнивать с фактической мощностью и возможными позитивными результатами. Его продуктивность заключалась в том, что оно грозило позитивными результатами, если не встречало достаточно сильный отпор. Короче говоря, его воздействие было негативным, а ценность за-

¹ Мнение Веллингтона о важнейшем факторе было выражено контр-адмиралом Маркхэмом, который в сентябре 1813 года был направлен адмиралтейством в Испанию для переговоров с Веллингтоном. «Если кто-нибудь, — сказал он, — желает знать историю этой войны, я скажу, что именно господство на море дает мне возможность поддерживать мою армию, в то время как у противника такой возможности нет». (Примеч. авт.)

ключалась в возможности сдерживать силы, превышающие собственные. Это все, что можно сказать о нем, но, может быть, от него больше и не требуется. Такое вмешательство — не самый радикальный метод интервенции, но он является наилучшим для державы, чьи силы не приспособлены для методов более высокого уровня. Фридрих Великий был первым великим солдатом, признавшим это. А Наполеон оказался последним. В течение многих лет французский император закрывал глаза на этот метод, насмехался над ним, всячески демонстрировал презрение. В 1805 году он назвал экспедицию Крейга «шайкой пигмеев», и все же подготовка другого объединенного отряда, которому предстояло отправиться в другое место, заставила его понять, что игнорировать такие вещи нельзя. Наполеон даже пожертвовал своим флотом в бесплодной попытке дать отпор.

Только спустя четыре года он был вынужден открыто признать эффективность такого вмешательства. Интересно, что окончательно убедила его экспедиция, которую сами англичане рассматривали как самую неудачную и нехарактерную десантную операцию против континентальных стран. Экспедицию на Валхерен¹ сейчас обычно рассматривают как показатель глупого и бессмысленного ведения военных действий. Историки не находят достаточно уничижительных слов, чтобы ее охарактеризовать. При этом они упорно игнорируют тот факт, что она явилась шагом — завершающим и самым трудным — в британской посттрафальгарской политике использования армии для совершенствования доминирования на море против флота, упрямо действуя в обороне. Она началась в Копенгагене в 1807 году и оказалась неудачной в Дарданеллах, потому что флот и армия были разделены. Эта экспедиция имела успех в Лиссабоне и Кадисе только благодаря демонстрации силы. Валхерен был последним. Экспедиция долго откладывалась. Наполеон ожидал попытки с тех пор, как идея впервые начала рассматриваться в этой стране, но время шло, удара все не было, и опас-

¹ Речь идет о неудачной британской экспедиции в Голландию в 1809 году.

ность стали все больше игнорировать. Наконец настал момент, когда во время ведения тяжелых боев в Австрии он был вынужден поднять свои основные силы против эрцгерцога Карла. Риск был велик, но британское правительство это хорошо понимало. Сейчас или никогда. Англичане были решительно настроены максимально увеличить свои военные силы на Пиренейском полуострове, и, пока мощный и растущий флот оставался в Северном море, он оставался помехой этому. Предполагаемая выгода от успеха была, по мнению правительства, настолько велика, что вероятные потери от неудачи можно было считать незначительными. Когда Наполеон меньше всего ожидал удара, англичане решили нанести его, тем самым застав французов врасплох. Оборона Антверпена осталась незавершенной. Не было армии, чтобы встретить удар, — ничего, кроме многоязычной толпы без штаба и офицеров. Наполеоновский флот ушел двадцать четыре часа назад, и все же неудача оказалась просто катастрофической. Однако ее причины были случайными, и в целом экспедиция оказалась настолько близка к успеху, что Наполеон испытал шок и стал ожидать повторения попытки в ближайшее время. Он с такой серьезностью отнесся к тому непреложному факту, что ему едва удалось избежать беды, что был вынужден пересмотреть всю свою систему обороны. Наполеон не только счел необходимым выделить значительные суммы на строительство оборонительных сооружений в Антверпене и Тулоне, но и поручил своим людям разработать план выделения из рядов национальной гвардии не менее 300 000 человек для защиты французского побережья. «Имея 30 000 человек в Даунсе¹, — писал император, — англичане могут парализовать мою 300-тысячную армию. Это низводит нас до положения второстепенного государства». Концентрация британских сил на Пиренейском полуострове, очевидно, сделала реализацию этого проекта ненужной, то есть наши планы были обнародованы, и угроза миновала. Однако признание Наполеоном принципа действий англичан осталось

¹ Даунс — рейд и морская область на юге Северного моря у побережья Кента. Служил базой для ВМФ.

зафиксированным в письменном виде — не в речах, но в соответствующем приказе по штабу.

Принято считать, что современное развитие военной организации и транспорта позволяет континентальным державам игнорировать подобные угрозы. Наполеон игнорировал их в прошлом, но только подтвердил истину, что в войне игнорировать угрозу — значит создать возможность. Такие возможности могут раньше или позже представиться. Как утверждали маститые британские военные специалисты, внезапность вовсе не является обязательным условием начала таких операций. Обычно приходится создавать определенную ситуацию или дожидаться удобного момента — слишком часто из-за собственной неготовности или недостаточной решительности, чтобы воспользоваться первой же представившейся возможностью.

Случаи, в которых такое вмешательство оказалось наиболее действенным, можно разделить на два класса. Во-первых, это внедрение в военный план, который противник разработал без расчета на нашу интервенцию и которого он неуклонно придерживается на начальном этапе. Во-вторых, это вмешательство с целью лишить противника плодов победы. Такая форма весьма действенна, поскольку неограниченные войны не всегда решаются уничтожением армий. Обычно остается сложная работа, связанная с последующим покорением народа измотанной армией. Вмешательства небольшой свежей силы с моря в таких случаях обычно достаточно, чтобы решить исход дела, как это было на Пиренейском полуострове и, по мнению некоторых авторитетов, могло быть во Франции в 1871 году.

Подобное предложение может показаться ересью, поскольку грешит против принципа, порицающего стратегический резерв. Мы говорим, что все доступные силы должны быть развернуты в самый ответственный период борьбы. Никто с этим и не спорит. Это сущая правда, когда речь идет о конфликте между организованными силами, но в отсутствие доказательств мы имеем право усомниться в справедливости утверждения относительно утомительного и деморализующего периода, который следует за столкновением армий.

Глава 6

РОЛЬ СИЛЫ В ОГРАНИЧЕННОЙ ВОЙНЕ

Элементы силы в ограниченной войне близки к аналогичным составным частям, присущим обороне. Можно сказать, что как правильное использование обороны иногда может позволить меньшей силе добиться своей цели, выступая против силы превосходящей, так и правильное использование ограниченной формы войны может обеспечить слабому в военном отношении государству успех в борьбе с более сильным. Причем таких примеров слишком много, чтобы их можно было отнести к случайностям.

Очевидный элемент силы заключается в том, что при благоприятном географическом положении мы имеем возможность, используя военно-морской флот, ограничить численность войск, с которыми предстоит иметь дело армии. Мы действительно можем использовать флот, чтобы изменить неблагоприятное соотношение наземных сил в свою пользу. Но помимо этой практической причины есть и другая, корни которой уходят в первые принципы стратегии.

Дело в том, что ограниченная война позволяет использовать оборону без ее обычных недостатков в степени, невозможной в неограниченной войне. Эти недостатки, главным образом, заключаются в том, что она имеет тенденцию отдавать инициативу противнику и лишает войска радостного возбуждения, вызванного наступлением. Но в ограниченной войне, как мы увидим, этого может и не быть, и, если без этих жертв мы сможем действовать в основном в обороне, наша позиция станет в высшей степени сильной.

Утверждение не допускает сомнений. Даже если мы не вполне согласны с доктриной Клаузевица о силе обороны, можно, по крайней мере, принять ее модификацию, сделанную Мольтке. Он утверждает, что сильнейшая форма войны — то есть форма, которая экономически способствует высшему проявлению силы в данных войсках, — это стратегическое наступление в комбинации с тактической обороной. Это в самом деле условия, которые может

дать ограниченная война, если театр и метод выбраны правильно. Следует помнить, что использование этой формы войны предполагает возможность, благодаря высшей степени готовности и мобильности или удобному географическому положению, закрепиться на территориальной цели, прежде чем противник сумеет собрать силы, чтобы помешать. Сделав это, мы получаем инициативу, и противник, предположительно не имеющий возможности атаковать нас дома, должен согласиться с нашим началом, попытавшись изгнать нас. Мы находимся в положении, позволяющем встретить атаку в районе по своему выбору и использовать все возможности контратаки, которые предоставят нам его утомленные наступающие войска. Предполагая, что территориальная цель окружена морем, а наш противник не обладает преимуществом на море, такие возможности непременно представятся и, даже если не будут использованы, затруднят главную атаку. Отличный пример — нервозность русских во время их наступления в глубь Ляодунского полуострова, вызванная опасностью контрудара со стороны залива Печили.

Ситуация, которую создает этот метод ведения боя, характеризуется тем, что наша главная стратегия — наступление, то есть наше главное движение — позитивно и имеет целью оккупацию территориальной цели. Малая стратегия, которая следует далее, должна быть в общих чертах оборонительной, призванной, пока противник старается вытеснить нас, накопить максимальную энергию контратаки, соотносимую с нашими силами и возможностями.

Если мы считаем, что благодаря всеобщему соглашению в современных условиях сухопутной войны больше невозможно провести границу между тактикой и малой стратегией, мы имеем в свою пользу для всех практических целей идентичную позицию, которую Мольтке считал важным элементом сильнейшей формы войны. Можно сказать, что наша большая стратегия — наступление, а наша малая стратегия — оборона.

Если к тому же ограниченная форма войны имеет этот элемент силы выше, чем неограниченная форма, очевидно, правильно использовать более изнурительную форму

и когда цель ограничена, так же как и правильно использовать оборону, когда цель негативна и мы слишком слабы для наступления. Этот пункт очень важен, поскольку является прямым отрицанием текущей доктрины о том, что в войне может быть только единственная допустимая цель — уничтожение средств сопротивления противника и что первоочередной целью всегда должны являться его вооруженные силы. Встает вопрос: не является ли иногда нерациональным стремиться прямо к последующей цели войны?

Несмотря на все то, что об этом говорили Клаузевиц и Жомини, преобладает мнение, что вопрос допускает только один ответ. Фон дер Гольц, например, подчеркивал, что уничтожение противника всегда должно быть целью современной войны. По его мнению, «первый принцип современной войны» состоит в том, что «непосредственная цель, против которой должны быть направлены все наши усилия, — это вражеская армия». А у принца Крафта есть максима, что «первой целью должно быть уничтожение вражеской армии. Все остальное — оккупация страны и т. д. — находится на втором плане».

Здесь автор признает, что процесс оккупации вражеской территории — это операция, отличная от уничтожения вооруженных сил противника. Фон дер Гольц идет дальше и протестует против обычной ошибки, заключающейся в рассмотрении уничтожения главной вражеской армии как синонима полного достижения цели. Он утверждает, что, согласно существующей доктрине, хорошо, «когда два воюющих государства отличаются примерно одинаковой природой». В случаях, когда оккупация территории должна быть произведена как отдельная операция, не требующая предварительного разгрома вражеской армии, и если условия таковы, что можно оккупировать территорию с выгодой, предварительно не нанеся поражение врагу, это определенно вопрос педантизма — настаивать, чтобы на завтра было отложено то, что можно сделать сегодня. Если речь заходит об оккупации всей территории противника или даже ее существенной части, немецкий принцип, конечно, хорош, но далеко не все войны таковы.

Настойчивое требование соблюдения принципа «уничтожения» и даже его преувеличение в свое время было ценным, поскольку предотвращало возврат к старым, дискредитировавшим себя методам. Но он выполнил свою функцию, и слепая приверженность ему, без учета принципов, на которых он основан, имеет тенденцию низводить военное искусство до поединка дубинками.

Клаузевиц, во всяком случае, как указывал генерал фон Кеммерер, был слишком грамотным солдатом, чтобы связывать себя столь абстрактным предположением во всей его современной незрелости. Если бы дело обстояло так, для более слабого государства было бы в любом случае невозможно вести успешную войну против более сильного, а этот вывод опровергается историческим опытом. То, что высшая форма войны, такая как наступление, является более радикальной, представляется определенным, если, конечно, условия позволяют ее использовать. Но Клаузевиц, и это следует помнить, четко утверждает, что такие условия предполагают наличие у воюющей стороны, использующей высшую форму, большого физического или морального превосходства или находчивости и инициативы — внутренней склонности к большим опасностям. Жомини так далеко не зашел. Он, конечно, вычеркнул бы «внутреннюю склонность к большим опасностям», потому что, по его мнению, именно она заставила Наполеона злоупотребить высшей формой войны себе на гибель. Как мы видим, история не меньше, чем теория, не поддерживает идею одного ответа, и создается впечатление, что даже в Германии начинается противодействие истинному учению Клаузевица. Поясняя его, фон Кеммерер говорит: «Поскольку большинство самых выдающихся военных авторов нашего времени поддерживают принцип, заключающийся в том, что в войне наши усилия всегда должны быть предельными и что намеренное использование низших средств демонстрирует слабость, я считаю своим долгом заявить, что широта взглядов Клаузевица вызывает у меня высшую степень восхищения».

Если быть точным, Клаузевиц утверждал следующее: когда условия неблагоприятны для использования высшей

формы войны, захват небольшой части вражеской территории может рассматриваться как правильная альтернатива уничтожению его вооруженных сил. Но он считал эту форму войны чем-то вроде хитрости, уловки. Его чисто континентальные взгляды не позволили ему понять, что вполне возможны ситуации, когда цель будет действительно настолько ограничена, что низшая форма войны окажется более эффективной и экономичной. В континентальной войне, как мы уже видели, такие случаи вряд ли возможны, но при значительном влиянии морского фактора они заявляют о себе во весь голос.

Тенденция британцев выбирать низшую или ограниченную форму войны всегда была выражена так же ясно, как противоположная тенденция на континенте. Отнесение этой тенденции, как иногда делают, к унаследованному недостатку военного духа было бы противоречием в отношении весьма впечатляющих достигнутых с ее помощью результатов. Нет никаких оснований объяснять ее чем-то другим, кроме как здравомыслием при выборе формы войны, наилучшим образом соответствующей условиям существования британцев. Их благоразумие и проницательность настолько развиты, что они обычно применяли именно ограниченную форму войны не только в том случае, когда ее целью являлась точно определенная территория, но и когда обоснованность ее применения была менее очевидна. Как уже говорилось в предыдущей главе, британцы применяли ее, причем в основном успешно, и действуя вместе с союзниками на континенте для неограниченной цели, то есть когда общая цель — уничтожение общего врага.

На деле выбор между двумя формами зависит от обстоятельств каждой конкретной ситуации. Необходимо определить, является ли политическая цель действительно ограниченной, можно ли свести ее, если она ограничена лишь теоретически, к конкретной ограниченной цели и способствуют ли стратегические условия успешному применению ограниченной формы.

Теперь нам требуется определить эти условия с максимальной точностью, и лучше всего это сделать, изменив наш метод на реальный и приведя конкретный пример.

Проще и нагляднее всего это сделать на примере войны между Японией и Россией. Перед нами — типичная ситуация: маленькая страна, навязавшая свою волю великой стране, не разгромив ее — иначе говоря, не уничтожив ее силу сопротивления. Подобное было Японии не по силам. Поскольку повсеместно на континенте уничтожение врага считалось единственной допустимой формой войны, действия Японии, рискнувшей вступить в войну, посчитали безумием. Только в Англии, с ее традициями и пониманием, чего островное государство может достичь, используя низшие средства, считали, что у Японии были все шансы на успех.

Пример является тем более удивительным, потому что все считали истинную цель войны абстрактно неограниченной. Во многих странах верили, что в действительности война должна была решить, кто будет доминировать на Дальнем Востоке — Россия или Япония. Как и Франко-прусская война 1870 года, Русско-японская война имела внешний вид того, что немцы называли «испытанием сил». Такая война, прежде всего, стремится к полному уничтожению одного противника другим. В этом случае не было никаких сложностей, связанных с союзниками, — их и быть не могло. Англо-японский договор¹ изолировал борьбу. Что же касается исключительно боевой мощи, можно сказать следующее. После окончания войны мы склонны приписывать ее результат моральным качествам и профессиональной подготовке победителей. Эти качества, конечно, сыграли свою роль, и их значение нельзя приуменьшать, но кто станет утверждать, что, если бы Япония попыталась воевать с Россией так, как это сделал Наполеон, она бы достигла хотя бы такого же результата? Она не имела перевеса, который Клаузевиц назвал основным условием, предшествующим попытке уничтожить врага — применению неограниченной войны.

К счастью для Японии, обстоятельства не требовали применения таких неограниченных средств. Политические и географические условия были таковы, что она смогла свести нематериальную цель отстаивания своего

¹ Англо-японский договор был подписан 17 января 1902 года.

престижа к совершенно конкретной форме территориальной цели. Вторжение русских в Маньчжурию угрожало включением Кореи в состав Российской империи, что японцы считали губительным для своего положения и будущего развития. Сохранение целостности Кореи было бы внешним и очевидным признаком ее способности утвердиться в качестве великой тихоокеанской державы. Абстрактная ссора Японии с Россией выкристаллизовалась в конкретную цель, таким же образом, как ссора западных держав с Россией в 1854 году выкристаллизовалась в конкретную цель — Севастополь.

В случае с Японией непосредственная политическая цель была очень хорошо приспособлена для использования ограниченной войны. Благодаря географическому положению Кореи и наличию больших, плохо освоенных территорий, отделяющих ее от центра Российского государства, она могла быть практически полностью изолирована действиями военно-морского флота. Более того, здесь выполнялось условие, которому Клаузевиц придавал первостепенное значение, — захват конкретного объекта не только не ослабил оборону Японии, но и существенно усилил ее позицию. Операция была наступательной по сути и замыслу и одновременно, как захват Фридрихом Великим Саксонии, прекрасно сработала в отношении обороны. Япония не только не открыла свое сердце, но сделала его практически неприступным. Причина проста: благодаря большому расстоянию до двух русских арсеналов — Порт-Артура и Владивостока — и проходу, контролируруемому японцами, положение русского флота было очень слабым. Единственным способом исправить ситуацию была организация базы в корейских проливах. Россия уже давно пыталась добиться этого дипломатическими средствами, ведя переговоры в Сеуле. Стратегически целостность Кореи была для Японии столь же важна, как целостность Бенилюкса для Великобритании, только в случае Бенилюкса, поскольку эти страны было практически невозможно изолировать, возможность прямого воздействия Великобритании всегда была сравнительно невелика. Португалия с ее непревзойденной в стратегическом отношении гаванью в Лиссабоне была аналогичным случаем в прежних океанских войнах Вели-

кобритании, и, поскольку ее можно было в какой-то степени изолировать от извечного противника англичан силами военно-морского флота, им там всегда сопутствовал успех. В целом можно сказать, что, несмотря на успехи, которых Великобритания достигла в длинной серии войн, которые велись на ограниченной основе, ни в одной из них условия не были такими благоприятными, как те, что сложились для Японии. Ни в одной из них главное наступательное движение не было настолько благоприятным для домашней обороны. Канада ничего не добавила к английской линии обороны своей страны, а в Крыму наше наступление настолько явно оставило без прикрытия Британские острова, что англичанам срочно пришлось дополнять свою операцию против ограниченной цели отправкой боевого флота для контроля выхода из Балтийского моря, чтобы предотвратить опасность неограниченного контрудара¹.

Рассматривали или нет японцы войну с самого начала сквозь призму этого принципа, не имеет большого значения. Главное, что при такой благоприятной территориальной цели, как Корея, ограниченная война оказалась возможной в своей самой благоприятной форме. Война действительно оказалась ограниченной и была полностью успешной. Не ожидая обеспечения превосходства на море, Япония начала с внезапного захвата Сеула, после чего под прикрытием второстепенных операций флота перешла к полной оккупации Кореи. На пороге второй стадии — ор-

¹ Стратегической целью отправки балтийского флота, конечно, было предотвращение контрудара, то есть его главная функция в военном плане была негативной. Его позитивная функция была второстепенной и только отвлекающей внимание. Он также имел политическую цель — демонстрацию силы, которая должна была способствовать попыткам англичан сформировать Балтийскую коалицию против России. Эти попытки не увенчались успехом. Общество, неправильно оценив ситуацию, ожидало прямых положительных результатов от флота, вплоть до захвата Санкт-Петербурга. Подобная операция превратила бы войну из ограниченной в неограниченную, что означало необходимость «уничтожения противника», а эта задача была непосильной для союзников без помощи Балтийских государств. Но даже их вмешательство не оправдало бы изменение характера войны, если, конечно, Швеция и Пруссия не были бы готовы развязать неограниченную войну, но это в их планы не входило. (Примеч. авт.)

ганизации защиты завоеваний — превосходный характер географической цели проявился еще четче. Теоретическая слабость ограниченной войны в этот момент заключается в сдерживании наступательных операций. В рассматриваемом случае такое сдерживание не было необходимым и даже возможным по следующим причинам. Для того чтобы защитить свои завоевания, японцам следовало бы не только сделать корейскую границу неприкосновенной, но и изолировать страну со стороны моря. Именно поэтому было необходимо уничтожить русский флот, что влекло за собой подавление Порт-Артура военными средствами. На второй стадии японцы тоже действовали в двух направлениях с разными целями — Порт-Артур и русская армия, которая медленно собиралась в Маньчжурии, — весьма неприятная ситуация. Однако географическое положение театра оказалось настолько удачным, что благодаря внезапности и решительным действиям на море ее удалось существенно улучшить. После выдвижения корейской армии в Маньчжурию и высадки войск между ней и армией Порт-Артура, после сосредоточения трех корпусов, опасное разделение направлений операций перестало быть угрожающим. Силы японцев были скомпонованы таким образом, что возникла прямая угроза контратаки на Ляоян раньше, чем русские сконцентрируют достаточно сил для наступления. Ляоян был не только местом сосредоточения русских войск, но также надежной позицией и для защиты Кореи, и для прикрытия осады Порт-Артура. Его захват давал японцам все преимущества обороны и вынуждал русских на ведение наступательных операций, которые были им не по силам. Это преимущество было достигнуто не только на берегу. Успех кампании, кульминацией которой стало падение Порт-Артура, был весьма впечатляющим. Он не только обеспечил Японии относительное преимущество на море, но и позволил ей перейти к морской обороне и навязать России итоговые действия на море, пользуясь всеми возможными преимуществами времени, места и силы себе на пользу.

Сражением при Цусиме территориальная цель была полностью изолирована морем, и положение японцев в

Корею стало неуязвимым, как в свое время положение Веллингтона в Торрес-Ведрас. Осталось только перейти к третьей стадии и наглядно продемонстрировать России, что ей выгоднее смириться с ситуацией, чем продолжать попытки ее изменить. Это сделало итоговое наступление на Мукден, и в результате Япония достигла своей цели, не уничтожая противника. Наступательная мощь России никогда не была столь велика, в то время как силы японцев оказались почти полностью истощены.

При таком подходе представляется очевидным, что борьба на Дальнем Востоке развивалась по тем же канонам, что великие морские войны прошлого, которые континентальные стратеги упорно не желали признавать. Она включала обычные три стадии: начальное наступательное движение для захвата территориальной цели; вторую стадию, навязывающую изнурительное наступление врагу, и заключительную стадию давления, во время которой производится возврат к наступлению в соответствии с «обстоятельствами, — как указывает Жомини, — и вашими относительными силами, чтобы получить желаемую уступку».

Конечно, не следует требовать, чтобы эти стадии всегда были ясно обозначены. Стратегический анализ не может дать четких результатов. Он имеет целью приблизительное соответствие, группировку, которая укажет направление, но всегда оставит простор для собственных суждений. Три стадии Русско-японской войны, хотя и были необычайно четко обозначены, накладывались друг на друга. Так и должно быть. В войне эффект операции никогда не ограничивается пределами ее непосредственного или начального замысла. Так, оккупация Кореи имела вторичный оборонительный эффект, поскольку защитила Японию, в то время как начальный удар, нанесенный адмиралом Того по Порт-Артуру, чтобы прикрыть главное наступательное движение, как оказалось, из-за деморализации, вызванной им на русском флоте, стал четким шагом к изоляции захваченной цели во второй стадии войны. На завершающих стадиях линия между тем, что было жизненно важно для утверждения второй стадии завершения изоляции, и третьей стадией общего давления была выражена неясно.

На этой стадии стратегия японцев подверглась наиболее резкой критике; именно в это время создалось впечатление, что они отошли от концепции ограниченной войны, если, конечно, они вообще когда-нибудь ее понимали в том виде, в каком ее представлял старший Питт. Велись споры вокруг того, что в своем стремлении нанести удар по основным силам противника японцы не выделили достаточно сил для подавления Порт-Артура, как необходимого шага к завершению второй стадии. Независимо от того, усугубило ли и без того тяжелое положение такое распределение сил или оно стало итогом неправильной оценки трудностей, результатом стала неудача, которая обошлась Японии очень дорого. Она выразилась в потере времени и человеческих жизней в самом Порт-Артуре, и, кроме того, когда операция русского флота в июне разъяснила японцам их ошибку, наступательное движение на Ляоян пришлось задержать, и возможность нанести решающий контрудар перешла к противнику, сконцентрировавшему свои силы на берегу.

Эту неудачу можно, по крайней мере частично, объяснить континентальным влиянием, под воздействием которого готовилась армия. При составлении японского плана операций предполагалось, что оккупация Кореи и изоляция Порт-Артура были предварительными шагами перед концентрированным наступлением на Ляоян, «которое имело в виду как первая цель операций на суше». Но определенно, по любой военной теории, первой целью японцев на суше был Сеул, где они ожидали первого большого сражения с войсками, шедшими из Ялу, а второй — Порт-Артур — арсенал и база флота, с которым они рассчитывали справиться, не встретив больших трудностей, как и десять лет назад в операции против китайцев. Такова действительная последовательность событий, и критика, рассматривающая операции такого размаха и предельной важности как случайности стратегического развертывания, может объясняться только доминированием наполеоновской идеи войны, против универсального применения которой активно возражал Клаузевиц. Это работа людей, которым сложно представить военный план, не увенчанный Йеной или Седаном. Этот взгляд —

дителя теории, не имеющей отношения к действительным событиям рассматриваемой войны и не дающей объяснения ее полному успеху. Истина заключается в том, что, пока японцы действовали в соответствии с принципами ограниченной войны, сформулированными Клаузевицем и Жомини и просто выводимыми из богатого военного опыта, их успех превзошел все ожидания. Но, отойдя от этих принципов и позволив себе смешать их с континентальными теориями, можно отметить, что японцы неожиданно для самих себя оказались перед лицом серьезных трудностей.

Несомненно, выражение «ограниченная война» не слишком удачно. Но, увы, не было найдено другого, включавшего в себя идеи ограниченной цели и ограниченного интереса, которые являются характеристиками этого типа войны. Если же приведенный выше пример считать типичным случаем, смысл термина будет понят правильно. Остается только подчеркнуть один важный момент. Факт, что доктрина ограниченной войны отрицает широко распространенное мнение о том, что главной целью войны должны быть вооруженные силы противника, может нести с собой ложное представление, что он также отрицает вывод: война означает сражения. Но какова бы ни была форма войны, нет повода думать, что существует вероятность возврата к старой ошибочной попытке решить исход войны маневрами. Все формы требуют использования сражений. По нашей фундаментальной теории война есть продолжение политического общения, в котором сражения заменили написание дипломатических нот. Только борьбой мы можем достичь своей цели в войне.

Это тем более необходимо подчеркнуть, потому как идею сделать своей целью часть территории можно спутать со старым методом ведения войны, при котором армии ограничивались маневрированием на стратегические позиции, а собственно бой считался признаком плохого командования войсками. С такими почти парадными маршами ограниченная война не имеет ничего общего. Она отличается от неограниченной войны лишь тем, что вместо необходимости уничтожить всю мощь сопротивления

противника следует уничтожить только такую часть его действующих сил, которую он может задействовать, чтобы не допустить или прекратить оккупацию территориальной цели.

Поэтому, планируя такую войну, прежде всего следует определить, о каких силах может идти речь. Это будет зависеть от важности, которую противник придает рассматриваемой территориальной цели, характеру и степени его занятости в других районах, а также от естественных трудностей его коммуникаций и степени, в которой можно эти трудности увеличить в процессе начальных операций. При благоприятных обстоятельствах (и в этом заключается большое преимущество ограниченной войны) можно получить возможность управлять количеством сил, с которыми нам предстоит столкнуться. Самые благоприятные обстоятельства, и единственные обстоятельства, из которых мы можем извлечь пользу, позволяют осуществить более или менее полную изоляцию действиями военно-морского флота, а такая изоляция не может быть достигнута, пока мы не уничтожим военно-морской флот противника.

И вот, наконец, мы подошли к области военно-морской стратегии. Теперь можно уделить все свое внимание теории войны на море.

Часть вторая

ТЕОРИЯ ВОЙНЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВОЕННО-МОРСКИХ СИЛ

Глава 1

ТЕОРИЯ ЦЕЛИ — ГОСПОДСТВО НА МОРЕ

Целью военных действий с использованием военно-морских сил всегда прямо или косвенно является установление господства на море или недопущение установления господства на море противника.

На вторую часть утверждения следует обратить особое внимание, чтобы исключить традиционное мышление, которое является одним из самых распространенных источников ошибок в размышлениях о морской войне. Главная ошибка — предположение, что, если одна из воюющих сторон теряет господство на море, оно автоматически переходит к другой стороне. Даже самого поверхностного изучения истории войны на море достаточно, чтобы установить ложность этого предположения. История показывает, что самой распространенной ситуацией в войне на море является та, в которой ни одна из сторон не обладает господством на море, поскольку нормальным является не господство на море, а море без господства. Само утверждение, которое никто не отрицает, что целью войны является установление господства на море, подразумевает вывод, что обычно вопрос господства является спорным. Этот спор самым непосредственным образом затрагивает военно-морскую стратегию, потому что, когда господство утрачено или завоевано, чисто морской стратегии приходит конец.

Эта истина настолько очевидна, что вряд ли о ней стоило бы упоминать, если бы столь часто не повторялись

фразы вроде: «Если бы Англия лишилась господства на море, с ней было бы покончено». Ошибочность этой идеи заключается в том, что она игнорирует мощь стратегической обороны. Она предполагает, что, если перед лицом некой чрезвычайной враждебной коалиции или благодаря в высшей степени неблагоприятному стечению обстоятельств у Великобритании не окажется достаточно сил, чтобы удержать господство, она будет и слишком слабой, чтобы не дать противнику его установить. Таким образом, эта идея является отрицанием всей военной теории, которая, во всяком случае, требует большей поддержки, чем она когда-либо получала.

Такое предположение также отрицает практический опыт и мнение величайших полководцев. Англичане успешно использовали оборону на море при Вильгельме III и в американской Войне за независимость. А во время затяжных войн между Англией и Францией последняя имела обыкновение использовать оборону на море таким образом, что Англия, несмотря на значительное преимущество, иногда годами не могла установить свое господство и не имела возможности выполнить свой военный план без серьезных преград со стороны французского флота.

Оборона на море вовсе не является незначительным фактором. Она, конечно, свойственна всем войнам, и, как мы уже видели, главные вопросы стратегии и на суше, и на море сводятся к относительным возможностям наступления и обороны и относительным пропорциям, в которых они должны присутствовать в военных планах. На море самая могущественная и агрессивно настроенная воюющая сторона может не больше избежать периодического перехода к обороне, который следует из неизбежной приостановки наступательных операций, чем на суше. Таким образом, оборона должна рассматриваться, но, прежде чем мы сможем сделать это с выгодой для себя, следует проанализировать выражение «господство на море» и четко установить, что она подразумевает в войне.

Первым делом следует отметить, что понятие «господство на море» вовсе не идентично по своим стратегическим условиям завоеванию территории. В полемике невозможно свободно переходить от одного к другому, как

это нередко делалось. Такие выражения, как «захват водной территории» и «превращение береговой линии противника в нашу границу», очевидно, имели глубокий смысл для тех, кто их использовал, но на самом деле они являются всего лишь риторическими разглагольствованиями, основанными на ложной аналогии, а она не может являться надежной основой для теории войны.

Аналогия неверна по двум причинам, и обе представляют собой материальное вмешательство в ведение войны на море. Невозможно завоевать море, потому что оно не допускает владения собой, во всяком случае за пределами территориальных вод. Вы не можете, как говорят юристы, обратить его в собственность, потому что не в состоянии не допускать туда нейтралов, как делаете это на суше при завоевании территории. Кроме того, ваши вооруженные силы не могут существовать на нем, как на вражеской территории. Из этого следует, что делать вывод об аналогии господства на море и захвата вражеской территории ненаучно и ошибочно.

Единственный безопасный метод — задать вопрос, что именно мы можем обеспечить для себя и не позволить другим, имея господство на море. Если мы исключим права рыболовства, которые не имеют отношения к рассматриваемому вопросу, единственное право, которое мы или наши противники можем иметь на море, — это право передвижения. Иными словами, единственное позитивное значение, которое море имеет для жизни страны, — это средство связи. Для активной жизни народа такое средство может значить много или мало, но в любом случае оно имеет значение для любого приморского государства. Следовательно, лишив противника этого средства, мы ограничиваем его передвижения по морю примерно так же, как при оккупации части сухопутной территории. Пока аналогия действует, но не далее.

Море для жизни страны имеет не только позитивное, но и негативное значение. Оно является не только средством связи, но и, в отличие от средств связи на берегу, барьером. Завоевав господство на море, мы устраняем этот барьер со своего пути, тем самым поставив себя в положение, позволяющее нам оказывать прямое военное

давление на национальную жизнь противника на берегу. В то же время мы «упрочняем» его против врага, не позволяя оказывать прямое военное давление на нас.

Таким образом, господство на море есть не более чем контроль над морскими коммуникациями, используемыми для коммерческих или военных целей. Цель войны на море — контроль над коммуникациями, а не захват территории, как в сухопутной войне. Разница является колоссальной. Правильно говорят, что стратегия на суше — это главным образом вопрос коммуникаций, но это коммуникации в ином смысле. Выражение относится к коммуникациям одной только армии, а не к коммуникациям в более широком смысле, являющимся частью жизни народа.

Но и на земле существуют коммуникации, жизненно важные для народа, — внутренние коммуникации, соединяющие пункты распределения. Здесь мы снова коснемся аналогии между двумя видами войны. Сухопутная война, как признают самые активные сторонники современных взглядов, не может достичь своей цели только посредством военных побед. Уничтожение сил противника не принесет большой пользы, если у вас в резерве не хватает сил, чтобы завершить захват внутренних коммуникаций и главных пунктов распределения. Власть — истинный плод победы, ведь она способна подавить всю жизнь народа. Это заставит мужественный народ, всем сердцем стремящийся к победе в войне, пойти на мир и согласиться исполнить волю победителя. В точности таким же образом господство на море помогает достичь мира, хотя, конечно, принуждение не является столь явным. Перекрыв морские пути и заняв пункты распределения, в которых они заканчиваются, мы уничтожаем «жизнь на воде», тем самым ограничивая жизнеспособность нации на суше, поскольку они взаимозависимы. Таким образом, представляется очевидным, что, пока мы обладаем властью и правом прекратить морские сообщения, действует аналогия между господством на море и завоеванием территории. Она имеет большую практическую важность, поскольку к ней сводится чрезвычайно важный вопрос морской войны, который представляется уместным рассмотреть далее.

Очевидно, что если цель морской войны — установление контроля над коммуникациями, значит, она должна нести с собой право запрещать, если это возможно, передвижение по морю государственной личной собственности. Единственное средство для навязывания такого контроля морских торговых путей заключается в захвате или уничтожении находящейся на море собственности. Такой захват или уничтожение является наказанием, которое мы накладываем на противника за попытку использовать морские пути при нашем господстве на море. Иначе говоря, это решающий аргумент запрета, который мы стремимся наложить. Действующий термин «уничтожение торговли» на самом деле не является логичным выражением стратегической идеи. Точнее было бы сказать «предотвращение торговли».

Методы этого предотвращения имеют не больше связи со старой варварской идеей грабежа, чем реквизиции на берегу — со старой идеей разграбления и уничтожения. На деле ни одна форма войны не несет людям меньше страданий, чем захват собственности на море. Такие действия ближе к законным процессам, таким как арест имущества в обеспечение арендной платы, арест имущества судебным исполнителем и арест судна, чем военные операции. Хотя, конечно, раньше все было не так. Во времена каперства они слишком часто сопровождались жестокостью и беззаконием, особенно в Средиземноморье и Вест-Индии, и эта жестокость стала главной причиной всеобщего согласия на подписание Парижской декларации¹, благодаря которой каперство было уничтожено.

Но эта причина была не единственной. Идея каперства была пережитком примитивной и ненаучной концепции войны, которая определялась главным образом стремлением нанести противнику как можно больший ущерб и наказать за все совершенные им правонарушения в отношении вас. К этому же классу относится идея грабежей

¹ Парижская декларация была принята на Парижском конгрессе 1856 года, завершившем Крымскую войну. Она провозгласила четыре принципа защиты нейтралитета и частной собственности при ведении военных действий на море. Первый из них запрещал каперство.

и разрушений на берегу. Правда, следует отметить, что ни один из этих методов войны не был упразднен по причине гуманизма. Они повсеместно исчезли еще до того, как мир заговорил о гуманизме. Право на грабеж и разорение никем не отрицалось. Но только стало ясно, что грабеж деморализует ваши войска и делает их неспособными к продолжению войны, а разорение — менее эффективный способ принуждения врага, чем использование оккупированной страны для регулярного снабжения своей собственной армии и увеличения ее наступательных возможностей. Короче говоря, реформа произошла благодаря желанию разумно использовать ресурсы противника, а не бессмысленно растрачивать их.

Аналогичным образом каперство оказывало ослабляющий эффект на регулярные силы использующей его страны. Оно значительно увеличивало трудности набора людей на флот, а периодические огромные доходы имели деморализующее влияние на прикомандированных командиров кораблей. Оно поддерживало жизнь в средневековом духе корсарства, ослабляя современный военный дух, который требовал действий, направленных на вооруженные силы врага. Формировалось общественное мнение, которое неизбежно должно было определить, что для операций против морской торговли спорадические нападения не могут быть так же эффективны, как организованная система операций, обеспечивающая действительный стратегический контроль морских коммуникаций противника. Более зрелый и широкий взгляд на войну выявил, что тактическая торговая блокада — то есть блокада портов — может быть расширена и дополнена стратегической блокадой главных торговых путей. Что касается моральных принципов, между двумя видами блокады нет существенной разницы. Признавая принцип тактической, или ближней, блокады, невозможно отрицать принцип стратегической, или удаленной, блокады. Разница между ними заключается только в их влиянии на нейтралов, больше ни в чем.

Да и с какой стати отдельные аспекты войны должны отрицаться на море, если же аналогичные вещи позволительны на суше? Если на земле позволительны контрибу-

ции и реквизиции, если можно оккупировать города, порты и захватывать внутренние коммуникации, без чего захват не может считаться полным, а война эффективной, почему следует отказываться от тех же процедур на море, где они имеют значительно меньшее воздействие на человека? Если вы отрицаете право контроля над коммуникациями в море, логично сделать то же самое на земле. Если вы признаете право контрибуций на суше, то должны признать и право захвата на море. Иначе вы дадите сухопутным военным державам экстремальные военные права и не оставите морским державам вообще никаких прав. Разве это справедливо?

Поскольку идея уничтожения частных захватов на море является гуманной и опирается на уверенность, что это укрепит положение морского торгового государства, давайте относиться к ней с уважением. Судя по тому, как ее выражают самые активные сторонники, она основывается на двух заблуждениях. Первое заключается в том, что вы можете избежать нападения, лишив себя наступательной силы и перейдя только к обороне, второе — что война целиком состоит только из сражений между армиями или флотами. При этом игнорируется фундаментальный факт, который говорит о том, что сражения — лишь средства, позволяющие вам делать то, что действительно может завершить войну, — то есть оказывать давление на жителей и их коллективную жизнь. «После разгрома главной армии противника, — утверждает фон дер Гольц, — мы все еще стоим перед проблемой установления мира, как отдельной и в определенных обстоятельствах более трудной задачей... Мы должны заставить вражескую страну настолько полно ощутить тяготы войны, чтобы стремление к миру стало преобладающим. Это не удалось Наполеону. Возможно, будет необходимо захватить гавани, коммерческие центры, важные транспортные артерии, фортификационные сооружения и арсеналы, иными словами, всю важную собственность, необходимую для существования народа и армии».

Но если тогда мы будем лишены права использовать аналогичные средства на море, цель, ради которой мы сражаемся, практически перестает существовать. Конеч-

но, можно разгромить вражеский флот, но противнику от этого будет не намного хуже. Можно открыть путь для вторжения, но любая великая континентальная держава лишь посмеется над нашими попытками совершить это вторжение самостоятельно. Если нельзя собрать урожай своего успеха, прекратив национальную деятельность противника на море, это означает лишение нас единственного законного способа оказания давления, который есть в нашем распоряжении. Флот будет вынужден перейти к таким варварским средствам, как обстрел портовых городов и разрушительные рейды на вражеское побережье.

Если средства давления, которые используются после успешных сражений, уничтожить и на суше, и на море, в пользу этой перемены может служить тот довод, что для цивилизованных государств она будет означать, вероятно, полное прекращение войн, поскольку война станет настолько бесперспективной, что никто не будет в нее вступать. Она станет делом исключительно регулярных армий и флотов, что не слишком побеспокоит подавляющее большинство народа. Международные разногласия будут тяготеть к средневековым частным спорам, которые разрешались воинами в поединках. Если бы международные разногласия могли разрешаться таким же образом, человечество, безусловно, сделало бы большой шаг вперед. Но только оно вряд ли созрело для такой революции. В то же время ликвидация права вмешательства в перевозку частной собственности морем, когда аналогичное право на земле осталось в силе, только поколеблет позиции гуманистов. Перестанет существовать самое мощное сдерживающее средство, позволяющее ограничивать войну. Сегодня более чем когда-либо внешней политикой народов управляют торговля и финансы. Если война угрожает торговле и финансам, их влияние на мирное разрешение конфликта будет чрезвычайно велико. Пока существует право захвата собственности на море, они будут теряться в любой морской войне немедленно и неизбежно, каков бы ни был общий результат. Ликвидируйте право, и это сдерживающее средство исчезнет; нет, они даже получают немедленную прибыль из-за внезапного увеличения расходов правительства, которое повлечет за собой военное противостояние,

и расширения морской торговли для обеспечения нужд вооруженных сил. Любые потери, которые при существующих условиях нанесет война на море, будут незначительными, если вмешательство в собственность будет ограничено сушей. Они никогда не будут серьезными, разве только в случае полного поражения, а никто не вступает в войну, надеясь на поражение. Агрессивные войны порождает именно надежда на победу и получение выгоды. Страх быстрых и верных потерь их предотвращает. Тогда человечество должно понять, что, слишком поспешно стремясь к мирным идеалам, оно может лишиться лучшего оружия, существующего для пресечения зла, уничтожить которое у него пока нет власти.

Поэтому право частных захватов на море до сих пор существует. Без него война на море почти немыслима, и в любом случае ни у кого нет опыта такого урезанного метода войны.

Главный метод, при котором мы добиваемся победы или превосходства на море и оказываем давление на население противника, чтобы обеспечить мир, — это захват или уничтожение собственности врага, государственной или частной. Но, сравнивая этот метод с аналогичной оккупацией территории, взиманием контрибуций и реквизиций, мы видим отчетливую разницу. Оба процесса могут быть названы экономическим давлением. Но на берегу оно может быть только следствием победы или приобретенного доминирования благодаря военным успехам. На море процесс начинается сразу. На самом деле, чаще всего первым актом враждебных действий в морских войнах всегда был захват частной собственности на море. В каком-то смысле так происходит и на берегу. Первый шаг завоевателя после пересечения границы — в большей или меньшей степени взять под контроль ту частную собственность противника, которую армия вторжения может использовать для своих нужд. Но подобный захват частной собственности есть чисто военный акт, и он не относится ко второй стадии экономического давления. А на море дела обстоят именно так, и причина тому — фундаментальная разница между сухопутной и морской войной, которая заключена в коммуникационной теории морской войны.

Чтобы разъяснить этот момент, следует повторить, что морские коммуникации, которые являются основой идеи господства на море, вовсе не аналогичны военным коммуникациям в привычном смысле слова. Военные коммуникации относятся исключительно к путям снабжения и отхода армии. Морские коммуникации имеют более широкое значение. Конечно, они включают в себя линии снабжения флота, но по своей стратегической важности относятся не к военным линиям снабжения, а к тем внутренним коммуникациям, которые поддерживают жизнь нации на берегу. Следовательно, морские коммуникации рассматриваются на совершенно других основаниях, по сравнению с сухопутными. Морские пути по большей части являются общими для обеих воюющих сторон, а на суше каждая обладает своими коммуникациями на своей территории. Стратегический эффект чрезвычайно важен, поскольку в море стратегическое наступление и оборона имеют тенденцию сливаться так, как это невозможно на берегу. Поскольку морские пути являются общими, мы, как правило, не можем напасть на пути противника, не защищая свои. В военных операциях справедливо обратное. Обычно атака на коммуникации противника имеет тенденцию обнаруживать наши собственные.

Теория общих коммуникаций становится яснее на примере. В войнах между Великобританией и Францией морские пути из Англии в Средиземноморье, Индию и Америку проходили от Английского канала мимо Финистерре¹ и Сент-Винсента, и морские пути Франции, по крайней мере из ее атлантических портов, были идентичными почти на всем своем протяжении. В войнах Англии с Голландией сходство было даже еще более близким. Даже в войнах с Испанией ее великие морские торговые пути практически на всем своем протяжении проходили там же, где британские. Следовательно, первые действия, которые Англия обычно выполняла для защиты своих торговых путей, заключались в атаке на вражескую торговлю. Такая же ситуация возникала и когда исходные англий-

¹ Мыс Ф и н и с т е р р е — одна из самых западных точек Пиренейского полуострова.

ские диспозиции были разработаны, как оборона против вторжения на свою территорию или против нападения на свои колонии, потому что позиции, которые должен был занять британский флот для достижения этих целей, всегда располагались в конечных или фокусных точках торговых путей или около них. Было ли нашей непосредственной целью заставить действовать вражеский флот или же оказать экономическое давление — разницы не было почти никакой. Если флот противника также стремился к действию, наиболее вероятными точками контакта были именно терминальные (начальные и конечные) или фокусные части торговых путей. Если противник желал уклониться от решения, лучшим способом заставить его действовать была оккупация торговых путей в тех же жизненно важных точках.

В итоге получается, что, в то время как на суше процесс экономического давления, по крайней мере в современной концепции войны, может начаться только после решающей победы, на море он начинается автоматически. На деле такое давление может оказаться единственным средством навязывания решения, к которому мы стремимся, что станет понятнее, когда мы подойдем к рассмотрению других фундаментальных отличий между войной на суше и на море.

А пока можно отметить, что на море использование экономического давления на начальном этапе оправданно по двум причинам. Во-первых, как мы видели, использование оборонительных позиций для нападения, когда нападение не лишает эти позиции силы, а оно не лишит их силы, если крейсера будут действовать скрытно, существенно экономит средства. Во-вторых, вмешательство во вражескую торговлю имеет, в свою очередь, два аспекта. Оно является не только средством оказания вторичного экономического давления, но и основным средством, ведущим к ослаблению сопротивления противника. Войны решаются не только военными и военно-морскими силами. Финансы ничуть не менее важны. Они устраняют неблагоприятное соотношение вооруженных сил и могут обеспечить победу более слабой стороне. Поэтому все, что мы можем сделать для ослабления финансового положе-

ния противника, является прямым шагом к его уничтожению. Самым эффективным средством, которое можно применить для достижения этой цели в отношении морского государства, является лишение его ресурсов морской торговли.

Поэтому не приходится сомневаться в том, что в морской войне, как бы активно мы ни сосредотачивали усилия на уничтожении вооруженных сил противника как на средстве добиться победы, было бы глупо упустить возможность ухудшить его финансовое положение, от которого во многом зависит мощь вооруженных сил. Так, оккупация морских коммуникаций противника и конфискационные операции, которые она подразумевает, являются в каком-то смысле основными операциями, а не вторичными, как на земле.

Таковы абстрактные выводы, к которым мы пришли в попытке проанализировать идею господства на море. Мы определили ее как контроль над общими коммуникациями. Их конкретное значение проявится, когда мы будем рассматривать разные формы, которые могут принимать военно-морские операции, — поиск флота противника, блокада, нападение и защита торговли, обеспечение безопасности совместных операций и др. А пока стоит рассмотреть различные виды господства на море, вытекающие из идеи коммуникаций.

Если цель господства на море — контроль коммуникаций, очевидно, что возможно существование разных степеней этого контроля. Вполне вероятна возможность контролировать все общие коммуникации — благодаря большому первоначальному превосходству или решающей победе. Если мы недостаточно сильны для этого, можно установить контроль над отдельными коммуникациями, иначе говоря, наш контроль может быть общим или местным. И хотя сказанное вроде бы очевидно, это следует подчеркнуть, поскольку в последнее время распространилось изречение «морю все едино». Как и другие максимы такого рода, оно несет правду, но также влечет за собой немало ошибок. Истина заключается в том, что, как правило, местный контроль может быть полезен только временно, ведь пока у противника есть достаточно укомплек-

тованный флот, где бы то ни было, теоретически в его власти ликвидировать наш контроль над любым конкретным морским районом.

Это, конечно, немногим более, чем риторическое выражение, используемое, чтобы подчеркнуть высокую мобильность флота в сравнении с армией и отсутствие физических препятствий, ограничивающих эту мобильность. То, что эта жизненно важная черта войны на море «увековечена» в афоризме, — это хорошо, но, когда она, как это нередко происходит, вырастает в карикатурную доктрину, утверждающую, что вы не можете отправить батальон за море, пока полностью не уничтожите флот противника, ее следует выставить на посмешище. С таким же успехом можно утверждать, что в войне нельзя рисковать.

Именно дурное влияние подобной доктрины стало причиной неуверенной стратегии американцев в войне с Испанией. У них был необходимый военно-морской флот для того, чтобы обеспечить в Мексиканском заливе временное местное господство на море, которое позволило бы им немедленно отправить все имевшиеся в их распоряжении войска на Кубу для поддержки повстанцев в соответствии со своим военным планом. Они также были достаточно сильны, чтобы обеспечить постоянную связь с экспедиционным корпусом. И все же, поскольку у испанцев где-то в море находился флот, американцы долго медлили и почти проиграли. У японцев подобных иллюзий не было. Не нанося никаких военно-морских ударов и имея вражеский флот практически в пределах театра военных действий, они начали переброску войск, удовлетворившись тем, что, хотя они, вероятно, не смогут обеспечить постоянный контроль над участком, по которому осуществлялась переброска, они не позволят и противнику установить эффективный контроль. Британская история изобилует такими примерами. В подобных операциях результаты, которые мог принести успешный удар за морем, раньше, еще до установления постоянного господства, были достаточно хороши, чтобы оправдать риск, который англичане, так же как и японцы, умели минимизировать, разумно используя свое географическое положение и определенную систему защиты — о ней речь пойдет далее.

Для формирования плана войны или кампании следует учитывать, что могут существовать разные степени господства на море, каждая из которых имеет свои возможности и ограничения. Господство может быть общим или местным, постоянным или временным. Общее господство может быть постоянным или временным, но местное господство, за исключением чрезвычайно благоприятных географических условий, вряд ли может рассматриваться как более чем временное, поскольку в обычных обстоятельствах оно всегда нарушается событиями других театров, во всяком случае, пока у противника есть эффективные военно-морские силы.

И наконец, следует отметить, что даже постоянное общее господство на практике никогда не может быть абсолютным. Никакая степень военно-морского превосходства не может обеспечить полную защиту наших коммуникаций от спорадических нападений отдельных кораблей или даже рейдерских эскадр, если у них храбрый командир, а люди готовы пойти на риск. Даже после того, как решающая победа Хока у Киберона завершила разгром военно-морских сил противника, британский транспорт был захвачен между Корком и Портсмутом, а индус — в виду Лизарда¹. Веллингтон во время своего пребывания на Пиренейском полуострове не уставал жаловаться на постоянную опасность для коммуникаций². Говоря об общем и постоянном контроле, мы вовсе не имеем в виду, что противник ничего не может делать. Мы только утверждаем, что он не может вмешиваться в нашу морскую торговлю и заморские операции настолько интенсивно, чтобы повлиять на исход войны. Кроме того, он может вести собственную торговлю и операции, только рискуя устранить их с поля практической стратегии. Иными словами, противник больше не может эффективно атаковать наши морские пути и линии связи и защищать свои собственные.

¹ Л и з а р д — один из островов Большого Барьерного рифа.

² Справедливости ради следует уточнить, что жалобы Веллингтона были вызваны ложными докладами, которые преувеличили несколько незначительных захватов до масштаба серьезных вмешательств. (*Примеч. авт.*)

Чтобы завершить разговор об оценке ситуации, для которой разрабатываются операции, необходимо заметить, что, когда господство на море спорно, общие условия могут создать устойчивое или неустойчивое равновесие. Может статься, что ни одна из сторон не сможет обеспечить существенный перевес сил. Некоторый перевес может оказаться на нашей стороне или на стороне противника. Это преимущество будет зависеть не от действительного соотношения сил, физических или моральных, а от взаимосвязи военно-морских позиций и сравнительного удобства их расположения по отношению к цели войны или кампании. Под военно-морской позицией мы понимаем, прежде всего, военно-морские базы и, кроме того, терминальные пункты крупных коммуникаций или торговых путей, а также фокусные районы, где они начинают сходиться, такие как Финистерре, Гибралтар, Суэц, мыс Доброй Надежды, Сингапур и многие другие.

От степени и распределения этого превосходства будет в общем зависеть степень, в которой наши планы будут подчиняться идее обороны или наступления. Иначе говоря, превосходящая сторона будет иметь преимущество поиска решения, причем максимально быстрого, чтобы завершить состояние спора. И наоборот: слабейшая сторона, как правило, будет стремиться уклониться от решения или затянуть время, рассчитывая путем малых операций, прибытия подкрепления или благодаря удачному стечению обстоятельств изменить соотношение сил в свою пользу. Такой линии часто придерживалась Франция в войнах с Англией. Иногда это было обосновано, но зачастую лишь серьезно деморализовало французский флот. На основании собственного опыта французы сделали поспешный вывод, что оборона на море есть зло. Такой вывод противоречит фундаментальным принципам войны. Не стоит исключать использование выжидательной позиции только потому, что она не может привести к решающему успеху, ведет к деморализации и утрате воли к победе. Причиной неправильного понимания является чрезмерный акцент на недостатки обороны, который делали многие авторы, желая убедить свои народы в необходимости подготовки в мирное время военно-морских

сил, достаточных для перехода в наступление на начальном этапе войны.

Определив фундаментальные принципы, лежащие в основе идеи господства на море, мы можем рассмотреть методы построения флота для выполнения им поставленных задач.

Глава 2

ТЕОРИЯ СРЕДСТВ — СТРОЕНИЕ ФЛОТА

Во все эпохи ведения войны на море военные корабли демонстрировали тенденцию дифференцирования в соответствии со своими главными функциями. Такие группировки, или классы, и есть то, что мы понимаем под составом флота. Тройная дифференциация на линейные корабли, крейсера и флотилии (мелких судов) так долго доминировала в военно-морском мышлении, что мы стали считать ее нормальной и даже основной. Возможно, это и так, но такая классификация ни в коем случае не была постоянной. Другие идеи состава флота не только существовали, но и выдержали испытание войнами, и игнорировать такие факты было бы неразумно, поскольку в таком случае мы не сможем прийти к надежной, обоснованной доктрине.

Истина заключается в том, что классы судов, составляющих флот, являются или должны являться материальным выражением стратегических и тактических идей, которые преобладают в данное время, и следовательно, они менялись не только с внедрением идей, но и с внедрением актуальных материалов. Если принять более широкую точку зрения, они изменялись вместе с теорией войны, которая более или менее осознанно доминировала на флоте. Конечно, немногие исторические периоды могут характеризоваться тем, что дали миру формулировку военной теории или ясно осознали ее влияние, но тем не менее такие теории всегда существовали и даже в самых смутных и непостижимых формах оказывали влияние на состав флота разных стран.

Вернувшись назад, к началу современной эпохи, мы замечаем, что первая половина XVI века, когда морские

просторы бороздили галеры, флот делился на три группы, и эта классификация имела внешнюю аналогию с той, которую мы считали нормальной. В те времена существовали галеасы и тяжелые галеры, соответствующие нашим линейным кораблям, легкие галеры, соответствующие нашим крейсерам, и флотилию представляли маленькие фрегаты, бригантины и другие небольшие корабли, на которых не было рабов — гребцы были из состава команды. Вооруженные парусные суда того времени считались вспомогательными и образовывали отдельную категорию, такую как брандеры и бомбардирские суда в эпоху парусного флота и минные заградители сейчас. Но параллель не следует искажать. Разница функций между двумя классами галер не была так отчетливо обозначена, как между более легкими кораблями и галерами. Иными словами, научная дифференциация линейных кораблей и крейсеров еще не была так четко определена, как ей было суждено позднее, и галеры меньших размеров обычно занимали их место в строю.

С развитием парусных военных кораблей изменился и состав флота. Корабли теперь подразделялись на два класса: парусные, то есть зависящие от направления ветра, и гребные, не зависящие от него. В соответствии с этим и был создан английский королевский военно-морской флот. Его создателем стал Генрих VIII — признанный эксперт военного дела, с которым мог сравниться мало кто из европейских монархов. В составе флота даже меньше, чем в период галер, проявлялась разница между линейными кораблями и крейсерами. По своему первоначальному замыслу флот Генриха практически полностью состоял из парусных линейных кораблей, хотя, когда французы привели со Средиземного моря галеры, он оснастил веслами лучшие из своих парусников. Фактически флот состоял из линейных кораблей и флотилии. Крейсеров в нашем понимании еще не было. Разведку выполняли «гребные баржи» и только что появившиеся пинасы флотилии. Что же касается защиты торговли, торговые суда обычно защищались сами, причем самые крупные из них обычно имели вооружение.

Влияние этой классификации длилось намного больше после того, как прекратили свое существование условия,

которые способствовали ее возникновению. Можно сказать, что такой состав флота просуществовал около двух столетий. В период голландских войн XVII столетия, которые в конце концов и утвердили доминирующий статус парусного военного корабля, практически все чисто парусные корабли, то есть корабли, не имеющие вспомогательных весел, получили широкое распространение. Фрегат того времени практически не отличался по функциям от «великого корабля» — разве что по конструкции. К началу XVIII века стал возвращаться прежний состав флота из трех групп, но процесс завершился только в середине столетия.

Вплоть до конца Войны за австрийское наследство — этот период обычно характеризуют заметным спадом в военно-морском искусстве — классификация крупных британских кораблей была чисто произвольной. Классы военных кораблей, появившиеся во время голландских войн, не имели никакого отношения к какой-либо философской концепции сложных функций флота. В первый класс входили 100-пушечные корабли, во второй — 90-пушечные. Все они были трехпалубными. Пока классификация представляется достаточно обоснованной. Но, дойдя до третьего класса, мы обнаруживаем, что в него входят 80-пушечные корабли, которые тоже являются трехпалубными, в то время как подавляющее большинство остальных — 70-пушечные двухпалубные корабли. Четвертый класс также состоял из двухпалубных судов — слабых боевых единиц с 60 и 50 пушками. Это был самый крупный класс. Все четыре класса считались линейными. Далее шел пятый класс, куда входили корабли, которые хоть и использовались как крейсера, но не имели общего названия. Они лишь немногим отличались от линейных кораблей и являлись небольшими двухпалубниками с 44—40 пушками. Их можно рассматривать как предшественников «переходного класса», в последующие эпохи представленного 50-пушечными кораблями, а в наше время — бронепалубными крейсерами. Единственный настоящий крейсер попал в шестой класс, в который входили маленькие и слабо вооруженные 20-пушечные корабли, а между ними и 40-пушечными кораблями не было ничего общего. После них, опять-

таки без выраженной дифференциации, следовали не вошедшие ни в один из классов шлюпы, представлявшие флотилию.

При такой системе разбивки на классы нет логического разграничения между большими и маленькими линейными кораблями, между линейными кораблями и крейсерами, а также между крейсерами и флотилией. Единственный выраженный разрыв — в постепенном понижении между 40-пушечными двухпалубниками и 20-пушечными крейсерами. Поскольку на последних использовались гребцы для дополнительной движущей силы, мы вынуждены сделать вывод, что единственной основой для классификации является классификация, принятая Генрихом VIII, которая, хотя и была надежной, давно утратила связь с реалиями войны на море.

Только благодаря Энсону на флоте снова появилась научная система деления судов на классы и флот, наконец, обрел разумный состав, который сохраняется до настоящего времени. Два первых класса — это флагманы флота, трехпалубные корабли, имеющие соответственно 100 и 90 пушек. Все менее крупные трехпалубники исключены. В двух следующих классах — «рядовой и сержантский состав» флота, а именно двухпалубники увеличенного размера, имеющие 74 орудия в третьем классе и 64 — в четвертом. Здесь имеется небольшой сбой, демонстрирующий несовершенство системы, поскольку в четвертый класс также включены 50-пушечные суда с двумя палубами, которые уже во время Семилетней войны перестали считаться линейными. Военный опыт исключал использование небольших линейных кораблей и одновременно требовал появления переходного класса между линейными кораблями и крейсерами, функции которых мы будем дальше рассматривать. На практике эти боевые единицы вскоре сами сформировали класс, в который спустя полвека попали 60-пушечные корабли.

Но самой плодотворной из всех реформ Энсона было введение настоящего крейсера, который представлял собой не маленький линейный корабль, а корабль, специально созданный для выполнения своих функций, отличающийся по конструкции от линейных кораблей и от

флотилии. И 40-пушечные, и 20-пушечные корабли были ликвидированы, а вместо них появилось два класса крейсеров — пятый, куда входили 32-пушечные фрегаты, и шестой из 28-пушечных фрегатов, не предназначенных для выполнения линейных функций. И в заключение, после очень большого промежутка, шли шлюпы и мелкие суда, представлявшие флотилию, выполнявшие каботажные и всевозможные прибрежные перевозки.

Реформы великого первого лорда, по сути, выражали тройственный состав флота, в котором разные группы специализировались в соответствии с функциями, которые они должны были выполнять. Специализация, как известно, является признаком развития. Больше нет необходимости пытаться адаптировать флот к его разнообразным функциям, умножая число боевых кораблей, которые могут действовать как линейные и к тому же иметься в достаточном количестве, чтобы защитить торговлю, но которые не приспособлены для выполнения других функций. Вместо этого мы признаем принцип, заключающийся в том, что линейные корабли должны быть как можно более мощными, и для того, чтобы позволить им должным образом развиваться, их следует освободить от крейсерских функций, создав для этого специальный класс кораблей. Следует только рассмотреть вопрос: отражает ли такая специализация, дожившая до наших дней, истинное направление развития? Была ли она действительно правильным выражением нужд, обозначенных теорией войны на море?

Необходимо повторить; что под военной морской теорией мы понимаем формулировку фундаментальных принципов, которые лежат в основе войны на море. Эти принципы, если мы их правильно определили, должны влиять не только на стратегию и тактику, но и на материальную составляющую вопроса, какие бы способы и средства ни использовались в военных действиях на море в данное время. И наоборот, если мы видим, что стратегия, тактика или организация демонстрируют тенденцию воспроизводить одни и те же формы при самых разных условиях, можно показать, что эти формы всегда имеют определенное отношение к принципам, которые выражает наша теория.

В случае тройственной организации Энсона связь не приходится долго искать, хотя она стала довольно расплывчатой благодаря двум максимам. Первая заключается в том, что «господство на море зависит от линейных кораблей». Вторая — «крейсера — это глаза флота». К сожалению, максимам свойственно выходить за пределы своего первоначального значения. Они обе выражают истину, но ни одна не выражает ее в полной мере. Ни одна теория войны на море не предусматривает установления господства на море с помощью линкоров, и ни одна теория коммуникаций не считает изначальной функцией крейсеров разведку для боевого флота. Разумеется, господство в конечном счете зависит от боевого линейного флота, если оно оспаривается враждебным линейным флотом, как это обычно происходит. Также верно то, что, поскольку необходимо дать возможность боевому флоту установить господство, ему необходимы глаза, которыми явятся крейсера. Но из этого вовсе не следует, что быть этими глазами — главная и первоначальная функция крейсеров. Истина заключается в том, что их приходится отвлекать от основных функций, чтобы выполнить для линейного флота работу, которую он не в состоянии выполнить сам.

Хотя максима относительно «глаз флота» стала привычной, будет очень сложно доказать, что высочайшие авторитеты когда-либо считали разведку главной функцией крейсеров. В практике Нельсона, по крайней мере, их первоочередной задачей было осуществление господства, установленного линейными эскадрами. История войны на море помнит его беспрестанные требования прислать на Средиземноморье больше крейсеров, но значение этих требований со временем позабылось. Причем нельзя сказать, что численность крейсеров на Средиземном море не соответствовала числу линейных кораблей, — обычно их было почти вдвое больше. Просто адмирал был абсолютно убежден в их истинном предназначении и использовал их для осуществления господства на море в такой степени, что нередко численность его крейсеров опускалась ниже необходимого уровня. Результатом стало памятное спасение вражеского флота, но другой результат не менее важен. Он заключался в том, что уход вражеского флота не

лишил адмирала господства на море, которое он должен был поддерживать. Нельсон мог ошибаться, но стратегическое распределение имеющихся в его распоряжении сил оставалось последовательным и неизменным на протяжении всего периода его пребывания на Средиземноморье. Судя по оставшимся записям, никто лучше Нельсона не понимал, что целью войны на море является контроль над коммуникациями, и, если он обнаруживал, что у него не было достаточного количества крейсеров, чтобы осуществить этот контроль и одновременно обеспечить глаза для линейного флота, страдать приходилось именно боевому флоту. Если бы французы были готовы пойти на риск и урегулировать вопрос господства в столкновении между флотами, все было бы иначе. Тогда Нельсон был бы прав, пожертвовав на время поддержанием господства ради обеспечения успеха акции. Но только он знал, что они не готовы пойти на такой большой риск, и не позволил чисто оборонительной позиции, занятой противником, ввести себя в заблуждение и отвлечь от своих конкретных задач.

Если цель военных действий на море — контроль над коммуникациями, необходимы средства для осуществления этого контроля. Если противник воздерживается от боевых действий, представляется логичным перевести линейный флот на вспомогательную позицию, поскольку крейсера являются средством осуществления контроля, а боевой флот — средством обеспечения невмешательства в их деятельность. Тезис можно проверить на практике. Невозможно обеспечить контроль с помощью только линейных кораблей. Они попросту не приспособлены к такой работе, да и слишком дороги, чтобы быть достаточно многочисленными. Поэтому, даже если у противника нет флота линкоров, мы не можем эффективно осуществлять контроль с помощью одних только линейных кораблей. Нам потребуются крейсера, приспособленные для такой работы, причем в достаточном количестве, чтобы действовать на всей необходимой территории. Обратное утверждение неверно. Мы можем осуществлять контроль с помощью одних только крейсеров, если у противника нет линкоров, которые могли бы им помешать.

Если мы хотим вывести формулу, которая выразила бы практические результаты нашей теории, она будет примерно следующей: от крейсеров зависит осуществление контроля, а от линейных кораблей — безопасность контроля. Такова логическая последовательность идей, и она показывает, что данная максима в действительности есть итоговое заключение логического аргумента, в котором нельзя игнорировать первоначальные шаги. Тогда максима о том, что господство на море зависит от линейного флота, представляется вполне правильной, пока она включает все остальные факты, на которых основывается. Истинная функция линейного флота — защищать крейсера и флотилию, которые выполняют свою особую работу. Лучший способ это сделать — уничтожить саму возможность вмешательства противника. Доктрина уничтожения вражеских вооруженных сил как главной цели вновь заявляет о себе, причем настолько уверенно, что позволяет в практических целях сделать грубое обобщение и заявить, что господство на море зависит от линейного флота.

Можно спросить: зачем же тогда нужно такое буквоедство? Какой практической цели оно может служить? Почему бы не оставить в покое убеждение, что наша первая и главная задача — разбить вражеский флот и что для этого следует сосредоточить все усилия? Ответом станет дилемма Нельсона, которую во время золотого века войны на море приходилось решать для себя каждому адмиралу. Она же всегда являлась одной из самых сложных деталей каждого плана военных действий на море. Если мы желаем обеспечить эффективные действия боевого флота, придав ему большое число крейсеров, настолько же мы ослабим реальный и продолжительный контроль. Если мы хотим сделать контроль над коммуникациями противника эффективным, придав ему большое число крейсеров, в такой же степени мы поставим под сомнение наш шанс установить контакт с вражеским флотом и разгромить его, что является единственным средством установления контроля.

Правильное решение дилеммы, конечно, зависит от условий каждого конкретного случая — главным образом от сравнительной силы и активности линейного флота противника и его вероятных намерений. Но независимо

от того, насколько четко мы уяснили все значимые факторы, нельзя надеяться на нахождение надежного решения по ним, не оценив все элементы, необходимые для установления господства, и не сопоставив их относительную важность. Только это в конечном счете будет способствовать решению жизненно важного вопроса — какую часть крейсеров следует придать линейному флоту.

Если доктрина крейсерского контроля правильна, тогда каждый крейсер, действующий в составе боевого флота, отклоняется от своего истинного предназначения. Это неизбежно. Эскадра линейных кораблей является несовершенным организмом, неспособным выполнить свою задачу без поддержки крейсеров, и, поскольку выполнение ею поставленной задачи является жизненно важным условием обеспечения свободы крейсеров, частью крейсеров приходится жертвовать. Но какой именно частью? Если ограничиться точкой зрения, по которой господство зависит от боевого флота, тогда мы придадим ему столько крейсеров, сколько посчитает необходимым его командир, чтобы установить уверенный контакт с противником и окружить себя плотным экраном. Если мы знаем, что противник так же решительно настроен, как и мы, такой курс может считаться оправданным. Но обычно если мы рвемся в бой, то лишь потому, что имеем обоснованные надежды на успех, а значит, что противник, вероятнее всего, постарается уклониться от него, во всяком случае на наших условиях. На практике это означает, что, если мы ведем подготовку к уничтожению вражеского флота, противник откажется подвергнуть его опасности и будет ждать более благоприятной возможности. Каким же будет результат? Противник останется в обороне, и теоретически весь последующий период бездействия будет работать на него. Не покидая порта, его флот будет делать свою работу. Чем активнее противник вынуждает нас сконцентрировать наши крейсера перед своим боевым флотом, тем больше он освобождает морские просторы для осуществления своей торговли и подвергает нашу торговлю опасности нападения крейсеров.

Итак, и опыт, и теория диктуют, что, в качестве общего принципа, крейсера следует рассматривать как главным

образом занимающиеся активным захватом коммуникаций противника, и отвлечение их для работы на флот необходимо свести к минимуму, определяемому как оправданный риск. Каков должен быть этот минимум, можно решить, только ознакомившись с обстоятельствами каждого случая и имея в виду личностные качества офицеров. Нельсон уменьшал число флотских крейсеров активнее, чем любой другой командир. Он оставлял их так мало, что в средиземноморской кампании, о которой уже шла речь, когда его суждения были зрелыми, свидетельствующими об огромном опыте, одна небольшая неудача — случайное предательство его позиций нейтралами — нарушила все планы и позволила флоту противника уйти.

Таким образом, мы приходим к общему выводу. Цель военных действий на море — контроль над морскими коммуникациями. Чтобы выполнять этот контроль эффективно, необходимо иметь разные суда, специально предназначенные для преследования. Но их возможность осуществлять контроль пропорциональна степени нашего господства, иначе говоря, способности предотвратить вмешательство противника в их действия. Их собственная сила сопротивления обратно пропорциональна возможности осуществления контроля, то есть чем они более многочисленны и лучше приспособлены для преследования торговых судов, тем слабее их огневая мощь. Мы не можем дать им силу противостоять нападению, одновременно не уменьшив их возможности осуществления контроля. Приемлемым решением проблемы в период существования школы Энсона стало обеспечение таких судов прикрытием из боевых кораблей. Но здесь возникает аналогичная сложность. Давая нашим боевым кораблям боевую мощь, мы снижаем их разведывательные возможности, а разведка жизненно необходима для эффективных операций. Боевой флот должен иметь глаза. Суда, адаптированные для контроля над коммуникациями, также хорошо приспособлены для выполнения функции «глаз». Поэтому становится распространенной практикой отвлечение от операций контроля достаточного числа таких судов, чтобы позволить боевому флоту осуществлять эффективное прикрытие оставшихся кораблей.

Таковы были принципы, опираясь на которые решалась неизбежная дилемма и на которых основывалась организация Энсона. Они органично вытекали из коммуникационной теории морской войны, а именно эта теория тогда доминировала в военно-морской мысли, что следует из формального использования таких фраз, как «линии прохода и связи». Военные планы величайших стратегов от Энсона до Бархама всегда можно разделить на эти простые элементы, а там, где мы обнаруживаем ослабление влияния адмиралтейства, возникает путаница и совершенно ненужные провалы американской Войны за независимость. В этом плохо управляемом состязании англичане допустили большую ошибку, позволив боевому флоту противника занять жизненно важные пути «прохода и связи», не вынудив его вступить в бой. Причиной ошибки стало частично слабое управление, а частично — недостаточное число и неправильное распределение крейсеров для обеспечения контакта в нужных местах.

Пока принципы, на которых основано превосходство англичан на море, ясны. Для врагов, с которыми англичанам приходилось иметь дело, система Энсона вовсе не была тайной. И Испания, и Франция так твердо верили в теорию коммуникаций, что были рады считать успехом возможность постоянно причинять беспокойство англичанам, даже не делая серьезных попыток отобрать у них контроль и обеспечить его для себя. Состав флота и стратегия Энсона были хорошо приспособлены для нанесения поражения такой политики. Но это никоим образом не означает, что его доктрина является истиной в последней инстанции. Даже в его время начали появляться трудности, имевшие тенденцию нарушать точность его системы. К началу кульминационного года Трафальгара появились признаки того, что доктрина изжила себя, а новые методы, использованные американцами в 1812 году, заявили о себе во весь голос. Нарушения установившегося порядка, появившиеся в этот период, продолжали расти и развиваться, и необходимо рассмотреть, насколько серьезно они отразились на проблеме состава флота.

Во-первых, всеми, в том числе и англичанами, признано, что самый решительный, экономичный и эффек-

тивный способ обеспечения контроля на море — уничтожение имеющихся в распоряжении противника средств вмешательства. У англичан эта идея всегда заявляла о себе столь решительно, что подчас средства приобретали большую важность, чем цель. Иначе говоря, обстоятельства складывались так, что временами считалось предпочтительным пожертвовать на время осуществлением контроля, чтобы быстро и надолго лишить противника всех средств вмешательства. Когда имелась обоснованная надежда на то, что противник не боится решительных действий, это соображение обычно перевешивало все остальные. Когда же, как у Нельсона на Средиземном море, эта надежда была невелика, осуществление контроля становилось первостепенной задачей.

Вторая причина сложности возникала из-за того, что, каким бы сильным ни было боевое прикрытие, оно не может полностью исключить риск вмешательства — спорадических атак. Отдельные тяжелые корабли могли проскользнуть даже сквозь самую суровую блокаду, а один такой корабль, достигнув торгового пути или линии связи, мог парализовать действия нескольких мелких судов. Им приходилось или уходить, или концентрироваться, и в любом случае контроль оказывался нарушенным. Если же речь заходила об эскадре тяжелых кораблей, существовала практика отправки против нее дивизиона боевого флота прикрытия. Ясно, что было чрезвычайно неудобно, да и противоречило идее, на которой основывался состав флота, позволить каждой опасности для крейсерского контроля нарушать целостность основных сил военноморского флота.

Следовательно, существовала необходимость обеспечить крейсерам возможность сопротивляться. Когда такая необходимость признана, нет определенной точки, в которой нужно остановиться, наращивая боевую мощь крейсеров, и рано или поздно, если, конечно, не будет найдено некое сдерживающее средство, разница между крейсерами и линейными кораблями практически исчезнет. Такое средство может быть найдено в том, что называется «промежуточным» судном. Фрегаты действительно продолжали наращивать свою огневую мощь и увеличиваться в объеме до

самого конца эры парусного флота, но сопротивление увеличивалось не только посредством этого. Отрицательные последствия тенденции сдерживались введением корабля поддержки, явившегося чем-то средним между фрегатом и боевым линейным кораблем. Иногда относимый к классу боевых линейных кораблей и занимающий их места на линии 50-пушечный корабль стал прекрасным средством укрепления эскадр крейсеров. Такие суда обычно становились флагманскими кораблями командиров эскадр крейсеров или помещались в самых опасных участках, где спорадические рейды флота противника были наиболее вероятны и могли оказаться самыми разрушительными. Присутствие такого корабля в составе соединения крейсеров должно было в какой-то степени усилить их позиции, потому что любому крейсеру противника, рискнувшему вмешаться, пришлось бы иметь дело с промежуточным кораблем, а фрегат и 50-пушечный корабль вместе были эквивалентны небольшому линейному кораблю.

В эпоху парусного флота корабль поддержки оставался достаточно слабым из-за несовершенства средств дальней связи между кораблями в море и отсутствия таких средств при нахождении кораблей вне пределов прямой видимости. Но с развитием беспроволочного телеграфа было бы разумно ожидать, что стратегическое значение корабля поддержки или промежуточного корабля стало больше, чем на заре парусной эры, а для отражения спорадических атак возможности сопротивления линии крейсеров будут все больше приближаться к возможностям самых сильных ее кораблей.

Для основных сил флота сила сопротивления крейсеров была ничуть не менее важна. Ведь хотя мы говорим о крейсерах как о глазах флота, их целью является одновременное ослепление противника. Они обязаны не только обнаружить перемещения противника, но и скрыть свои. Это стало очевидно в блокадах, где старые 50-пушечные корабли почти всегда обнаруживались вместе с прибрежными крейсерскими эскадрами, не позволяя атаковать их фрегатам. Сила сопротивления была в высшей степени важна и в те дни, а в наше время стала стократ важнее, и, как следствие, стало намного сложнее сохра-

нить разницу между крейсерами и линейными кораблями. Чтобы понять, чем это вызвано, необходимо рассмотреть третью и самую серьезную причину сложности.

Речь идет о приобретении флотилией боевой мощи. Эта черта войны на море является совершенно новой¹. Она практически не была известна до полного развития мобильной торпеды. Правда, брандер первоначально задумывался как нечто похожее. В период голландских войн их предназначение иногда реализовывалось, как, например; при сожжении флагманского корабля лорда Сэндвича во время Солесбейского сражения и уничтожении испанско-голландского флота в Палермо Дюкеном. Но с увеличением «проворства» больших кораблей, ставшего следствием совершенствования архитектуры корабля и искусства мореплавания, брандер как боевое оружие практически прекратил свое существование. Корабли, стоящие на якоре, защищались кораблями охранения. К середине XVIII века пропала возможность использовать брандеры по прямому назначению, и, хотя такой тип судна сохранился до конца столетия, его функции не отличались от функций остальных судов, составляющих флотилию.

Эти функции выражали идею крейсирования в самом прямом смысле слова. Типы кораблей, составляющие флотилию, определялись численностью и мобильностью, а вовсе не вооружением и мореходными качествами. Их первая и основная цель — контроль над коммуникациями в территориальных водах своей страны и колониями, их защита от слабо вооруженных каперов. Тип судна, определенный этими функциями, идеально подходил и для выполнения некоторых второстепенных работ для флота (посыльные суда и т. д.). Из-за универсальности подобных судов, которую им дает большая численность, а также их способности справиться с невооруженными и легко вооруженными судами им доверяли даже первую линию обороны против вторжения. Последнее, конечно, являлось

¹ Хотя не обошлось без прецедентов. На исходе периода Средневековья мелким судам поручались боевые функции — попытаться заклинить руль большого корабля или проделать отверстие в самом уязвимом месте. (*Примеч. авт.*)

скорее исключением, чем правилом, и в перечне кораблей ВМФ в основном не имелось достаточного количества судов для этой цели. Но особое значение этого класса заключается в том, что он может очень быстро и почти неограниченно расшириться за счет торгового флота. Все-му, на что можно установить орудие, находилось применение, и в период наполеоновской угрозы оборонная флотилия Англии превышала 1000 единиц.

Флотилия такого типа была мощным и эффективным оружием для достижения поставленной цели, но она ни в коей мере не влияла на безопасность боевого флота. С приобретением боевой мощи ситуация изменилась, и старые принципы конструкции для крейсирования и распространения прекратили свое существование. Боевой флот стал куда более несовершенным организмом, чем прежде. Раньше добавления требовала только его наступательная мощь. Новые условия означали, что без помощи боевой флот не сможет обеспечить даже свою собственную безопасность. Ему требовалось прикрытие не только от наблюдателей, но и от нападений флотилии. Теоретическая слабость задержанного наступления получила практическую и конкретную иллюстрацию, причем в такой степени, какой война еще не знала. Самые незыблемые, глубоко почитаемые стратегические принципы, веками хранимые англичанами, оказались поколебленными. «Правильным местом для английского боевого флота всегда считалось нахождение «у вражеских берегов», но теперь именно там противник был бы очень рад его увидеть. Что же было делать? От столь древней традиции было не так легко отказаться, но попытка ее сохранить привела к еще более глубокому увязанию в ереси. Самой насущной, сложной и всепоглощающей проблемой стало не увеличение могущества боевого флота для атаки, что, в общем, сравнительно несложно, а его защита. С ростом наступательной мощи флотилии проблема все громче заявляла о себе, приводя в замешательство лучшие умы. С ростом скорости и оснащенности носителей торпед проблема прикрытия становилась все острее. Чтобы удержать вражескую флотилию на расстоянии, не давая ей приблизиться ночью, кораблям прикрытия приходилось расходиться шире, а это означало увеличение числа крей-

серов, отвлекаемых от своих первоочередных функций. Кроме того, прикрытию следовало быть не только достаточно широким — оно должно было стать непроницаемым. Иными словами, его собственная сила сопротивления должна была увеличиться на всем протяжении линии. Целые эскадры бронепалубных крейсеров придавались боевому флоту для поддержки кораблей прикрытия. Острая необходимость в кораблях такого типа определила тенденцию к росту их боевой мощи, одновременно шло увеличение численности.

Неизбежным результатом стала попытка вернуть флотилии некоторые старые крейсерские возможности, дав ей вооружение, большую дальность плавания и оборудование для дальней связи, но все это — за счет специализации и ценой больших затрат. Судя по прошлому опыту, некоторые возможности увеличения количества — жизненная необходимость, правда, не ясно, как обеспечить ее для настоящих крейсеров. Не была найдена некая точка, в которой следовало остановить тенденцию судов этого класса увеличиваться в размерах и цене или вернуть их на стратегическую позицию, которую они занимали раньше. Боевая эскадра стала ненадежной, ранее она была автономным оружием, способным на совершенно самостоятельные действия, но теперь практически утратила это качество. Поэтому ее потребности отвергли старый порядок вещей, и главной функцией крейсерского судна постепенно перестало быть осуществление контроля под прикрытием боевого флота. Теперь боевому флоту потребовалась защита крейсерских судов, а то, что необходимо боевому флоту, является самым важным.

Если судить по меркам старой военно-морской практики, создалось аномальное положение. Но только все военно-морское искусство подверглось воистину революционным изменениям, и, возможно, былой опыт изжил себя. Под давлением аналогичных потребностей все военно-морские державы следовали примерно тем же курсом. Возможно, он был верным, хотя не исключено, что и нет. Никто, кроме глупцов и невежд, не спешил с категоричным суждением. Самое лучшее, что можно сделать, — это тщательно проанализировать ситуацию, в

которой мы, несмотря на все опасения, оказались, и установить ее связь с событиями прошлого.

Не приходится сомневаться, что это нелегкая задача. Как мы уже видели, в составе флота в разные времена преобладало несколько методов выражения требований войны на море. Сегодняшняя система отличается от них всех. С одной стороны, мы признаем факт, что последние события в области повышения боевой мощи крейсеров в конце концов уничтожили все логические различия между крейсерами и линкорами, и мы оказались рука об руку с составом флота времен старых голландских войн. С другой стороны, существуют бронепалубные крейсера, организованные в эскадры и присоединенные к боевому флоту не только в стратегических целях, но также для выполнения тактических функций в бою, пока не слишком четко изложенных. Мы близко подходим к последним разработкам эпохи парусного флота, когда в составе боевых флотов начали появляться «продвинутые» или «легкие» эскадры.

Система возникла в конце XVIII века на Средиземноморье, где условия контроля требовали такого широкого рассеивания крейсеров и столь большого их количества, что боевой эскадре в море приходилось заниматься разведкой для себя. Конечно, для этой цели выделялись самые легкие и быстроходные суда. Они собирались в отдельные подразделения, первоначально получившие название «эскадры наблюдения». Нельсон сделал попытку наделить их тактическими функциями, но его идея осталась не понятой современниками, и даже он сам ее не вполне четко осознал.

Помимо этого нового элемента в организации боевого флота, который, возможно, все же лучше назвать «легким дивизионом», мы имеем еще один важный факт. Он не только не всегда формировался из линейных кораблей, особенно на французской службе, но в 1805 году, то есть в году своего полного развития, сэр Ричард Стрэчен использовал в качестве «легкого дивизиона» приданные его боевой эскадре тяжелые фрегаты, наделив их определенными тактическими функциями. Коллапс французского флота не позволил развить эти идеи дальше. К чему бы

они привели, сказать трудно. Но невозможно закрывать глаза на отчетливые признаки увеличивающейся тенденции к системе, существующей в настоящее время. Во всяком случае, сложно игнорировать тот факт, что и Нельсон, и Стрэчен в тот кульминационный год пришли к выводу, что существующие условия войны требуют чего-то, пока отсутствующего в составе флота того времени. Нельсон думал о линейном корабле с крейсерской скоростью. Стрэчен мечтал о крейсере, пригодном для тактического участия в действиях боевого флота. Сегодня у нас есть и то и другое, но каков результат? Специализация Энсона по типам практически исчезла, и сегодняшний состав флота почти не отличается от существовавшего в XVII веке. Мы сохраняем тройственную номенклатуру, но самой системы уже нет. Линкоры классифицируются как бронепалубные крейсера, бронепалубные крейсера — как броненосные крейсера. Мы вряд ли сможем найти разницу, за исключением того, что есть корабли, чьим главным вооружением является пушка, и корабли, вооруженные торпедами. Но и здесь существование типа крейсера, специально предназначенного для действий с флотилиями, затуманивает схему, и одновременно мы имеем самые крупные корабли флотилии, вышедшие на крейсерский уровень.

Так мы оказались перед лицом ситуации, которая имеет ближайший аналог в бессистемных флотах XVII столетия. Тот факт, что военная мысль так планомерно вернулась назад по своим же следам, представляется достаточно любопытным, но он становится еще более удивительным, если мы рассмотрим, насколько различны в каждом случае лежащие в его основе причины. Давление, создавшее современную ситуацию, очевидно, вызвано двумя причинами. Первая — это чрезмерное развитие «промежуточного» корабля, первоначально предназначенного для защиты торговли, что было вызвано угрозой, которую опыт американской войны заставил британцев уважать. Вторая — это появление торпеды, а следовательно, и повышение уязвимости боевых эскадр, не имеющих надежного прикрытия. Ничего подобного не оказывало влияние на состав флота XVII века. Но если копнуть

глубже, можно обнаружить менее явную деталь, которая слишком удивительна, чтобы ее можно было игнорировать.

Выше уже говорилось о том, что состав флотов имеет более или менее отчетливо выраженную связь с господствующей военной теорией. Несмотря на множество неопределенностей, мы можем с уверенностью заявить, что современная теория чрезвычайно напоминает ту, что владела умами главнокомандующих голландских войн. Это была теория «уничтожения», твердая вера в решительные действия, как ключ всех стратегических проблем. Они принесли ее с собой с полей сражений на море, на встречу с голландцами, которые ответили вполне адекватно. По крайней мере, в первой войне торговля оказалась жертвой во имя возможности бросить в бой абсолютно все, что могло оказать хотя бы какое-то влияние на исход сражения. Конечно, нельзя утверждать, что такое отношение было вызвано правильным пониманием теории абсолютной войны. Скорее оно обуславливалось тем, что из-за соответствующих географических условий все попытки защитить торговлю были бесполезными при отсутствии господства в своих водах Северного моря, и истина была еще сильнее подчеркнута британскими претензиями на господство в проливе Ла-Манш и Ирландском море. Это была война, больше напоминавшая континентальные условия территориального завоевания, чем военно-морские операции, которые были характерны для соперничества Британии и Франции.

Тогда возможно ли, как бы мы ни противились этому выводу, сохраняя верность обычаям XVIII века, что подъем новой военно-морской державы на территории Голландии должен вернуть нас к решительным, хотя и незрелым методам голландских войн и заставить подавить изобретательность системы Энсона? Не такой ли подход искушает нас не доверять всем типам судов, которые нельзя бросить в бой? Возврат жестокого соперничества в Северном море не был, конечно, первой причиной реакции. Она началась до того, как возникла угроза. И все же оно, несомненно, форсировало события и, даже не являясь причиной, может послужить оправданием.

Глава 3

ТЕОРИЯ МЕТОДА — КОНЦЕНТРАЦИЯ И РАССРЕДОТОЧЕНИЕ ФЛОТА

С точки зрения метода, с помощью которого достигается цель, стратегия часто описывается как искусство собрать максимальную силу в нужное время в нужном месте. Этот метод называется концентрацией.

На первый взгляд термин представляется простым и достаточно выразительным, но при тщательном анализе окажется, что он включает несколько отдельных идей, к каждой из которых может быть применен. Результат стал источником некоторой путаницы даже для самых здравомыслящих авторов. «Слово «концентрация», — утверждает Давлюи, — вызывает мысль о группировке сил. И мы верим, что не сможем воевать, не сгруппировав корабли в эскадры, а эскадры — во флоты». Здесь в одном лишь предложении слово колеблется между формированием флотов и их стратегическим распределением. Такая неточность всегда вводит в заблуждение читателей. Они в одном случае посчитают это слово использованным для выражения антитезиса разделению или рассредоточению сил, а в другом — для выражения стратегического развертывания, что подразумевает в большей или меньшей степени разделение. Читатели увидят, как этот термин применяется к сосредоточению сил, а также к такому состоянию, когда процесс уже завершен. Суть в том, что этот термин, являющийся привычным и необходимым для обсуждения стратегии, никогда не имел точного значения, и этот недостаток точности есть одна из самых распространенных причин конфликта мнений и сомнительных суждений. В действительности ни один стратегический термин не требует так настоятельно четкого определения идей, которые выражает.

Военная фразеология, из которой, собственно, и взято слово «концентрация», применяет его в трех значениях. Оно используется для обозначения сбора армейских подразделений после их мобилизации. В этом значении концентрация является главным образом административным процессом. По логике слово означает совокупность про-

цесса мобилизации, посредством которого армия осуществляет свою военную организацию и готовится вступить в бой. Во втором значении оно используется для обозначения процесса передвижения армии после формирования или находящейся в процессе формирования к месту, откуда будут начаты операции. Это чисто стратегическая стадия, кульминацией которой является то, что называется стратегическим развертыванием. И наконец, слово используется для обозначения завершающей стадии, когда развернутая таким образом армия собрана на определенной линии в полной готовности к тактическому развертыванию, то есть для нанесения концентрированного удара.

На суше, где применяется такая терминология, процессы имеют обыкновение частично накладываться друг на друга. Если же мы хотим применить ее на море, потребуется нечто более точное. Подобное расширение на каждом шагу усиливает ошибку, и ясное, точное мышление становится проблематичным. Даже если мы отбросим первое значение, я имею в виду финальную стадию мобилизации, останется еще два, которые, строго говоря, противоречат друг другу. Неотъемлемое отличие стратегического развертывания, которое рассматривает рассредоточение с целью выбора комбинаций, — это гибкость и свободное перемещение. Характеристикой армии, собранной для удара, является жесткость и ограниченная мобильность. В одном значении концентрации мы рассматриваем диспозицию сил, которая скроет наши намерения от врага и позволит приспособить наши передвижения к плану операций, который он разрабатывает. В другом значении стратегическая маскировка является результатом. Мы уже сделали выбор и направлены для проведения определенной операции. Понятно, что, если мы применим принципы наземной концентрации к войне на море, желательно определить, которую из двух фаз операции мы имеем в виду, используя этот термин.

Какое значение ближе всего к общеупотребительному смыслу этого слова? Словари определяют концентрацию как «состояние сбора в общей точке или центре», и это значение очень точно совпадает со стадией военного пла-

нирования, которая вклинивается между завершением мобилизации и итоговым сбором или развертыванием для сражения. Это незаконченное и продолжительное действие. Его основное следствие — общий сбор. Это метод сосредоточения масс в нужном месте в нужное время. Как мы уже видели, неотъемлемой чертой стадии стратегического развертывания, к которому он ведет, является гибкость. В войне на выбор места и времени всегда будет влиять диспозиция противника и его передвижения или наше желание нанести ему неожиданный удар. Тогда достоинством концентрации, в этом значении, является возможность позволить нам собрать массы вовремя в одной из большого числа разных точек, где они потребуются.

Именно для этой стадии некоторые учебники стремятся специализировать понятие концентрации, определяя ее как «стратегическую концентрацию». Но даже тогда термин едва ли соответствует обстоятельствам, потому что следующий процесс сбора армии в позицию для тактического развертывания тоже является стратегической концентрацией. Значит, специализацию следует продолжить. Аналитическая разница между двумя процессами заключается в том, что первый является операцией большой стратегии, а второй — малой. Если же мы хотим выразиться точнее, следует отяготить свой разум терминами «большая и малая стратегическая концентрация».

Такое несовершенство терминологии затрудняет ее употребление. Она служит лишь для обозначения того факта, что средняя стадия отличается от третьей, так же как и от первой. На практике происходит следующее. Если мы собираемся использовать концентрацию в естественном смысле, следует рассматривать ее как нечто, следующее после полной мобилизации и прекращающееся до формирования массы.

По крайней мере, в военных действиях на море разница между концентрацией и массированием чрезвычайно важна, чтобы улучшить понимание. Она приводит нас к весьма важным выводам. Например, когда масса сформирована, маскировка и гибкость заканчиваются. Поэтому чем дальше от формирования основной массы мы можем остановить процесс концентрации, тем лучше он

будет спланирован. Чем меньше мы занимаемся отдельной массой и чем меньше демонстрируем, какой должна быть эта масса и где, тем более внушительна наша концентрация. Поэтому для концентрации идея деления является столь же присущей, как идея связи. Именно такое видение процесса, во всяком случае в отношении войны на море, подчеркивал очень крупный авторитет в этой области. «Именно так должна правильно пониматься концентрация, — писал Мэхан в «Войне 1812 года». — Не сбиваться вместе, как отары овец, а распределяться в соответствии с общей целью и связываться эффективной энергией одной воли». Корабли в стадии концентрации он сравнивает с вентилятором, который открывается и закрывается. При таком взгляде концентрация подразумевает не гомогенное тело, а сложный организм, управляемый из общего центра, достаточно эластичный, чтобы охватить большое пространство, не принося в жертву взаимную поддержку его частей.

Тогда, если мы исключим значение простого сбора и значение массирования, останется смысл, выражающий гармоничное расположение вокруг стратегического центра, который и даст войне на море рабочее определение, необходимое как аналог стратегического развертывания на земле. Цель военно-морской концентрации, как и стратегического развертывания, — охватить максимально возможную площадь, одновременно сохранив гибкую связь, так чтобы обеспечить быстрое уплотнение двух или более частей организма в любом секторе охваченной территории по приказу командующего, а главное — четкое и быстрое «сгущение» всего организма в стратегическом центре.

Такая концентрация станет выражением военного плана, который, будучи основан на окончательном центральном массировании, предусматривает способность проводить и отражать второстепенные атаки в любом направлении. Это поможет нам контролировать ситуацию на море, пока мы выжидаем или подготавливаем возможность решительных действий, которые обеспечат установление постоянного господства на море, причем поможет, не влияя на способность в нужный момент направить все силы для нанесения решающего удара. В действительно-

сти концентрация подразумевает постоянный конфликт между единством и размахом.

В войне на море стадия концентрации имеет особое значение для развития кампании, причем на море она яснее выделена, чем на берегу. Благодаря огромным размерам современных армий и ограниченной природе линий их передвижения, так же как и более низкой мобильности в сравнении с флотами, процессы сбора, концентрации и формирования боевой массы имеют тенденцию переходить один в другой без четко обозначенной границы раздела. Армия часто достигает стадии стратегического развертывания прямо с мобилизационных баз ее подразделений, и в известных случаях настоящая концентрация имела место уже на поле сражения. Поэтому в континентальной войне меньше трудностей при использовании термина для обозначения всех трех процессов. Тем более что они практически всегда частично накладываются друг на друга. Но в море, где коммуникации свободны и не ограничены препятствиями и где мобильность весьма высока, они допускают более отчетливую дифференциацию. Для флота нормально собираться в порту. Оттуда он следует к стратегическому центру. Концентрация вокруг центра может быть очень далека от массирования, и финальное формирование массы не будет иметь сходства ни с одной из предыдущих стадий и будет выглядеть совершенно иначе.

Но, хотя флот и свободен от специфических «оков» армии, в море всегда присутствуют особые условия, которые ограничивают свободу передвижения. Один из их источников — защита торговли. Какое бы сильное давление ни оказывал военный план, побуждая к концентрации, необходимость защиты торговли всегда будет требовать рассеяния. Другой источник — особая свобода и секретность передвижений в море. В море нет дорог, которые ограничивают или обозначают наши линии перемещения, но оно и не выдает направления движения противника. Самые удаленные друг от друга и рассеянные по огромным пространствам точки следует иметь в виду как потенциальные цели противника. Если добавить к этому тот факт, что два или более флотов могут действовать совместно с находящимися на большом расстоянии базами,

причем с большей уверенностью, чем это возможно для армий, становится очевидным, что многообразие комбинаций на море выше, чем на суше. Кстати, многообразие комбинаций находится в постоянном противоречии с центральным массированием.

Следовательно, пока вражеский флот разделен и потому сохраняет различные возможности концентрированных или спорадических действий, наше распределение будет выполняться в соответствии с необходимостью иметь дело с самыми разнообразными комбинациями и защитить множество целей. Поэтому концентрации должны быть как можно более открытыми и гибкими. История доказывает, что чем богаче наш опыт и увереннее владение военной ситуацией, тем более неплотной будет наша концентрация. Идея массирования, которое само по себе уже является достоинством, рождена в мирное время, а не на войне. Это значит, что в войне мы должны стремиться скорее уклониться, чем нанести поражение. Сторонники массирования защищаются, используя весьма благовидную концепцию о том, что их цель — нанесение сокрушительного поражения. Но это тоже идея мирного времени. Война уже давно доказала, что победы необходимо не только завоевать — их следует заслужить. На них нужно работать, выявляя смелые стратегические комбинации, которые, как правило, требуют по крайней мере видимого рассредоточения. Этого можно достичь только рискуя, причем самый большой и эффективный риск — разделение.

В результате длительного мира «концентрация» стала своего рода шибболетом и появилась тенденция рассматривать разделение флота как признак плохого командования. Критики утратили понимание доказанной прошлым опытом истины, что без разделения невозможны стратегические комбинации. Ведь они действительно основаны на разделении. Разделение плохо, лишь когда переходит пределы хорошо скомпонованного развертывания. Теоретически неверно помещать часть флота в позицию, из которой корабли не смогут вернуться к стратегическому центру при столкновении с превосходящей силой. Конечно, такие отступления невозможно точно предусмотреть: они всегда будут зависеть от опыта и находчивости противостоящих

друг другу командиров, погодных условий, и риск все равно остается. Ничем не рискуя, редко можно совершить что-то выдающееся. Хороший командир — это человек, который может правильно оценить, до какой ширины развертывания он может довести концентрацию. Способность смело и уверенно вносить коррективы в соотношение между сплоченностью и размахом является высшим испытанием правильности суждения, которое во время военных действий заменяет стратегическую теорию.

В британской истории войны на море примеры неправильного разделения встречаются нечасто. Обычно приводят в пример случай, имевший место довольно давно. Это случилось в 1666 году во время Второй Англо-голландской войны. Монк¹ и Руперт² командовали главными силами флота, который с мобилизационных баз на Темзе и Спитхедке концентрировался в Даунсе. Они ждали, когда Де Рюйтер выйдет в море и окажется в положении, удобном для атаки, независимо от того, собирается ли он идти к Темзе или объединяться с французами. Неожиданно до британских командиров дошел слух, что эскадра из Тулона находится на пути к Английскому каналу, чтобы соединиться с голландцами. На основании этих ложных данных флот был разделен, и Руперт вернулся в Портсмут, чтобы прикрыть позицию, на случай, если именно Портсмут станет целью голландцев. Де Рюйтер сразу вышел в море, причем его силы многократно превосходили дивизион Монка. Однако Монк, воспользовавшись преимуществами туманной погоды, неожиданно атаковал его на якорной стоянке, причем атаковал решительно, веря в свое тактическое преимущество. А тем временем стала ясна реальная ситуация. Никакого французского флота не было, и Руперт был отозван. Он присоединился к Монку после того, как тот уже три дня сражался с Де Рюйтером. Кораблям Монка досталось изрядно, и они отошли на Темзу. Впоследствии сложилось всеобщее мнение, что

¹ М о н к Джордж (1608—1670) — один из самых блестящих полководцев Великобритании, флотоводец, политический деятель.

² Р у п е р т (1619—1682), прозванный в Англии принцем Рупертом, — рейнский пфальцграф, герцог Баварский.

только запоздалое прибытие Руперта спасло британцев от полного разгрома.

Стратегия в этом случае осуждается со всей решительностью, и именно на нее возлагается вся вина за неудачу. Считается, что Монк, который, будучи солдатом, доказал, что является одним из лучших стратегов своего времени, совершил грубую ошибку из-за элементарного невежества, незнания основных принципов. Предполагается, что он должен был собрать флот в одном месте. Но критики не понимают, что, по крайней мере, в то время это ничего не решило бы. Если бы флот в полном составе ожидал схватки с Де Рюйтером, вполне возможно, тот воздержался бы от выхода в море, а Портсмут и остров Уайт остались бы незащищенными от вероятного нападения французов. Если бы Монк двинул весь свой флот навстречу французам, он открыл бы Темзу для Де Рюйтера. Единственный способ обезопасить оба района от нападения — разделить флот, как в 1801 году сделал Нельсон на том же театре. Ни в одном из случаев разделение не было ошибкой — оно было необходимостью. Ошибкой в случае Монка и Руперта было то, что они увеличили радиус действия, не имея обеспечения для сохранения сплоченности. Между двумя дивизиями должна была поддерживаться крейсерская связь, и Монк не должен был ввязываться в сражения, не зная, что Руперт уже рядом. Так утверждали многие его вице-адмиралы. Они считали, что он не должен был вступать в бой, но он все же это сделал. Правильным, по принципу Кемпенфельта, было бы упорно следовать за Де Рюйтером, чтобы не дать ему действовать, и медленно отходить, увлекая за собой голландцев, до тех пор пока флот снова не объединится. Если бы Де Рюйтер отказался следовать за ним через проливы, все равно осталось бы много времени, чтобы собрать флот. Если бы Де Рюйтер последовал за Монком, ему можно было бы навязать бой в позиции, из которой не было бы спасения. Ошибка, по сути, была не стратегической, а тактической. Монк переоценил преимущества своей внезапной атаки и соотношение боевой мощи обоих флотов. Он считал, что сможет одержать победу один. Опасность разделения заключается в возможности быть застигнутым врасплох и вынужденным драться в крайне не-

выгодных условиях. Это никак не относилось к Монку. Он не был атакован внезапно и вполне мог уклониться от сражения, если бы захотел. Оценивать этот случай, используя единственный критерий — концентрацию, значит поддерживать весьма сомнительный образ мыслей, осудивший другое, более известное разделение, происшедшее в период кризиса кампании 1805 года. О нем мы поговорим позже.

Такое использование терминов и максим опасно в принципе, и уж тем более применительно к концентрации и разделению. Существующее правило гласит, что неправильно разделяться, если нет большого превосходства. И все же были многочисленные случаи, когда, будучи в состоянии войны с уступающим по численности и боевой мощи противником, более сильная сторона оказывалась в затруднительном положении именно из-за разделения вражеского флота, которому удавалось создать тупиковую ситуацию. Ей оставалось одно — прорываться. Заставить более слабого противника сконцентрировать свои силы — необходимое предварительное условие одной из тех замечательных побед, к которым всегда необходимо стремиться, однако их очень трудно достичь. Именно заставив противника пойти на концентрацию, мы получаем возможность разбить его дивизионы, разумно рассредоточив свои силы. Вынудив его собирать свои силы, мы упрощаем свою проблему и ставим его перед выбором: оставить господство на море нам или доверить решение грандиозному сражению.

Сторонники плотной концентрации ответят, что это правда. Мы действительно часто стараемся заставить противника концентрировать свои силы, но это вовсе не означает, что концентрация временами становится недостатком, потому что мы сами должны концентрироваться, чтобы вынудить на аналогичные действия своих противников. Уже давно утвердилась максима, что концентрация порождает концентрацию, но не будет преувеличением сказать, что история категорически противоречит этой максиме. Если противник решится поставить на карту все и вступить в бой — пусть. Но если мы слишком многочисленны или наша концентрация слишком хорошо организована, чтобы он мог рассчитывать на победу, тогда наша

концентрация почти наверняка заставит его пойти на рассеивание для спорадических действий. Этот результат был настолько очевиден, что в старых войнах, которые Великобритания вела, всегда имея существенное превосходство, она всегда использовала самую неплотную концентрацию, чтобы предотвратить спорадические акции. Правда, стремление французов принять этот метод военных действий обычно объясняется некой органической неспособностью, которая выходит за рамки стратегической теории, но этот взгляд сложился скорее благодаря вызванному им недовольству, чем трезвой аргументации. Одни только спорадические действия никогда не могут гарантировать нашему противнику господство на море, но они могут нанести нам ущерб, расстроить планы, и, кроме того, всегда есть вероятность, что они могут настолько нарушить нашу концентрацию, что у противника появится реальный шанс добиться ряда успешных малых побед.

Давайте рассмотрим показательный пример 1805 года. В той кампании Британия распространила свой флот очень широко; его расположение основывалось на нескольких концентрациях. Центр первой был в Даунсе, и флот располагался не только перпендикулярно линии прохода армии вторжения, но также по всему пространству Северного моря, чтобы предотвратить нападения на наши торговые пути и береговые оборонительные сооружения и со стороны голландцев в Текселе, и со стороны французских эскадр, прибывающих северным путем. Вторая, известная под названием «Западная эскадра», имела центр в районе Ушанта¹ и распространилась по всему Бискайскому заливу с помощью выдвинутых вперед эскадр у Ферроля и Рошфора. При нахождении эскадры у побережья Ирландии появлялась возможность протянуться далеко в Атлантику для защиты торговых путей. Под бдительным наблюдением находились не только французские военно-морские базы, но и подходы к Английскому каналу, где были конечные пункты крупных южных и западных торговых путей. Третья концентрация находилась в Средиземном море, а ее центр под

¹ У ш а н т — остров у входа в Ла-Манш. Другое название — Уэсан.

командованием Нельсона был на Сардинии. Она имела вспомогательные центры на Мальте и в Гибралтаре и охватывала все пространство от мыса Сент-Винсент до Тулона, Триеста и Дарданелл. Когда в 1804 году началась война с Испанией, было принято решение о разделении флота, и в испанских водах за пределами пролива появилась четвертая концентрация, центр которой находился в районе Кадиса, а северная граница — у мыса Финистерре, где она соединялась с концентрацией с центром в Ушанте. По причинам скорее личным, чем стратегическим, такая схема просуществовала недолго, да и спустя несколько месяцев в ней уже не было необходимости, потому что тулонская эскадра перебазировалась в Кадис. Этой сложной системой контролировались все европейские моря в военных и торговых целях. В удаленных конечных пунктах торговых путей, таких как Ост-Индия и Вест-Индия, также находились концентрации, имеющие необходимые средства связи, а чтобы они были эффективными, была предусмотрена возможность быстрой отправки соединений кораблей из Европы, чтобы повысить их боевую мощь до величины, определяемой передвижениями противника.

Несмотря на то что флот распространился по очень большой территории, тесная связь поддерживалась не только между частями одной концентрации, но и между разными концентрациями. С помощью малого крейсерского центра и островов канала, концентрации в Даунсе и Ушанте могли быстро соединиться. Также кадисская концентрация соединялась с ушантской у мыса Финистерре, и, если не учитывать личные трения и антипатии, средиземноморская и кадисская концентрации также были тесно связаны. И наконец, для всех концентраций предусматривалась возможность соединиться в одну гигантскую армаду в ключевом пункте в районе Ушанта раньше, чем там сможет собраться масса вражеских кораблей.

Для лучших наполеоновских адмиралов размещенный таким образом британский флот был в состоянии концентрации, разрушить которую не могло ничто, кроме улыбки фортуны, рассчитывать на которую не было никаких оснований. Декре и Брюи в этом не сомневались, и это знание взяло верх над Вильневым, когда грянул кризис. После того

как он довел концентрацию, запланированную Наполеоном, до объединения трех дивизий в Ферроле, ему стало известно, что удаленные части западной эскадры британцев ушли от Ферроля и Рошфора. В его глазах, как и в глазах Британского адмиралтейства, эта эскадра, несмотря на свое рассеяние по Бискайскому заливу, всегда находилась в состоянии концентрации. Но не это заставило его сердце тоскливо сжаться, а новость о том, что Нельсон снова появился в Гибралтаре и плывет на север. Для Вильнева это означало, что весь европейский флот его противника находился в состоянии концентрации. «Их концентрация сил, — позже писал он, — в тот момент была серьезнее, чем любая предшествующая диспозиция, и достигла такой степени, что они получили возможность встретить превосходящими силами объединенные эскадры Бреста и Ферроля». По этой причине он и посчитал игру проигранной. Но неопытный Наполеон не наблюдал особых проблем. Меряя гибкость британского военного флота критериями громоздких и не слишком подвижных сухопутных армий, он видел лишь поспешное и невоенное рассеяние. Кажущаяся «расслабленность» флота представлялась императору непрочностью, а лежащие вдалеке цели — заманчивыми и, главное, открытыми для разбросанных французских эскадр. Он искренне верил, что серией спорадических атак может еще больше рассеять британский флот, а потом, сконцентрировав свои корабли, сумеет нанести решающий удар по основным силам. Это был классический случай, когда разбросанность флота противника заставила англичан пойти на самую неплотную концентрацию. Одновременно относительное рассеяние британского флота заставило противника сконцентрировать свои силы и рискнуть. Нельзя сказать, что британцы навязали французам фатальное решение намеренно. Скорее это сработал стратегический закон, приведенный в действие смелым распределением британского флота. Англичане были уверены, что угроза вторжения хотя и была реальной, но все же не требовала от них столь плотной концентрации, чтобы оставить без защиты другие участки. Также нельзя сказать, что главной целью англичан было не дать французам сконцентрировать свои силы. Все военно-морские базы Наполеона находились под

наблюдением эскадр, но адмиралы понимали, что этой мерой концентрацию не предотвратить. Уход даже одного-единственного дивизиона мог порвать всю цепочку. Но это соображение ничего не изменило. Распределение британских эскадр перед французскими военными базами было важным для предотвращения спорадических акций. Такое распределение диктовалось необходимостью защиты торговых путей, колоний и территорий союзников, иначе говоря, необходимостью поддерживать господство на море, даже если невозможно уничтожить флот противника.

Вся переписка Нельсона этого периода показывает, что своей основной целью он считал защиту средиземноморских торговых путей Великобритании, неаполитанской и турецкой территорий. Когда Вильневу удалось уйти, гнев Нельсона был вызван не перспективой концентрации сил французов, которая не слишком тревожила адмирала, поскольку он не сомневался в эффективности ответных мер. Его разозлило, что он утратил возможности, созданные попыткой концентрации в пределах его досягаемости. Адмирал последовал за Вильневым в Вест-Индию не для того, чтобы предотвратить концентрацию, а чтобы, во-первых, защитить местную торговлю и Ямайку и, во-вторых, получить еще один шанс нанести удар, поскольку первый он упустил. Лорд Бархам имел в точности то же мнение. Когда, получив известие о возвращении Вильнева из Вест-Индии, он выдвинул три дивизиона западной эскадры, то есть ушантскую концентрацию, навстречу, он ясно заявил, что цель — не предотвращение концентрации французского флота, а удержание его от спорадических действий. «Перехват этого флота, — писал он, — по возвращении в Европу будет величайшей целью из всех мне известных. Это ослабит все будущие экспедиции и покажет Европе, что иногда целесообразно расслабиться в блокадной системе, чтобы дожидаться подходящей возможности для решительных действий».

У англичан действительно не было оснований предотвращать концентрацию противника. Это был их лучший шанс эффективного разрешения ситуации, с которой они столкнулись. Наша политика была направлена на обеспечение господства на море посредством важного военного

решения. Пока противник разделен, ничего подобного не могло быть достигнуто. Только когда он начнет концентрировать свои силы и этот процесс достигнет последней стадии, появлялся реальный шанс. Сложная проблема, с которой англичанам предстояло справиться, упрощалась концентрацией британского флота вокруг стратегического центра в Ушанте. Но на последней стадии противник не оказался лицом к лицу с грозными позициями англичан. Его концентрация была остановлена. Вильнев отошел к Кадису, и проблема начала приобретать для англичан прежнюю сложность. Пока масса британского флота оставалась в районе Ушанта, опасности вторжения не существовало. Но этого было недостаточно. Огромные морские пространства оставались не защищенными от sporadических действий вражеского флота из испанских портов. На подходе были конвои из Ост-Индии и Вест-Индии, в опасности оказалась наша экспедиция на Средиземном море, и еще одна вот-вот должна была выйти из Корка. Ни Бархам в адмиралтействе, ни Корнуоллис, командовавший на Ушанте, ни минуты не сомневались. Оба одновременно решили, что масса должна быть разделена. Именно эта акция принесла Наполеону поражение. Так и должно было случиться, какими бы опытными ни были его адмиралы, потому что две эскадры не теряли связь. Наполеон оказался в ситуации, в которой ему не на что было надеяться. Его флот не был ни сконцентрирован для решающего удара, ни рассеян для sporadических действий. Он сам упростил задачу своих противников. Влияние англичан было сильнее, чем когда-либо, и в отчаянной попытке вырваться французский император поставил под удар свой флот, чего и ждали англичане.

Кампания показала, что именно понималось под концентрацией в конце больших войн на море. Для лорда Бархама и искусных адмиралов, которые претворяли его планы в жизнь, она означала возможность массирования в нужном месте в нужное время. Она означала, по аналогии со стратегическим развертыванием на земле, расположение эскадр вокруг стратегического центра, где флоты могли собираться для массированных акций в любом требуемом направлении и куда они могли при необходимо-

сти отойти. В этом случае основным центром была узкая часть Английского канала, где наполеоновская армия пребывала в готовности к переправе, но массирования там не было. Такое непродуманное распределение могло бы означать чисто оборонительную позицию. Это могло быть ожиданием удара, но никак не подготовкой к удару.

Пока мы рассматривали концентрацию только применительно к войнам, в которых англичане имели перевес военно-морских сил, однако принципы действуют и в тех случаях, когда в результате создания коалиции они оказывались в меньшинстве. Показательный пример — кампания 1782 года. Она велась только в обороне. По имевшейся информации Франция и Испания намеревались закончить войну большой совместной операцией против Вест-Индских островов, в первую очередь Ямайки. Было решено, что угрозу следует встретить концентрацией для наступательных действий в Карибском море всего, что не было абсолютно необходимым для организации обороны своей страны. Вместо того чтобы попытаться накопить силы для наступления в обоих районах, было решено определить, какой из них является самым критическим. Для этого «домашний флот» был настолько уменьшен по отношению к тому, что противник имел в европейских водах, что о наступлении не было и речи.

Родней готовил наступление, а лорд¹ командовал дома. Его задачей было не допустить создания коалиции, которая могла бы установить господство в британских водах, поставив под угрозу торговые пути и побережье Великобритании. Задача была не из легких. Англичане знали, что противник планирует организовать совместную атаку на Вест-Индию и попытаться установить контроль в Северном море и, вероятно, Дуврском проливе, вместе с голландской эскадрой из 12—15 линейных кораблей. В это время объединенный франко-испанский флот из по крайней мере 40 кораблей должен был занять устье Английского канала. Также существовала вероятность того, что эти силы постараются

¹ Хау Ричард (1726—1799) — выдающийся британский флотоводец. В районе мыса Финистерре впервые применил тактику прорезывания строя.

объединиться. В любом случае целью совместных операций было парализовать торговлю Великобритании, лишить по-кою прибрежные районы, тем самым заставить англичан отказаться от Вест-Индского региона и двух лакомых для Испании кусочков — Менорки и Гибралтара. У Англии в домашних водах было около тридцати линейных кораблей, и, хотя в основном это были трехпалубники, многие из них не были готовы к выходу в море.

Таким образом, хотя противники превосходили англичан численностью, но все же речь о пассивной обороне не велась. Необходимо было что-то предпринять, чтобы помешать наступательным операциям союзников в Вест-Индии и против Гибралтара, иначе они могли добиться своих целей. Было решено повлиять на наступление противника, организовав ряд малых контрударов по его коммуникациям на пределе досягаемости занятых в обороне кораблей англичан. Это означало, что концентрация британского флота будет очень растянутой, но зато она могла позволить помешать отправке в Вест-Индию из Бреста подкрепления, по возможности перехватить ряд французских торговых судов, и, наконец, англичане были готовы пойти на любой риск и освободить Гибралтар.

В таких условиях оборонительная концентрация сосредоточилась на центральном массировании или резерве в районе Спитхеда, эскадре в Даунсе, которая наблюдала за Текселем, чтобы обезопасить торговые пути в Северном море, и еще одной эскадре, наблюдающей за Брестом, готовой прервать его трансатлантические коммуникации. Кемпенфельт, командовавший последней эскадрой, показал, на что способен, захватив конвой де Гишена, который вез запасы в Вест-Индию. В начале весны его сменил Баррингтон, который 5 апреля отправился к Ушанту. Ему было поручено не вступать в бой с превосходящими силами противника, если только не сложатся исключительно благоприятные обстоятельства, а отступить к Спитхеду. Он отсутствовал три недели и вернулся с французским ост-индским конвоем, направлявшимся в Ост-Индию с войсками и запасами, а также двумя кораблями эскорта.

До этого времени не было признаков большого движения с юга. Франко-испанский флот, собравшийся в Кадис-

се, был занят защитой собственной торговли. Однако голландцы становились активнее, и как раз приближалось время появления британских грузов на балтийских торговых путях. Росс в Северном море имел только четыре линейных корабля и не мог справиться с опасностью. В начале мая центр тяжести домашней концентрации переместился в Северное море. 10 мая Хау вышел в море вместе с Баррингтоном и основными силами флота, чтобы присоединиться к Россу в Даунсе. А Кемпенфельт снова занял позицию в Ушанте. Только половина эскадры попала из Бреста к испанцам в Кадис, и ему было поручено перехватить остальные корабли, если они выйдут в море. По инструкции Баррингтона при встрече с превосходящими силами противника ему следовало отойти по Каналу вдоль британского побережья и соединиться с Хау. Несмотря на то что на флоте в это время свирепствовал грипп, Кемпенфельту удалось удержать французов от активных действий. Хау тоже сумел добиться успеха. Голландцы вышли в море, но сразу вернулись, поскольку знали о его присутствии. Крейсируя в районе Текселя, Хау заставил голландцев оставаться в порту и обеспечил господство на море до тех пор, пока грузы по балтийским торговым путям не прибыли в пункты назначения.

К концу мая все было сделано, и, поскольку британская разведка получила информацию о том что вот-вот начнется большое движение флота из Кадиса, Хау, которому была предоставлена некоторая свобода действий, решил, что пора переместить основной вес на другой фланг и приблизиться к Кемпенфельту. Однако правительство считало, что он имеет возможность использовать свои силы для наступательных операций против голландской торговли. Адмирал посчитал, что такие действия были бы в корне неправильными, и проинформировал правительство о нецелесообразности отправки отрядов из его эскадры для нападения на торговые пути — слишком далеко им придется идти. Поэтому, в соответствии с общими инструкциями, он оставил Россу сильную эскадру из 9 линейных кораблей — этого было достаточно не только для сдерживания, но и, при необходимости, для уничтожения сравнительно слабых голландских судов. С остальными кораблями Хау

вернулся на запад¹. Он намеревался идти со всей возможной скоростью к Кемпенфельту, остававшемуся у побережья Франции, но не смог этого сделать из-за эпидемии. Кемпенфельт был вынужден приблизиться, и 5 июня эскадры соединились в районе Спитхеда.

Эпидемия была настолько сильной, что в течение трех недель британцы не имели возможности начать движение. Затем поступила информация, что флот из Кадиса под командованием Лангара вышел в море в тот день, когда Хау добрался до Спитхеда, и адмирал решил совершить рывок со всеми кораблями, пригодными для выхода в море, чтобы отрезать противника от Бреста. Он опоздал. Флот Лангара соединился с брестской эскадрой, и союзники объединенными усилиями заняли устье Канала. Общая численность их флота достигала сорока линейных кораблей, а Хау удалось собрать только двадцать два, но среди них было семь трехпалубных и три 80-пушечных корабля. Вскоре должно было прибыть подкрепление. Три самых маленьких корабля Росса получили приказ вернуться, и еще пять завершали подготовку, но только Хау не мог ждать. Как раз подходил конвой с Ямайки, который следовало спасти любой ценой.

Что же оставалось делать? Увидев противника, адмирал понял, что на успех можно не надеяться. Когда рано утром 12 июля «мы находились в пятнадцати лигах к юго-юго-востоку от Силли», с западной стороны был замечен Лангара с тридцатью шестью линейными кораблями. «Как только, — писал Хау, — вражеские корабли были опознаны, я посчитал правильным в сложившихся условиях уклониться от вступления в бой и взял курс на север, чтобы пройти между Силли и Лэндз-Энд. Моей целью было оказаться с запада от противника, чтобы иметь возможность защитить конвой с Ямайки и навязать противнику бой в другой ситуации, более для нас желательной, учитывая разницу в численности».

Благодаря великолепному искусству мореплавания англичан маневр был благополучно завершен ночью и ока-

¹ Считалось, что у голландцев 16 линейных кораблей — один 74-пушечный, семь 68-пушечных, а на восьми кораблях было меньше 60 пушек. (*Примеч. авт.*)

зался успешным. Довольно долго союзники не отваживались выходить в Канал; действия противника оказались весьма эффективными. Предположив, что он обошел их с тыла в сторону моря, они искали противника на юге, и на безрезультатные поиски у них ушел месяц. А Хау тем временем выслал вперед свои крейсера на randevу с конвоем у юго-западного побережья Исландии и увел весь свой флот почти на 200 миль в западном направлении от Скеллиг, чтобы его встретить. Северные ветра не позволили ему прибыть в нужные широты вовремя, но это не имело большого значения. Конвой прошел между флотом Хау и южной оконечностью Ирландии, и, поскольку противник принял бросок к Ушанту, сумел беспрепятственно войти в Канал, не увидев ни одного вражеского паруса. Не зная, что произошло, Хау крейсировал в течение недели, отрабатывая совместное движение кораблей. Затем, убедившись, что его флот готов к выполнению превентивной тактики в соответствии с описанием Кемпенфельта, он вернулся, чтобы поискать противника на востоке, попытаться оттянуть его от позиции в районе Силли и открыть Канал. По пути он узнал, что конвой благополучно проследовал, и, избавившись от этого беспокойства, отправился к Лизарду, где его ожидало подкрепление. Там он обнаружил, что Канал свободен. Из-за отсутствия припасов противник был вынужден вернуться в порт. Тогда Хау вернулся в Спитхед, чтобы подготовиться к освобождению Гибралтара. Пока шла эта работа, эскадра Северного моря снова была усилена, чтобы возобновить блокаду Текселя и защитить прибывающие с Балтики осенние конвои. Задача была успешно выполнена. Ни одно судно не попало в руки противника, и кампания, а по сути и война, завершилась уходом Хау и его флота в Гибралтар, который ему тоже удалось освободить. Нет лучшего примера, иллюстрирующего силу и размах хорошо спланированной концентрации.

Если мы, на основе приведенного выше и аналогичных примеров, попытаемся сформулировать принципы, которые могли бы служить руководством при выборе соотношения концентрации и разделения, то, прежде всего, придем к следующему выводу. Степень необходимого разделения прямо пропорциональна количеству военно-

морских баз, из которых противник может действовать, чтобы ущемить наши интересы на море, и протяженности береговой линии, на которой они расположены. Этот принцип берет начало в неписаном законе англичан, которые всегда стремились не только не дать противнику нанести удар в свое сердце, но ударить его в тот самый момент, когда он попытается действовать. Они всегда считали необходимым сделать из каждой такой попытки возможность контрудара. Распределение флота, которое влечет за собой эта цель, может быть разным с разными противниками. В войнах Великобритании и Франции, особенно когда испанцы и голландцы выступали союзниками французов, число военно-морских баз противника было очень значительным, и они были разбросаны по длинной береговой линии. В англо-голландских войнах, с другой стороны, и число баз, и протяженность линии были относительно невелики, а концентрация британского флота — плотной.

Однако эта мера распределения — далеко не единственный фактор. Концентрация зависит не только от числа и расположения вражеских военно-морских баз. Она будет изменяться в зависимости от степени, в которой операционные направления, начинающиеся в этих портах, пересекают наши воды. Причина очевидна. Что бы противник нам ни противопоставил и каков бы ни был характер войны, всегда необходимо держать флот дома. В любых обстоятельствах это жизненно важно для защиты своих торговых портов. Кроме того, это своего рода центральный резерв, из которого дивизионы могут отправляться для защиты удаленных портов или для нанесения контрудара, если возникает такая возможность. Это, по выражению лорда Бархама, есть «основная пружина, дающая импульс всем наступательным операциям». Эта эскадра должна быть постоянной, как фундамент всей системы. Очевидно, что, если, как в случае англо-французских войн, французские операционные направления не пересекают британских вод, плотная концентрация английского флота у своих берегов не будет полезной. Если же, с другой стороны, как в англо-голландских войнах, операционные направления пересекают британские воды,

концентрация в них британского флота — это все, что необходимо. А разделение зависит от избытка сил и возможности отправки эскадр для наступательных действий против удаленных морских интересов противника, не ставя под удар защиту своих рубежей и способность при необходимости нанести прямой удар по противнику. Все сказанное относится, естественно, к операциям основных сил флота. Если противник имеет базы флота в удаленных колониях и может оттуда угрожать нашей торговле, в этих районах тоже необходимо создать малые концентрации флота.

Далее следует отметить, что, если эскадры противника разбросаны по многочисленным базам, не всегда можно упростить проблему, оставив часть их открытыми, искушая его сконцентрировать флот и уменьшить число портов, за которыми приходится вести наблюдение. Поступив так, мы предоставим оставшимся без наблюдения эскадрам свободу для спорадических акций. Если только мы не уверены, что противник собирается концентрировать флот для решительных действий, единственный способ упростить ситуацию — вести наблюдение за каждым портом, чтобы успеть помешать спорадическим акциям. Лишенный возможности вести спорадические атаки, противник или будет бездействовать, или начнет концентрацию.

Следующий принцип — гибкость. Концентрация должна быть организована так, чтобы любые две части могли свободно связаться и все части имели возможность быстро собраться в массу в любом месте района концентрации. Воздерживаться от формирования массы имеет смысл для того, чтобы не дать врагу информацию о своем действительном распределении или намерениях в любой данный момент и одновременно обеспечить возможность корректировки для встречи опасности. Необходимо помнить, что наша цель не только не позволить любой части быть сломленной превосходящими силами. Мы должны рассматривать каждую отдельную эскадру как ловушку, ведущую противника к уничтожению. Короче говоря, идеальная концентрация — это внешняя слабость, прикрывающая внутреннюю силу.

Часть третья

ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ НА МОРЕ

Глава 1

ВСТУПЛЕНИЕ

I. Основные различия в условиях войны на суше и на море

Прежде чем применить определенным способом упомянутые ранее общие принципы к ведению военных действий на море, необходимо ликвидировать некоторые препятствия к достижению правильных умозаключений. Следует помнить, что развитие и объяснение теории войны всегда было делом солдат, но они проделали такую замечательную работу и создали столь философский метод, что возникла вполне естественная тенденция считать их все-сторонне обоснованные выводы имеющими универсальное применение. То, что указанные ими общие направления должны определять всю стратегию, никто не станет отрицать. Создатели военной теории были настоящими пионерами, и их методы должны лежать в основе наших методов, однако нельзя забывать о следующем: страна, по которой нам придется путешествовать, значительно отличается от той, в которой они набирались опыта.

Стоит только задуматься, и сразу станет ясно, сколь велика разница. Давайте спросим себя, каковы основные идеи, вокруг которых группируются все профессиональные военные знания. В самом широком смысле можно утверждать, что общих принципов всего три. Во-первых, это идея концентрации сил, иначе говоря, идея уничтожения основных сил противника путем воздействия на них

максимальной массой и энергией, имеющейся в вашем распоряжении. Во-вторых, это идея, утверждающая, что стратегия — это главным образом вопрос определенных линий связи. В-третьих, это идея концентрации усилий, которая говорит о сосредоточении на достижении одной цели — уничтожении сил противника, не думая о следующих. Теперь, если мы рассмотрим условия, которые дают этим принципам такую твердую опору на суше, выяснится, что во всех трех случаях они отличны на море, причем отличия весьма существенны.

Рассмотрим первый из них, который, несмотря на все выводы, сделанные нами из него для ограниченных войн, является доминирующим. Лаконичная максима, выражающая его суть, заключается в следующем: наша основная цель — главные силы противника. В современной военно-морской литературе максима используется в следующем виде: «Главная цель нашего боевого флота — обнаружить и уничтожить боевой флот противника». На первый взгляд, ничто не может выглядеть более здраво, но какие условия лежат в основе первой и второй идей?

Практическая ценность военной максимы основана на том факте, что в сухопутной войне всегда теоретически возможно нанести удар по армии противника, то есть если у вас есть силы и воля для преодоления препятствий и вы готовы идти на риск. Но на море все не так. В военных действиях на море существует влекущий за собой серьезные последствия факт, абсолютно неизвестный на земле. Речь идет о следующем: ваш противник может полностью убрать свой флот со сцены, то есть может увести его в укрепленный порт, где он окажется вне пределов вашей досягаемости, если только на помощь не придет армия. Здесь вам не принесет пользу ни боевой дух, ни превосходящие силы. В результате в войне на море утвердилась весьма неприятная дилемма. Если вы находитесь в большинстве, которое оправдывает быстрое наступление и побуждает вас разыскивать противника для решительных действий, есть все шансы, что вы обнаружите его в положении, где он для вас недоступен. И вот ваше наступление остановлено, и вы оказываетесь, по крайней мере теоретически, в очень слабой позиции.

Это было одно из самых ранних открытий в стратегии. Оно неизбежно последовало сразу после открытия того, что самый радикальный способ ведения военных действий — сосредоточение всех усилий на вооруженных силах противника. Широко распространенное мнение о том, что этот метод был изобретением Наполеона или Фридриха или был импортирован издалека — ошибочно. По крайней мере, британские военные историки уверены, что идея родилась во время гражданских войн с Кромвелем и армией нового образца. Она была яркой чертой, отличавшей британскую гражданскую войну от других войн современной истории. Ее успех был настолько ошеломительным — это отметили все иностранные наблюдатели, — что главнокомандующие, естественно, стали применять ее на море, лишь только началась первая война с Голландией. Можно оспаривать претензии солдат Кромвеля, утверждавших, что они изобрели для сухопутной войны то, что за границами Британии считалось наполеоновским методом, но, несомненно, заслуга применения этого метода на море принадлежит им. Все три голландских войны имели коммерческую цель, но после первой кампании основной идеей больше не было сделать вражескую торговлю главной целью. Это место было постоянно занято вражескими боевыми флотами, а при Монке и Руперте эти цели преследовались упорно и целенаправленно с чисто наполеоновской страстностью.

На более поздних этапах борьбы, когда англичане начали набирать силу и получили перевес, оказалось, что метод перестал работать. Попытки найти противника и навязать ему решительные действия снова и снова оказывались безуспешными, поскольку он уходил к своим берегам, где его или невозможно было достать, или решающий результат становился недостижимым. Противник занимал оборону, справиться с которой было слишком трудно, и в чисто оборонительном духе он время от времени предпринимал вылазки, чтобы, если появлялась возможность, нанести контрудар.

Вскоре стало ясно, что единственный способ справиться с такой позицией — принять меры, которые заставили бы противника выйти в море, и навязать ему действия, к которым мы стремились. Самой убедительной и действен-

ной мерой представлялась угроза торговле. В таком случае не было необходимости искать вражеский флот. Достаточно просто занять место на морском пути, по которому в его страну поступают жизненно важные грузы. В англо-голландских войнах это была или Доггер-банка, или ряд других районов. Тем самым создавалась ситуация, урегулирование которой могло стоить противнику или торговли, или боевого флота, а в лучшем случае и того и другого. Таким образом, несмотря на тот бесспорный факт, что с ростом превосходства британцев на море их увлеченность идеей боевых решений стала сильнее, им пришлось заняться второстепенными операциями, имеющими невыраженный стратегический характер. Весьма забавный парадокс, но, судя по всему, он является одной из особенностей военных действий на море, которые позволяют убрать вооруженные силы со сцены.

Вторая отличительная черта войны на море, которая относится к коммуникациям, не столь явно выражена, но ничуть не менее важна. Она связана с линиями коммуникаций, поскольку они имеют тенденцию определять операционные направления. Это простой вопрос дорог и препятствий. В сухопутной войне мы можем определить с определенной степенью точности пределы и направления возможных передвижений противника. Мы знаем, что они определяются главным образом наличием дорог и препятствий. Но на воде не существует ни дорог, ни препятствий. На поверхности моря нет вообще ничего, что могло бы помочь нам установить местонахождение противника и направление его движения. В эпоху парусного флота направление движения в какой-то степени ограничивалось преобладающими ветрами и исключением невозможных курсов, но с появлением пара даже этих подсказок не стало. Теперь свободу движения по морю не ограничивает практически ничто — главное, чтобы хватило топлива. Следовательно, при наличии желания нанести удар по противнику вероятность пропустить его на море намного выше, чем на суше, а шансы, что противник, которого мы активно ищем, чтобы навязать бой, попросту уклонится от встречи, становятся таким серьезным препятствием в наступлении, что поневоле станешь отно-

ситься к максиме «искать вражеский флот» с большой осторожностью.

Трудность возникла в момент рождения идеи. Ее можно проследить — во всяком случае, в отношении современной войны — до известной оценки сэра Фрэнсиса Дрейка в год, когда Непобедимая армада потерпела поражение. Эта памятная депеша была написана, когда возникли острые разногласия, касающиеся того, стоит ли задержать британский флот в своих водах или лучше выслать его вперед к берегам Испании. Цель противника представлялась крайне неопределенной. Никто не мог сказать, ожидать ли удара в Канале, Ирландии или Шотландии. Ситуация осложнялась тем, что испанская армия вторжения находилась в полной готовности к переправе на фламандском берегу и существовала возможность совместных действий с Гизами из Франции. Дрейк считал, что проблема будет решена, если британский флот займет позиции в районе порта отправления кораблей Непобедимой армады. Понимая степень риска, к которому приведет такое решение, он подкреплял свои чисто стратегические соображения моральными умозаключениями о важности момента. Но только правительство с этой точкой зрения не согласилось, но не по причине, как обычно утверждают, малодушия и отсутствия стратегического чутья, а потому, что шансы Дрейка потерять контакт с противником были очень велики, и корабли Непобедимой армады вполне могли уйти из порта до того, как британский флот выйдет на предлагаемые позиции.

Третий элементарный принцип — это идея концентрации усилий, и третья характеристика войны на море, которая дисгармонирует с ней, заключается в том, что флот должен не только выигрывать сражения, но и защищать торговлю. В сухопутной войне, во всяком случае, с тех пор, как разорение и опустошение части территории противника перестало считаться общепризнанной стратегической операцией, нет соответствующего отклонения от чисто военных операций. Бесполезно повторять, как это делают пуристы, что защита торговли не должна отвлекать от основной цели. Мы должны учитывать реалии войны, и опыт давно показал, что уже только по экономическим

причинам, не говоря о давлении общественного мнения, никто и никогда не мог себе позволить полностью игнорировать такие отклонения. Финансовый аспект в войне является настолько важным, что поддержание торговли чаще всего не только не игнорировалось, но ставилось во главу угла. Даже в лучшие дни англо-голландских войн, когда все планы строились на игнорировании торговли противника как цели, англичане частенько были вынуждены защищать свою собственную торговлю, причем с весьма сомнительными результатами.

Не больше пользы может принести заявление, что единственный надежный способ защитить свою торговлю — уничтожить вражеский флот. Если говорить о формулировке принципа, это трюизм, и никто не станет его оспаривать. Как критерий практической стратегии он неверен, потому что здесь снова заявляет о себе первое отклонение. Что вы должны делать, если противник не намерен позволить вам уничтожить свой флот? Вы же не можете оставить свою торговлю открытой для рейдов кораблей противника, пока ожидаете возможности атаковать; и чем больше вы концентрируете свои силы и усилия для обеспечения желаемого решения, тем более вы подвергаете свою торговлю опасности sporadических действий со стороны противника. В результате вы далеко не всегда вольны принять план, рассчитанный на навязывание решительных действий противнику. Возможно, вы будете вынуждены занять не самую выгодную для себя позицию, а ту, которая даст вам реальный шанс установить контакт в благоприятных условиях и одновременно обеспечить разумную защиту для ваших торговых путей. Отсюда и максима, гласящая, что вражеское побережье должно стать нашей границей. Это не чисто военная максима, как та, что говорит о поиске вражеского флота, хотя их нередко считают взаимозаменяемыми. Обычно выбор наших позиций на вражеском берегу диктуется нуждами защиты торговли в той же степени, что и стратегическими соображениями. Ведение строгого наблюдения вблизи портов противника никогда не было самым многообещающим способом навязать врагу решительные действия — мы знаем мнение Нельсона по этому вопросу. Но это наи-

лучший и часто единственный способ обеспечить свободу мореплавания для наших судов и для операций крейсеров против торговых судов противника.

Пока нет нужды детализировать все эти, безусловно, важные моменты. Когда мы перейдем к рассмотрению методов войны на море, они наберут силу и обретут ясность. Уже было достаточно сказано для того, чтобы обозначить мели и предупредить нас, что, как бы восхитительно ни было сконструировано плавсредство, которым нам предлагают пользоваться военные стратеги, следует соблюдать осторожность в судовождении.

Но прежде, чем переходить дальше, необходимо упростить то, что перед нами, попытавшись сгруппировать сложное многообразие военно-морских операций, придав им удобоваримый вид.

II. Типичные формы военно-морских операций

В ведении войны на море все операции можно разделить на два больших класса в зависимости от цели. Первые стремятся получить или оспорить господство на море, вторые — использовать имеющийся контроль над коммуникациями, независимо от того, достигнуто полное господство или нет.

На логической и практической разнице между этими двумя видами военно-морских целей, как мы видели, основывался состав флотов в эпоху парусного флота, когда войны на море были почти непрерывными и определяли расстановку сил в мире. Во всяком случае, в этот период двойственная концепция лежала в корне военно-морских методов и военно-морской политики, а поскольку она является также логическим выводом из военной теории, мы можем спокойно взять ее в качестве базы для анализа ведения военно-морских операций.

На практике, конечно, редко можно категорически заявить, что любая военная операция имеет лишь одну четко определенную цель. Боевая эскадра, первоначальной функцией которой является обеспечение господства,

часто размещается таким образом, чтобы иметь возможность осуществлять контроль; и наоборот — крейсерские линии, предназначенные, в первую очередь, для осуществления контроля над торговыми путями, как правило, считаются сторожевыми отрядами боевого флота, сообщая ему сведения о передвижении боевых эскадр противника. Так Корнуоллису во время блокады Бреста нередко приходилось ослаблять «хватку», чтобы прикрыть прибывающие конвои от нападений рейдеров. А когда лорд Бархам поинтересовался у Нельсона его взглядами на крейсерский патруль, адмирал ответил следующее: «Корабли, выполняющие эту работу, не только предотвратят грабежи каперов, но и заметят все эскадры противника, которые пройдут мимо. Разведывательные данные будут быстро переданы, и противник будет находиться под постоянным наблюдением». В соответствии с этим лорд Бархам издал инструкции для командиров конвоев. В обоих случаях два класса операций накладывались друг на друга. Однако для аналитических целей разница весьма важна. Она поможет получить четкое представление о проблеме.

Возьмем для начала методы обеспечения господства, под которыми мы понимаем лишение противника возможности эффективно использовать общие коммуникации или ощутимо мешать нашему использованию этих коммуникаций. Для достижения цели можно использовать два средства: сражение и блокаду. Первое из них реже достижимо, но именно его чаще предпочитали британцы. Такая позиция вполне естественна, потому что Великобритания обычно имела преимущество над противником, а пока поддерживается политика превосходства, можно делать то, что заблагорассудится.

Более того: идея, судя по всему, уходит своими корнями к старейшим обычаям королевского ВМФ. Как мы видели, твердая вера моряков в то, что война является, главным образом, вопросом сражений и что, если сражения начинаются хотя бы приблизительно на равных, следует вести их до последнего вздоха, появилась вовсе не благодаря последним открытиям континентальной военной мысли. Адмиралы Кромвеля оставили нам память о сражениях, длившихся три и даже четыре дня.

Правда, были периоды, когда идея, казалось, сдала свои позиции, но тем не менее она настолько хорошо зафиксировалась в британской концепции военных действий на море, что остается только упомянуть о неизбежном видоизменении, посредством которого можно смягчить доктрину уничтожения. «Используйте это средство, — сказал один из ее знаменитых сторонников, — когда можете и когда должны». Как бы искренне мы ни верили в него, не всегда возможно и разумно использовать его на практике. Если мы сильны — мы стремимся к бою, если можем. Если мы слабы, то не принимаем бой, если только не должны это сделать. Если обстоятельства благоприятствуют, мы не всегда можем повлиять на решение, если же обстоятельства против, мы не всегда обязаны вступать в бой. Так мы обнаруживаем, что якобы простая доктрина боя почти всегда осложнена двумя самыми серьезными проблемами, которые не давали покоя старым британским адмиралам. Самыми противоречивыми им представлялись следующие вопросы. В обычных обстоятельствах, когда Британия выступала с позиции силы, проблема заключалась не в том, как победить врага, а в том, как навязать ему бой. В случае же временной слабости вопрос заключался не в том, как подороже продать свою жизнь, а в том, как поддерживать активность флота в обороне, чтобы иметь возможность немедленно помешать врагу действовать, как он хочет, и не позволить добиться цели, к которой он стремится.

Отсюда следует план, согласно которому мы можем сгруппировать военно-морские операции. Во-первых, на основании единственного предположения, которое мы можем себе позволить, а именно что мы начинаем с превосходства сил или преимущества, следует выбирать методы для обеспечения господства. Они, в свою очередь, делятся на две группы. Первая — это достижение цели посредством боя. Сюда попадают поиск противника и навязывание ему нежелательных для него действий. Вторая — операции, которые становятся необходимыми, если решительные действия невозможны, а военный план требует немедленного установления контроля над коммуни-

кациями. К этой группе относятся все формы блокады, военной и торговой, хотя, как мы увидим, определенные формы военной и даже торговой блокады, в первую очередь, провоцируют противника к действию.

Вторая главная группа охватывает операции, к которым мы прибегаем, если наша сравнительная боевая мощь не адекватна ни одному классу операций для установления господства на море. В таких условиях приходится довольствоваться попытками оспорить господство, то есть мы стараемся посредством активных оборонительных действий не позволить противнику обеспечить или осуществить контроль ради своей цели. Такие операции ассоциируются с понятием «существующий флот». В эту группу также попадают малые формы контратак, которые появились в стратегии с возникновением торпеды и наступательного минирования.

В третью, главную группу входят методы осуществления контроля прохода и связи. Такие операции разнятся по характеру в соответствии с целями установления контроля. Они имеют тенденцию принимать одну из трех главных форм. Первая — контроль над линиями прохода армии вторжения; вторая — контроль над торговыми путями и их конечными пунктами для нападения на торговлю и ее защиты; третья — контроль над проходом и коммуникациями наших собственных заморских экспедиций и наблюдение за районом их назначения с целью оказания активной помощи в проведении операций.

Для наглядности все сказанное можно систематизировать таким образом:

1. Методы обеспечения господства:
 - а) посредством достижения решения;
 - б) посредством блокады.
2. Методы оспаривания господства:
 - а) принцип «существующий флот»;
 - б) малые контрудары.
3. Методы осуществления господства:
 - а) защита против вторжения;
 - б) нападение на торговлю и ее защита;
 - в) нападение, оборона и поддержка военных экспедиций.

Глава 2

МЕТОДЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСПОДСТВА

I. Достижение решения

Каким бы ни был характер войны, которую ведет Великобритания, ограниченным или неограниченным, постоянное или временное господство на море является условием окончательного успеха. Единственный способ обеспечить это господство военно-морскими средствами — достичь решения посредством сражения с флотом противника. Рано или поздно это должно быть сделано, и чем раньше, тем лучше. Таким было кредо старого британского флота, таким оно осталось и поныне. Никто не подвергает его сомнению, поэтому можно спокойно сделать вывод, что первейшая задача флота — найти флот врага и уничтожить его.

Ни одна максима не способна так реалистично воплотить истинно британский дух военных действий на море, и ничто не может уничтожить этот дух. Исследовать ее притязание на то, что она является логическим заключением теории войны, будет даже опасным, хотя ничто не является столь опасным в изучении войны, как позволение максимам заменить суждения. Давайте исследуем ее «верительные грамоты», и в качестве первого шага подвергнем ее проверке двух современных примеров.

Следует отметить, что оба они являются примерами ограниченной войны, наиболее обычной формы военных действий Британии и единственной, к которой наша военная организация, с присущим ей превосходством военно-морского элемента, по-настоящему приспособлена. Первый пример — испано-американская война, второй — Русско-японская война.

В первом случае американцы взяли в руки оружие, чтобы освободить Кубу от испанского владычества — строго ограниченная цель. Нет никаких свидетельств того, что характер войны был когда-либо ясно сформулирован хотя бы одной из сторон, но в соответствии с общими политическими условиями американский военный план начинался с движения за территориальную цель. Американцы

планировали как можно быстрее закрепиться на западе Кубы и поддержать повстанцев. Все зависело от захвата инициативы — от скорости и решительности. Моральная и физическая важность цели оправдывала любой риск. Между тем очертания моря, которое предстояло пересечь американской армии, оказались настолько удобными, что строго оборонительная позиция флота могла снизить риск до вполне приемлемого. Но американцы находились под влиянием недавно вновь открытых максим, поэтому, когда накануне осуществления важнейшего перехода услышали о том, что испанская эскадра пересекает Атлантику, они отвлекли свой флот прикрытия от обороны и отправили его «найти вражеский флот и уничтожить его».

Пуэрто-Рико был самым очевидным районом, где следовало искать испанцев, и туда направился адмирал Сэмпсон, позабыв простую истину, что в подобных случаях то, что очевидно тебе, очевидно и противнику. В результате американцы не только не смогли установить контакт с противником, но и оставили без прикрытия пути передвижения своей собственной армии и парализовали начальное передвижение. В конце только случайность помогла им исправить допущенную ошибку. Если бы испанская эскадра зашла в кубинский порт, из которого велось железнодорожное сообщение с главной роялистской армией, такой как Сьенфуэгос или Гавана, вместо того чтобы спешить в Сантьяго, очевидно, кампания была бы проиграна. «Сейчас ясно, — писал адмирал Мэхан в своих «Уроках войны с Испанией», — не только то, что восточный вояж нашего гаванского дивизиона был неудачным, но и то, что его заранее следовало считать ошибочным, поскольку он был несовместим с общепризнанным военным принципом, несоблюдение которого не было продиктовано обстоятельствами. Речь идет о принципе, порицающем эксцентричные передвижения. Из-за несоблюдения этого принципа в рассматриваемом случае мы оставили без прикрытия Гавану и Сьенфуэгос, вместо этого устремившись навстречу противнику».

Объяснение ошибки, данное адмиралом Мэханом, можно считать прозорливым или нет, но очевидно одно: шаг действительно был не только эксцентричным, но и

абсолютно неуместным. Если бы американцы довольствовались концентрацией своего флота в оборонительной позиции, они не только защитили бы свои пути прохода и обеспечили блокаду территориальной цели, но и имели бы лучший шанс заставить испанцев действовать. Испанцам пришлось бы прийти к ним или остаться за пределами ТВД, где они никак не могли повлиять на исход военных действий, кроме как неблагоприятно для самих себя, подорвав моральный дух их кубинского гарнизона. Это показательный пример того, как буква может убить дух, как привлекательная максима способна подменить собой здравомыслие. Стратегическое наступление в этом случае вовсе не было лучшей защитой. Поиск вражеского флота должен был почти наверняка стать ударом в никуда. Он не только не добился никакого результата, но и поставил под угрозу принципиальный оборонительный момент американского военного плана, на котором основывался успех наступления. Назвать такое действие эксцентричным — значит существенно смягчить применяемую терминологию.

В Русско-японской войне мы имеем прямо противоположную ситуацию. Здесь личное мнение не дало слова афоризму. Это правда, что на первом этапе военно-морских операций японцы в определенном смысле действительно искали вражеский флот, пока не выдвинули свою базу к Порт-Артуру. Но это было сделано вовсе не с намерением уничтожить русский флот — на это в море было мало надежды. Скорее у них не было других средств защитить пути передвижения своей армии, а эта задача была поручена флоту. Истинно наступательные операции планировались на земле. Адмиралы Того и Камимура не вели наступательных операций, которые могли бы поставить под удар превентивные функции, которыми их наделил военный план. Еще меньше, на последней стадии, когда все зависело от уничтожения Балтийского флота, адмирал Того его «разыскивал». Он удовлетворился, как и должны были удовлетвориться американцы, созданием ситуации, в которой противник должен был сам прийти и начать действовать, если желал повлиять на ход войны. Поэтому он ожидал в обороне, уверенный, что враг сам придет к

нему, и подготовившись настолько определенно, насколько это возможно в военное время, чтобы, когда настанет момент тактического наступления, его удар был уверенным и внезапным, мощным и решительным.

Поэтому очевидно, что максима о «поиске», хотя и выражает высокий боевой дух флота и сообщает людям моральный подъем, не должна подменять здравые суждения. Это надежный слуга, но плохой хозяин — это американцы проверили на своем горьком опыте. И все же она, по мнению британских адмиралов, лучше, чем любой другой афоризм, выражает секрет британского успеха на море. Англичане не могут обойтись без нее. Давайте попробуем наделить ее истинным значением, точными принципами, которые она подразумевает, и попытаемся определить ее природу. Для этого нет лучшего способа, чем проследить ее постепенный рост с момента, когда она родилась, благодаря чутью первых флотоводцев.

Зародыш можно найти в уже упомянутой депеше, написанной Дрейком из Плимута в конце марта 1588 года. Его аргументы не были чисто военно-морскими, поскольку речь шла о совместной проблеме защиты от вторжения, которую следовало решить. Он стремился убедить правительство в том, что суть вопроса не столько в армии вторжения Пармы во Фландрии, а во флоте, который собирался в Испании, чтобы защитить ее проход. Правительство придерживалось противоположного мнения. Согласно его плану Говард с основной частью флота находился на базе Медуэя, в пределах удаленности, на котором возможно оказание поддержки легкой эскадре, блокирующей фламандские порты во взаимодействии с голландцами. Сам Дрейк с другой легкой эскадрой был послан в западном направлении с неким трудно определяемым заданием стать эскадрой наблюдения или с целью использования, согласно средневековым обычаям, для эксцентричного контрудара. Когда ему предложили высказать мнение об этой диспозиции, он назвал ее ошибочной. По его мнению, требовалось наступательное движение против главного флота противника. «Если можно сделать так, — настаивал он, — что флот останется в Испании и не выйдет в море как завоеватель, тогда и герцог Пармский будет задержан».

Дрейк имел в виду не столкновение с вражеским флотом в открытом море, а приостановку незаконченной мобилизации противника, что ему уже однажды блестяще удалось. Далее он пишет: «С Божьей помощью, преимущество места и времени будет единственным и главным средством, которое мы можем использовать себе во благо, чего я нижайше прошу ваши лордства упорно добиваться, как вы и начали, потому что с пятьюдесятью судами мы сделаем намного больше у вражеских берегов, чем с гораздо более многочисленным флотом у себя дома, и чем скорее мы выйдем, тем значительно сможем помешать противнику». Обратите внимание: он сказал не «уничтожить», а «помешать».

Представляется очевидным, что Дрейк имел в виду повторение стратегии предыдущего года, когда он сумел прервать мобилизацию испанской армии и «помешать» армаде выйти в море. Он даже не упомянул о концентрации всего флота для этой цели — только об укреплении собственной эскадры. Свой совет Дрейк обосновывал чисто моральными соображениями: он подробно остановился на воодушевляющем влиянии нанесения первого удара и атаки вместо ожидания нападения. «Нация, — настаивал он, — должна убедиться, что Господь дал ее величеству и народу силу и смелость, чтобы не бояться вторжения, а искать врагов Бога и ее величества там, где они могут находиться».

Здесь и находится зародыш максимы. Результатом депеши стал вызов на совещание в правительство, за которым последовали не полумеры (это было все, что Дрейк отважился предложить в депеше), а более полное выражение его общей идеи, близкое тому, что стало постоянной диспозицией англичан в аналогичных случаях. Весь главный флот, за исключением эскадры, ведущей наблюдение за фламандским побережьем, был сконцентрирован на западе, чтобы закрыть блокаду транспортов Пармы, но определенная для него позиция была внутри Канала, а не за его пределами, что с тактической точки зрения было плохо, потому что почти наверняка давало армаде преимущество. Всякое движение к побережью Испании запрещалось — причем следует помнить — не из-за малодушия

или непонимания идей Дрейка, а из опасения, что, как это было у американцев, движение вперед может оказаться выстрелом в воздух и только оставит без прикрытия жизненно важные позиции, не причинив ущерба врагу.

Когда отплытие надолго задержалось, Дрейк возобновил свою настойчивость, на этот раз к нему присоединился Говард и его коллеги. Наконец разрешение было получено. Флот отплыл к Коруне, где, как известно, ввиду плохой погоды находилась армада после неудачного старта из Лиссабона, и произошло то, чего опасалось правительство. Прежде чем флот достиг места назначения, его встретили южные ветра и наступательная мощь была исчерпана. Он вернулся в Плимут и оказался не способен к немедленным действиям, когда армада наконец вышла в море. При появлении испанцев еще не были закончены ремонтные работы и снабжение. Только благодаря беспримерному искусству британского адмирала ситуация была спасена — Говард сумел-таки занять традиционную позицию с морской стороны от противника.

Итак, пока осторожность правительства, придерживавшегося оборонительной позиции и не желавшего искать флот противника, была оправданной. Но давайте вспомним, что Дрейк с самого начала настаивал на том, что это вопрос и времени, и места. Если бы он получил разрешение перевести флот, когда впервые это предложил, есть все основания полагать, что финальные стадии испанской мобилизации не были бы выполнены в течение того года. Иными словами, разные части армады не были бы собраны во флот. Правда, информация о ее состоянии была в то время чрезвычайно неопределенной, и, учитывая переговоры, находившиеся в стадии подготовки, существовали и политические причины не предпринимать решительных наступательных действий, если существовала разумная альтернатива.

Какие же принципы мы можем сформулировать, исходя из этого исходного случая «поиска врага»? Во-первых, речь идет о моральной ценности перехватывания инициативы. Во-вторых — о важности нанесения удара раньше, чем противник завершит мобилизацию. Идея уничтожения путем грандиозной флотской операции здесь не при-

сутствует, если, конечно, мы не обнаружим ее в не вполне четко сформулированном мнении елизаветинских адмиралов об ударе по флоту, когда он деморализован, как в случае с армадой после первого отпора или непосредственно по выходе из порта.

В военных действиях на море между голландцами и англичанами, имевших место во второй половине XVII столетия, принцип уничтожения получил полное развитие. Он явился ключевым моментом использованной стратегии и соответствовал сложившимся условиям. Военные действия велись в основном на море, и сухопутные соображения не влияли на военно-морскую стратегию. Кроме того, война велась в узких проливах, и риск потерять контакт с противником, связывавший елизаветинских адмиралов на океанских театрах военных действий, в данном случае был минимальным. Тем не менее новые возражения против использования максимы поиска флота как стратегической панацеи вскоре заявили о себе.

Первая война началась без намека на новый принцип. Первая кампания проходила старомодно: велись атаки на торговые пути и их защиту, имели место небольшие столкновения, но их можно было считать случайными. Похоже, никто не понимал ошибочности этого метода, за исключением разве что Тромпа¹. Полученные им общие инструкции указывали, что первая и принципиальная цель — нанести максимально возможный ущерб Англии, для достижения которой ему был дан флот, которому предстояло отправиться и напасть на английский флот и также провести конвой на запад. Увидев несовместимость двух функций, Тромп попросил уточнить приказ. Что, к примеру, он должен делать, если увидит возможность блокады основных сил английского флота на его базе? Должен ли он посвятить себя блокаде, оставив торговые суда на растерзание быстроходным фрегатам, или ему следует продолжать выполнение функций эскорта? Он был преисполнен желанием схватиться с главными силами флота противника, но пришел в недоумение из-за практической

¹ Т р о м п Корнелиус Мартин (1629—1691) — голландский адмирал.

трудности — о которой слишком часто забывают, — что одно только доминирование боевой мощи противника не решает проблему господства на море. Других инструкций не последовало, и Тромпу оставалось только выразить протест. «Я бы хотел, — писал он, — оказаться настолько счастливым, чтобы получить только одну из двух задач — или искать противника, или вести конвой, потому что выполнить обе одновременно невозможно». Неуверенная кампания, ставшая результатом отсутствия стратегической хватки и концентрации усилий, завершилась частичным поражением Тромпом Блейка 30 ноября 1652 года в районе Дангенесса. Получив под свое начало, несмотря на все протесты, большой конвой, голландский адмирал отослал его в Остенде, обнаружив, что Блейк в Даунсе, и затем, освободившись, устремился на врага.

Влияние этого неожиданного удара на военные взгляды кромвелевского правительства привело к знаменитым реформам, сделавшим ту зиму столь памятной вехой в британской военно-морской истории. Монк, самый блестящий профессиональный военный на службе англичан, и Дин, еще один сухопутный генерал, пришли в командование флотом, вдохнув в военно-морскую службу высокий военный дух армии нового образца. Той зиме мы обязаны не только появлением Военного кодекса, который сделал возможным поддержание дисциплины, и первой попыткой сформулировать боевые инструкции, в которых было положено начало регулярной тактической системе, но и двух других концепций, способствовавших формулировке современной идеи военных действий на море. Одна из них — это убеждение, что война на море означает операции против вооруженного флота противника для ликвидации возможности его сопротивления на море, в отличие от операций против торговли. Другая утверждает, что для эффективности таких военных действий необходим флот принадлежащих государству кораблей, специально созданных для войны, при этом помощь частных кораблей должна допускаться как можно меньше. Вполне естественно, что упомянутые идеи оформились вместе, поскольку они тесно связаны. Цель подразумевает средства. Дисциплина, флотская тактика и военный

флот были необходимы для ведения войны в современном смысле слова.

Результаты проявились в трех грандиозных акциях следующей весны, первая — под командованием трех генералов, а вторая и третья — под началом одного только Монка. В течение последней кампании он довел новые идеи до того, что запретил захватывать выведенные из строя корабли, чтобы ничто не сдерживало процесс уничтожения. Все они должны были быть потоплены, но при этом следует стремиться по возможности сохранять человеческие жизни. Вторая война также характеризовалась тремя крупными военно-морскими операциями, одна из которых после принятия командования Монком продолжалась четыре дня. Новая доктрина была явно гиперболизирована. Мысль флотоводцев настолько сосредоточилась на действиях боевых флотов, что о необходимости осуществления контроля как-то позабыли. В Великобритании массирование для наступательных операций было доведено до такой степени, что не было предусмотрено поддержание его путем доставки подкрепления. В результате наступательная мощь периодически падала, когда флот был вынужден возвращаться на базу, и голландцы пользовались полной свободой не только в ведении своей морской торговли, но и в нанесении ударов по торговле британской. Их контрудары достигли кульминации в известных атаках на Ширнесс и Чатем. Такой благоприятной возможностью они обязаны именно гиперболизации новой доктрины. По убеждению британского правительства, «сражение Святого Джеймса»¹ — последняя из трех акций — урегулировало вопрос господства на море. Были начаты мирные переговоры, которые завершились не в пользу англичан. Уверовав, что работа сделана, основная масса флота по финансовым соображениям была выведена из боя, и голландцы не преминули воспользоваться представившейся возможностью. Этот урок забыть невозможно, но его значение наполовину теряется, если при-

¹ Сражение состоялось 25 июля 1666 года (4 августа по григорианскому календарю) в день святого Джеймса, отсюда и название (вторая англо-голландская война).

писать неудачу отсутствию понимания доктрины боевого флота, а не преувеличению ее возможностей.

Истина заключается в том, что Британия не одержала решительную победу, достаточную, чтобы уничтожить вражеский флот. Самый ценный урок войны заключался в том, что ради таких побед необходимо трудиться, тем более если две воюющих стороны располагаются по обеим сторонам узкого морского пространства. В таких условиях доказано, что благодаря возможности отступить и ограниченной возможности преследования нет смысла рассчитывать на определенное решение без очень специфической стратегической подготовки. Новая доктрина, по сути, дала новое направление стратегии, о чем уже говорилось. Теперь вопрос ставился не о том, что сделать главной целью — вражескую торговлю или боевой флот, а как установить контакт с его флотом таким образом, чтобы можно было начать решительные действия. Просто отыскать противника под защитой своих берегов значило убедиться, что никаких решительных действий не будет. Следовало принять дополнительные меры, чтобы заставить его выйти с базы в море. Излюбленный механизм — замена спорадических атак организованными стратегическими операциями против торговли противника, иначе говоря, флот занимает позицию, рассчитанную на полную остановку его торговли не у своих берегов, а в море на главном фарватере. Операции были неудачными из-за нехватки резервов, позволяющих флоту посредством систематических подкреплений сохранять свою позицию. Тем не менее это был зародыш системы, который впоследствии при более зрелой организации доказал свою эффективность и вырос в такие акции, как «Славное первое июня»¹.

В третьей войне, когда этот механизм стал отказывать снова и снова, был испытан новый. Это была личная концепция Карла II, которая заключалась в использовании угрозы военной экспедиции. Около 15 000 человек на транспорте были доставлены в Ярмут в надежде, что голландцы выйдут в море, чтобы помешать их проходу по

¹ «Славное первое июня» — сражение между Великобританией и Францией 1 июня 1797 года при Ушанте (Уэссане).

Северному морю, позволив тем самым британскому флоту вклиниться между ними и берегом. Однако между двумя силами не было должной координации, и проект оказался неудачным.

Однако этот метод обеспечения решения не был забыт. Энсон попытался использовать его во время Семилетней войны. В течение двух лет каждая попытка найти флот противника не приводила ни к чему, кроме бесплодного истощения сил англичан. Но когда Питт начал осуществлять рейды на французское побережье, Энсон, не веривший в их важность для военных целей, решил, что видит в них определенные возможности для флота. И когда в 1758 году он стал командовать флотом на Канале, обеспечивавшим прикрытие экспедиции на Сен-Мало, он снял блокаду Бреста и занял позицию в районе острова Батц, между главными силами флота противника и линией прохода армии. Однако брестский флот находился не в том состоянии, чтобы двигаться, и результата не было. Только в 1805 году создался прецедент для использования этого механизма, но это произошло не намеренно. Речь идет о совместной англо-русской экспедиции на Средиземное море, которая заставила Наполеона отдать безрассудный приказ Вильневу выйти в море из Кадиса. Это помогло разрешить ситуацию, из которой Нельсон не видел выхода. Аналогичным примером может служить Лисса. Но там итальянцы, относившиеся к территориальной атаке как к настоящей атаке, а не как к стратегическому механизму, сами пострадали. Они оказались застигнутыми врасплох австрийским флотом и потерпели поражение.

Этот пример знакомит нас с чрезвычайно важным фактом: хотя британские военные экспедиции редко приводили к принятию решения на море, обратное почти всегда верно. Попытка противника использовать свою армию против британской территории была самым богатым источником великих морских побед англичан. Информация, что противник собирается вторгнуться на Британские острова или предпринять серьезные действия против заморских интересов, всегда воодушевляла. Если история не искажает факты, можно смело утверждать, что такие попытки являются надежнейшим средством достижения же-

лаемого англичанами результата. Достаточно вспомнить Ла-Гог¹, Киберон и Нил, чтобы убедиться: рано или поздно они должны привести к решительному столкновению на море, а о чем еще стоит просить изменчивую военную фортуна?

Из сказанного выше следует, что поиск вражеского флота далеко не всегда является достаточным, чтобы обеспечить принятие решения. Максима в действительности означает, что следует стараться с самого начала обеспечить контакт с противником в наилучшей для себя позиции, насколько это позволяют другие части военного плана, военные или политические. Если основное наступление ведет армия, как было в японском и американском случаях, тогда, возможно, попытка установить контроль должна быть подчинена передвижениям армии, иначе мы дадим обороне первенство по отношению к наступлению. Однако, если военное наступление не может быть гарантировано, пока не будет развита оборона, как, например, если противник приведет свой флот к линиям перемещения нашей армии, тогда прежде всего необходимо установить контакт на море.

Порочность обратного метода очевидна. Если мы примем максиму, что первой обязанностью нашего флота является поиск противника, где бы он ни находился, это, по сути, означает, что мы приспосабливаемся к диспозиции и передвижениям противника. Он волен завести нас, куда пожелает. Одним из заблуждений, лежащих в основе всех наполеоновских военных комбинаций, является его вера в то, что опытные и упорные британские адмиралы ведут себя так простодушно. Но он был весьма далек от истины. Существует типичный приказ Корнуоллиса, который подтверждает этот факт. Это приказ, отданный его заместителю адмиралу Коттону в июле 1804 года при передаче ему западной эскадры, стоящей в районе Ушанта. «Если французы выйдут в море, — говорится в нем, — но ни с одного из ваших кораблей их не увидят, не преследуйте их, если

¹ Сражение состоялось 19 и 20 мая 1692 года между англо-голландским и французским флотом в рамках Войны за английское наследство.

только не будете абсолютно уверены в выбранном ими курсе. Если вы оставите вход в Канал без защиты, противник получит преимущество и поможет вторжению, угрожающему владениям его величества, защита которых есть ваша главная цель».

Согласно общему мнению, Нельсон никогда не позволял всего лишь одну вещь, преследование флота противника, и, игнорируя предостережения Корнуоллиса Коттону, попал в простую ловушку. Но следует отметить, что он никогда не допускал втягиваться в преследование флота вдали от позиции, которую занимал, если только (и до тех пор, пока) не обеспечивал ее безопасность. Его знаменитое преследование в Вест-Индии является случаем, который привел к неправильному представлению об этом вопросе из-за недостаточного внимания сопутствующим обстоятельствам. Нельсон не преследовал Вильнева с единственной или даже главной целью — навязать ему необходимость действовать. Его основной целью было спасение Ямайки от захвата. Если бы вопрос заключался только в установлении контакта, Нельсон чувствовал бы себя значительно увереннее, ожидая возвращения Вильнева к Сент-Винсенту или приближения к стратегическому центру в районе Ушанта. Далее необходимо заметить, что Нельсон, организовав преследование, не оставил без прикрытия то, что был обязан защищать. Средиземноморская позиция оставалась в безопасности, и потому он отважился на эксцентричное движение. И наконец, существует важный факт, заключающийся в том, что, хотя моральный эффект непреклонного упорства и стремительности Нельсона оказался бесценным, невозможно утверждать, что как чисто стратегическое перемещение оно оказало существенное влияние на ход кампании. Его появление в Вест-Индии, вероятно, спасло один или два мелких острова от выкупа и какое-то количество торговых судов от захвата. Возможно, оно также ускорило на несколько дней возвращение Вильнева, но это было нам не на пользу. Вернись он даже на неделю позже, не было бы необходимости снимать блокаду Рошфора. В распоряжении у Бархама было бы достаточно кораблей, чтобы удержать блокаду, что он и намеревался сделать, пока новости о поспешном возвращении Вильнева не за-

ставили его действовать немедленно, раньше, чем он был к этому готов.

Если мы хотим привести типичный пример способа применения старыми мастерами доктрины о поиске, его следует искать не в замечательной погоне Нельсона, а в сдержанной отваге приказов Бархама Корнуоллису и Колдери. Они получили инструкции искать Вильнева, выдвигнувшись на две его вероятные линии подхода на такое время и расстояние, которые сделают решительные действия определенными и в то же время при утере контакта обеспечат сохранение жизненно важных оборонительных позиций. Бархам был слишком прозорлив, чтобы играть на руку Наполеону и слепо следовать по указке противника, пожертвовав позицией, которую он стремился захватить. Если позволить максиме занять место авторитетного мнения, результат будет неизбежным — это будет ошибка, которой удалось избежать Бархаму.

II. Блокада

В понятие *блокада* мы включаем операции, которые значительно отличаются по характеру и стратегическим намерениям. Во-первых, блокада может быть военно-морской или коммерческой. Посредством военно-морской блокады мы стремимся не позволить вооруженным силам противника покинуть порт или хотя бы удостовериться, что он вступит в бой раньше, чем сможет добиться цели, ради которой вышел в море. Эти вооруженные силы могут быть чисто военно-морскими или состоять полностью или частично из военных экспедиционных сил. Если речь идет о чисто военно-морских силах, тогда наша блокада будет методом добиться господства. Если о чисто военных, это метод осуществления господства, и в качестве такового он будет рассмотрен, когда мы будем говорить о защите от вторжения. Но, поскольку военные экспедиции обычно сопровождаются военно-морским эскортом, операции с целью предотвращения их выхода в море не относятся исключительно к осуществлению господства. Поэтому военно-морская блокада может в практических целях рассма-

триваться как метод добиться господства и как функция боевых эскадр. С другой стороны, коммерческая блокада является, по сути, способом осуществления господства и в основном делом крейсеров. Ее непосредственная цель — остановить морскую торговлю противника, производимую или на его собственных, или на нейтральных судах, не допуская использования им морских торговых путей.

Итак, с точки зрения ведения войны, мы имеем две четко определенные категории блокад — военно-морские и коммерческие. Но нам следует расширить классификацию. Военно-морские блокады также варьируются по целям и должны быть подразделены на группы. Строго говоря, термин подразумевает желание закрыть подвергшиеся блокаде порты и предотвратить выход в море судов противника. Но это не всегда цель. Бывает, что нашим желанием, наоборот, является его выход в море и вступление с нами в бой, а чтобы навязать ему бой до того, как он достигнет цели, ради которой вышел в море, мы должны вести более или менее близкое наблюдение за портом. Для этой операции нет специального названия. И хотя цели значительно отличаются друг от друга, такие операции тоже обычно называют блокадами, и хорошо известно, как активно Нельсон протестовал против возникающей путаницы. «В мои намерения не входит ведение близкого наблюдения за Тулоном», — писал он. И далее: «Моя система противоречит блокаде. Противнику предоставляется любая возможность, только бы он вышел в море». Поэтому желательно принять термины, которые различали бы эти две формы блокады. Понятия «открытая» и «закрытая» выражают антитезис, предложенный письмом Нельсона, и два термина достаточно ясно выражают отличительные черты каждой операции. Правда, закрытая блокада больше не считается полезной и применимой, но антитетические идеи, которые подразумевают две формы блокады, не могут быть устранены из стратегических соображений. Только с учетом связи этих двух форм, как бы они ни видоизменились в будущем, может рассматриваться стратегия военно-морской блокады.

Что касается коммерческой (торговой) блокады, в строгом анализе она должна быть исключена из вопроса, касающегося методов установления господства, и пере-

ведена в ту часть осуществления господства, которая занимается нападением на торговлю и ее защитой. Однако отдельные ее аспекты необходимо рассматривать в связи с военной блокадой. На то есть две причины. Во-первых, военно-морская блокада, как правило, неразрывно связана со второстепенной торговой блокадой. Во-вторых, коммерческая форма, хотя ее непосредственной целью является осуществление контроля, почти всегда имеет последующую цель, связанную с установлением контроля. Иначе говоря, если ее непосредственная цель — закрыть торговые порты противника, то более далекая цель — заставить флот противника выйти в море.

Таким образом, коммерческая блокада тесно связана с блокадой военно-морской в ее открытой форме. Мы применяем эту форму, когда хотим, чтобы флот противника вышел в море, а коммерческая блокада обычно является наиболее эффективным средством заставить его это сделать. Закрыв торговые порты противника, мы проявляем высшую степень власти, которую дает нам господство на море. Мы мешаем движению его национальной активности на море таким же образом, как военная оккупация территории на берегу. Противнику остается или покорно подчиниться худшему, что может навлечь на него поражение на море, или вступить в бой, чтобы освободиться. Он может счесть для себя приемлемым тот или иной курс, но в любом случае мы больше ничего не можем сделать, применяя чисто военные средства, чтобы навязать ему свою волю.

Длительная, строгая и непрерывная блокада почти наверняка изнурит противника раньше, чем нас, но цель будет далекой и весьма дорогостоящей. Поэтому, как правило, если мы обладаем существенным преимуществом, противник предпочитает подчиниться коммерческой блокаде, надеясь, что впоследствии его положение может улучшиться и он сумеет освободиться. Мы практически всегда хотим выманить его из порта и решить спор в сражении, и представляется очевидным, что слишком строгая и долгая военная блокада — не лучший способ достичь желаемой цели или стратегического результата, которого мы вправе ожидать от торговой блокады. Следовательно,

там, где стремление решить вопрос в сражении не пересекается с высшими военными соображениями, как в случае неминуемого вторжения, или если мы сами собираемся предпринять важную экспедицию, в наших интересах склонить врага к более смелому выбору.

В качестве средства для этого противника можно поманить перспективой успеха или заставив его поверить, что блокирующие силы слабее, чем они есть на самом деле, или отведя их на такое расстояние, что у него появится искушение попытаться ускользнуть. Яркий пример открытой блокады — диспозиция флота Нельсона в районе Кадиса, когда он стремился вступить в бой с Вильневом в 1805 году. Но просто оставление порта открытым еще не воплощает идею открытой блокады, и в этом случае для большего искушения Нельсон добавил торговую блокаду смежных портов, надеясь, что таким образом Вильнева в море выгонит голод.

И в заключение, сравнивая два вида блокад, мы должны заметить, что закрытая блокада есть метод обеспечения местного и временного господства. Ее главная цель — не позволить флоту противника действовать в определенном районе ради конкретной цели. А открытая блокада, имея целью уничтожение вражеского флота, есть определенный шаг к обеспечению постоянного господства.

Было сказано достаточно для того, чтобы показать: вопрос выбора между закрытой и открытой блокадой чрезвычайно сложен. В специальной литературе старые британские флотоводцы делятся на две школы по их отношению к упомянутому выше вопросу. Одни всегда предпочитали открытую форму, другие — закрытую. Если верить этой же литературе, выбор всегда зависел от боевого духа командира. Если его военный дух высок, он выбирал закрытую и более обременительную форму. Если же его боевой дух был не на высшем уровне, он предпочитал открытую и менее обязывающую форму. Нас убеждают, что приверженцы второй школы основывали свои возражения против закрытой блокады на чрезмерной амортизации флота, которая при этом подразумевается. Однако часто выдвигаются предположения, что это отношение является не более чем маской отсутствия боевого духа.

Очень редко, а может быть и вообще никогда, нам предлагается сравнить их решения с соответствующим стратегическим намерением, с риском, который оправдывает условия, или с расходом энергии, которого может законно потребовать желаемый результат. Но все эти соображения могут влиять на выбор, и при ближайшем рассмотрении характерных примеров можно обнаружить, что они имеют поразительную и практически постоянную связь с характером применяемой блокады.

При рассмотрении открытой блокады следует помнить о трех постулатах. Во-первых, поскольку наша цель — выманить противника в море, наша позиция должна быть такова, чтобы дать возможность это сделать. Во-вторых, если мы хотим установить контакт для решающего сражения, эта позиция должна быть не слишком далеко от порта противника, чтобы успеть навязать ему бой раньше, чем он успеет выполнить свою задачу. В-третьих, нельзя забывать об экономике, иначе говоря, идея заключается в том, чтобы применить метод, наименее затратный для нашего флота, который лучше всего сохранит его готовность к сражению. По последнему пункту мнения расходятся. Закрытая блокада всегда изматывала флот, и так, собственно, и должно быть. Но с другой стороны, бытовало мнение, что это истощение компенсируется высоким настроением и моральным превосходством, которое поддержание закрытой блокады создает во флоте. Вместе с тем относительная свобода и спокойные вахты ведут к ухудшению морального состояния людей. Прежде чем рассматривать противоположные взгляды, необходимо принять во внимание один факт. Обычно считается, что альтернативой закрытой блокады является наблюдение за противником из одного из наших портов, но это не представляется важным. Что действительно требуется, так это внутренняя и, по возможности, секретная позиция, которая сделает контакт надежным. При современном развитии средств дальней связи такую позицию обычно лучше оборудовать в море, чем в порту. Наблюдательная позиция может быть занята без напряжения, связанного с навигационными опасностями и постоянными атаками, не жертвуя морской выучкой. Имея в виду этот очень практический момент, мы можем перейти к тестиро-

ванию достоинств двух форм блокады абстрактными принципами.

Всегда считалось, что закрытая военно-морская блокада была самой слабой и наименее желательной формой военных действий. И здесь снова когда мы говорим «самой слабой», то не имеем в виду «наименее эффективной». Просто она сильно изматывает и требует больше сил, чем те, против которых мы действуем. Причем не потому, что блокирующий флот, имеющий выгодную тактическую позицию, по каким-то причинам не сможет вступить в бой и победить вышедший из порта флот противника такой же численности. Дело в том, что для поддержания его эффективности необходимы большие резервы для подкрепления. Утомление людей и кораблей оказывалось столь велико, что даже самые активные сторонники системы соглашались, что по крайней мере пятая часть кораблей должна постоянно находиться на профилактике и ремонте. В каждом случае командование осуществляли два адмирала, сменявшие друг друга. В 1794 году один из крупнейших авторитетов посчитал, что для поддержания эффективной закрытой блокады Бреста было необходимо две смены высших офицеров и не менее четверти эскадры всегда должно находиться в порту¹.

Эти слабые места, присущие закрытой блокаде, естественно, оказали влияние на оценку ее значения. Конечно, весомость возражений имела тенденцию к уменьшению по мере совершенствования искусства мореплавания, материальной базы и организации, но они всегда оставались существенным фактором. Понятно, что они оказывали на одних людей больше влияния, чем на других, но верно и то, что, если мы проследим изменение мнения о проблеме, окажется, что это далеко не единственный определяющий фактор.

Впервые продолжительные закрытые блокады систематически использовались во время Семилетней войны при

¹ Так писал капитан Филипп Паттон сэру Чарльзу Миддлтоуну. У Паттона был самый богатый военный опыт из всех находившихся на службе офицеров. Считалось, что он отлично знает кадры. Став вице-адмиралом, в 1804 году при Бархаме Паттон стал вторым морским лордом. (Примеч. авт.)

Энсоне, но начало им положил Хок. В первых трех кампаниях старая система наблюдения за Брестом из западного британского порта еще оставалась в моде, но она дважды оказалась неспособной предотвратить концентрацию французов на жизненно важном канадском театре. Весной 1759 года Хок командовал флотом на Канале, имея обычные инструкции вести наблюдение. Получив приказ выяснить ситуацию в Бресте, Хок настоял на том, чтобы остаться в районе порта, а не возвращаться в Торбей. Он объяснил это тем, что обнаружил в Бресте эскадру, которая, по его мнению, была готова отправиться в Вест-Индию, и считал более предпочтительным не дать ей выйти в море, чем позволить ей это, а потом устремляться в погоню. Иными словами, он утверждал, что ни один из используемых для наблюдения западных британских портов не обеспечивает позицию, достаточно близкую к традиционному морскому пути из Бреста в Вест-Индию.

Поскольку слухи о вторжении витали в воздухе, конечно, было предпочтительнее иметь дело с вражескими эскадрами в их водах и избежать рассеяния флота для их поисков. Поэтому, несмотря на необычайно плохую погоду, Хоку было разрешено действовать по своему усмотрению. С тех пор начала применяться новая форма блокады, причем с большим успехом. Но следует помнить, что этот успех был достигнут скорее благодаря тому, что французы больше не делали попыток пересечь Атлантику, нежели связан со строгой блокадой, которая не позволяла им этого. При некоторых погодных условиях британский флот был вынужден снимать блокаду и уходить в Торбей или Плимут. Подобные временные переходы на открытую форму почти всегда предоставляли французам возможность уйти на юг, причем с двух-трехдневной форой. Однако против любых попыток уйти в восточном или северном направлении, чтобы оспорить господство на Канале, система была достаточно эффективной, и промежутки открытой блокады на нее не влияли.

Возможно, именно эти соображения во время американской Войны за независимость побудили такого превосходного офицера, как Хау, стать на сторону возврата к старой системе. Самый важный театр снова располагался

по ту сторону Атлантики, и серьезной подготовки к вторжению не было. Также следует помнить, оценивая Хау и Хока, что в Семилетней войне Британия имела превосходство на море, позволявшее ей иметь достаточные резервы для поддержания закрытой блокады, а в Войне за независимость британцы были в меньшинстве перед лицом враждебной коалиции. Поскольку было невозможно помешать французам добраться до Вест-Индии и Северной Америки, если они вознамерились это сделать, британцы решили следовать за ними флотом такой же численности, снизив до минимума количество кораблей, оставшихся дома. Оставшийся флот мог быть в меньшинстве в сравнении с флотом противника, поскольку не приходилось сомневаться, что все попытки действий на Канале будут производиться громоздкими и не имевшими опыта совместных операций объединенными франко-испанскими силами.

По мнению Хау, ситуация не могла разрешиться попыткой приблизиться к Бресту, но было бы большим заблуждением считать это мнение универсальным, выходящим за пределы конкретных обстоятельств. Он был уверен, что не должен приближаться к Бресту. Противник, считал он, всегда сможет уйти, как только ветер заставит блокирующую эскадру отойти или рассеяться. При этом корабли получают повреждения, а противник — моральное преимущество. «Враг, — говорил он, — не должен удерживаться от выхода в море блокированием порта эскадрой, едва ли превосходящей противника по численности». Опыт 1805 года, на первый взгляд, противоречит этому утверждению. Тогда не превосходящая по численности противника эскадра помешала выходу в море Гантома, но, хотя эскадра действительно вряд ли была более многочисленной, чем флот противника, она имела резервы, вполне достаточные, чтобы поддерживать ее эффективность. Тем более, ей лишь очень короткое время пришлось иметь дело с реальной попыткой выхода в море. После 20 мая Гантому было запрещено выходить в море. Хотя во время той знаменитой блокады у него было несколько возможностей уйти на юг, если бы Наполеон пожелал.

Так что этот случай не может рассматриваться как аргумент против суждения Хау. У него была специальная

функция в военном плане. Имея силы, уменьшенные до предела необходимой обороны, он должен был не дать противнику установить господство в британских водах. В его обязанности определенно не входило участие в операциях с превосходящими силами противника. Он должен был сохранить свою эскадру для выполнения ее главной задачи. Для этого он решил прибегнуть к открытой блокаде, основанной на резерве в районе Спитхеда или Сент-Хеленс, где он мог разумно использовать свои корабли и обучать новобранцев, одновременно защищая свои торговые пути и угрожая торговле противника. Кемпенфельт, не бывший сторонником активных действий, полностью одобрил такую политику, по крайней мере на зимние месяцы, и в этом случае никто не осмелился предположить, что идея подсказана недостатком боевого духа или любовью к легкости. В течение лета не было споров о том, надо ли флот держать в море, поскольку обучение людей в море более чем компенсировало ущерб, нанесенный плохой погодой. Даже для зимы два политических курса в основном сошлись. Так в блокаде Хока в конце 1759 года, в самый критический месяц — с середины октября до середины ноября — он не мог занимать свою позицию почти половину месяца, а когда все же установил контакт с Конфланом¹, — это было сделано из Торбея, а не из Ушанта. Тем не менее можно сомневаться, закончилось бы сражение при Кибероне так, если бы не уверенность, которую вселило дежурство Хока.

Обобщив весь предшествующий опыт, Кемпенфельт выступил за то, чтобы флот на зимние месяцы остался в порту. «Предположим, — писал он из Торбея в ноябре 1779 года, — противник выведет свой флот в море (из Бреста) — что для нас в высшей степени желательно. Так давайте поступим мудро и оставим наш флот в порту. Пусть они будут отданы на милость долгих ночей и порывистых ветров. Погода сделает больше, чем сможем мы». Он считал, что значительно лучше посвятить зиму подготовке флота к следующей кампании, чтобы получить преимущества появления «первым на поле боя». «Давай-

¹ Маршал де Конфлан командовал флотом в Бресте.

те, — писал он, — держать крепкую эскадру в западной части, чтобы следить за передвижениями противника. Я не имею в виду оставлять их в море на волю бушующей непогоде. Корабли должны оставаться в Торбее и быть готовыми к действию в соответствии со сведениями разведки». Следовательно, вывод о том, что закрытая блокада всегда была лучшим способом сделать флот наиболее эффективным для выполнения предназначенных ему функций, не следует делать слишком поспешно. Причины, заставившие Хау и Кемпенфельта отдать предпочтение открытой блокаде, основывались именно на этом соображении. Проанализировав всю совокупность окружающих условий, опытейшие флотоводцы пришли к выводу, что тщательная подготовка зимой и тактические передвижения летом — самый надежный путь к обеспечению боевой готовности своего флота.

С другой стороны, необходимо помнить, что во время американской Войны за независимость открытая система не была успешной. Но прежде чем отречься от нее, следует сказать, что причины неудач не были неотъемлемо присущими системе. Во-первых, необходимость оказания помощи Гибралтару время от времени мешала западной эскадре полностью посвятить себя наблюдениям. Во-вторых, из-за плохого управления в зимний период не уделялось достаточно энергии подготовке флота к весне. И наконец, следует признать, что отсутствие успеха было вызвано не столько тем, что французам удалось пересечь Атлантику, а неспособностью разобраться с ними, когда контакт был установлен в месте назначения. Ясно, что ничего нельзя сказать в пользу политики «поиска», так же как и против политики недопущения выхода в море, если вы не готовы, обнаружив противника, уничтожить его или быть уничтоженными. Здесь не хватало Роднея и его товарищей. Система оказалась неудачной из-за плохого исполнения, так же как и из-за плохого замысла.

В следующей войне Хау все еще был на подъеме и командовал флотом на Канале, сохранив свою систему. Оставив Брест открытым, он заставил французов выйти в море, действуя против их торговли, и был вознагражден сражением 1 июня. Следующей зимой не делались попытки под-

держивать закрытую блокаду. Французам было позволено выходить в море, и их гибельное плавание в январе 1795 года полностью оправдало ожидания Кемпенфельта. Ущерб оказался настолько велик, что они были вынуждены отказаться от использования флота в целом. Система Хау продолжала использоваться, но не всегда с успешными результатами. В 1796 году французы смогли высадиться в Ирландии, и Хау навлек на себя суровую кару. Его метод с презрением противопоставляли использованному Сент-Винсентом¹ четырем годами позже, не анализируя ситуацию, с которой столкнулся каждый из адмиралов, и полагая, что закрытие Бреста могло бы решить одну проблему так же, как решило другую.

В 1796 году англичане не занимали оборонительную позицию, как это было в 1800-м. Французский флот был практически уничтожен. Угрозы вторжения не было. Имея целью навязать мир, британская политика была нацелена на наступательные действия по отношению к французской торговле и территории, чтобы общее давление подкрепило наши попытки урегулирования. Политика могла быть ошибочной, но вопрос не в этом, а в том, была ли пригодна стратегия для этой политики. Нельзя забывать, что Британия также находилась в состоянии войны с Голландией и ожидала войны с Испанией, что заставляло нас принимать меры для обороны Португалии. В этих обстоятельствах ничто не могло быть дальше от ее стремлений, чем держать то, что осталось от брестского флота в порту. Англичане надеялись посредством наступательных действий против французских морских интересов заставить французов поставить себя под удар, выйдя на их защиту. Послать флот, чтобы закрыть Брест, означало ослабить его для наступления, а значит, сыграть на руку противнику. Диспозиция домашнего флота англичан была разработана для сохранения его наступательной мощи и одновременно для обеспечения превосходства в любой части своих вод, где противник может нанести контрудар. Флот был распределен по трем боевым эскадрам: одна — в Северном море, другая — перед Брестом и одна, крейсирую-

¹ Лорд Сент-Винсент, он же сэр Джон Джервис.

шая на западе с сильным резервом, — в Портсмуте. Причем расположение резерва нередко высмеивалось теми, кто, обладая весьма поверхностными взглядами, предполагал, что это был резерв эскадры, блокирующей Брест. В действительности это был общий резерв, предназначенный для действий в Северном море или в любом другом месте, где он может потребоваться. Одновременно он служил учебным и базовым центром для наращивания британской боевой мощи на море, ввиду возможного добавления испанского флота к наполеоновским военноморским силам. Врагу было бы желательно изнурить наш флот, единственно чтобы предотвратить рейды, покинув Брест (это также мог быть Тексель или Дюнкерк). Диспозиция по сути была хорошим примером концентрации, то есть расположения вокруг стратегического центра, чтобы сохранить гибкость для наступления, не рискуя нуждами обороны, и все же самые рьяные сторонники концентрации и наступательных действий с жаром обличали эту диспозицию.

В конце концов диспозиция действительно не смогла предотвратить высадку части сил противника в Ирландии, но она сделала предприятие настолько трудным, что его пришлось задержать до середины зимы, а потом погода, сделавшая возможным уклонение, прервала экспедицию, лишив ее всех шансов на серьезный успех. На деле это был еще один пример действия правила Кемпенфельта относительно зимней погоды. С точки зрения военноморской обороны диспозиция отвечала всем необходимым требованиям. Ирландская экспедиция была замечена британскими крейсерами при выходе из Бреста. Об этом было доложено Колпойсу, который находился неподалеку с боевой эскадрой, и только плотный туман позволил экспедиции ускользнуть. По сути, это был побег не более чем небольшой группы кораблей — случайность, от которой не застрахована ни одна оборона на море, тем более зимой.

Система Хока возродилась в конце 1800 года при совершенно иных условиях. Приход Сент-Винсента к командованию флотом совпал с решением Наполеона взять в свои руки судьбу Франции. Началось великое противостояние. Принимаемые им меры наглядно продемонстри-

ровали, что англичане снова оказались лицом к лицу со старой борьбой не на жизнь, а на смерть за превосходство на море. Над Великобританией нависла угроза вторжения, при этом у нее имелось явное превосходство на море. Короче говоря, англичанам пришлось признать, что методы Семилетней войны получили вторую жизнь, возродились былые проблемы и факторы. Когда проблемы усложнились, что произошло после Амьенского мира, а угроза вторжения стала, как никогда, реальной, возросло и стремление к закрытой блокаде. При Корнуоллисе и Гарднере она поддерживалась таким образом, чтобы не допустить, конечно насколько это в человеческих силах, все возможности выхода без боя. Несмотря на важность уничтожения вражеских сил по частям, никто не рисковал навязать Гантому решительные действия. Первейшей необходимостью англичан было абсолютное местное господство. Острота кризиса, связанного с возможным вторжением, требовала, чтобы брестский флот оставался в порту, и всякий раз, когда Гантом пытался высунуться, британский адмирал загонял его обратно. Только однажды в течение всего кризиса строгость блокады слегка ослабла, но лишь для того, чтобы справиться с тем, что на тот момент было более важно. Имеется в виду встреча Вильнева, вернувшегося из Вест-Индии, но даже тогда период смягчения был так точно рассчитан, что у Гантома не хватило времени им воспользоваться.

Аналогии между условиями блокады, которые ввел Сент-Винсент, и условиями Семилетней войны становятся еще более важными, когда мы замечаем, что в то время, как Корнуоллис и Гарднер в своих водах вели закрытую блокаду с максимальной строгостью, Нельсон на Средиземноморье не использовал этот метод вообще. А ведь его главной заботой тоже было предотвращение вторжения. Его основной задачей, как ее видел и он, и его правительство, было не допустить десант из Южной Франции на территорию Неаполя или Леванта. Тогда почему он не использовал блокаду? Обычно считается, что он стремился навязать бой тулонской эскадре. Некоторые отрывки из писем Нельсона подтверждают это мнение, однако его диспозиции не оставляют сомнений в том, что желание вступить в бой было

сугубо вторичным по отношению к оборонительной позиции, которая была ему поручена. Закрытая блокада была самым эффективным средством достижения этой цели, однако в рассматриваемом случае не было одного из условий, всегда сопровождающих успешную блокаду. Нельсон не имел достаточного превосходства сил, которое могло позволить ему вести блокаду по всем правилам военного искусства. Сложившиеся условия и силы, которые имелись в его распоряжении, не позволяли ему пойти на закрытую блокаду.

Мы имеем и подтверждение этой позиции, написанное рукой Нельсона в 1801 году. Это весомое доказательство, ведь в это время Нельсону была поручена защита Англии от вторжения. Располагая несколькими эскадрами крейсеров, он должен был предотвратить выход вражеских кораблей из нескольких портов — от Флашинга до Дьепа. Сам Нельсон командовал операциями из Даунса. С приходом зимы он посчитал нецелесообразным пытаться продолжать закрытую блокаду и написал в адмиралтейство следующее: «Я считаю, и выношу свое мнение на суд ваших лордств, что следует позаботиться о содержании наших эскадр в компактности и порядке... в районе Дангенесса. В хорошую погоду эскадры могут показываться в море, но не рисковать, не получать повреждения и не позволять выманить себя в Северное море. Так мы всегда можем быть уверенными, что располагаем эффективными силами, которые могут вступить в бой, если возникнет необходимость».

Конечно, пример не вполне типичный, потому что он касается вопроса прямого сопротивления вторжению, а не обеспечения господства на море. Его значение заключается в том, что он характеризует взгляды Нельсона на баланс рисков, то есть риск ослабления закрытой блокады против риска снижения эффективности кораблей, подерживая ее слишком рьяно.

Учитывая, что таковы были взгляды Нельсона, неудивительно, что даже в 1804 году в Великобритании еще не сложилось общее мнение относительно сравнительных преимуществ открытой и закрытой блокады даже в случае угрозы вторжения. За год до Трафальгара Корнуоллис тре-

бывал от адмиралтейства дополнительных сил, чтобы поддерживать эффективную блокаду. Лорд Мелвилл, рядом с которым был Бархам, в ответ рекомендовал «политику смягчения строгости блокады, к которой прибегали ранее». Он возразил, что имеющихся в его распоряжении средств «недостаточно для поддержания необходимой военно-морской мощи, если ваши корабли будут разорваны на куски в вечном конфликте с погодой во время бурных зимних месяцев». Мелвилл жаждал решающих действий, чтобы ослабить невыносимое напряжение. «Позвольте мне напомнить, — далее писал он, — что случаи, когда нам удалось заставить противника вступить в бой и привести наши флоты к победе, главным образом имели место быть, когда мы находились на удалении от блокирующих позиций». Как мы знаем, в конце концов Корнуоллис добился своего, и вердикт истории одобрил это решение за один только его моральный эффект. Подобные конфликты должны возникать всегда. «Война, — как утверждал Вульф, — это выбор трудностей», и выбор всегда склоняется к одной или другой стороне, в зависимости от обстоятельств, способствующих применению той или иной формы. Невозможно утверждать, что закрытая блокада лучше открытой или наоборот. Это всегда зависит от сопутствующих условий, и решение следует принимать относительно каждого конкретного случая.

Значит ли это, что нет никаких принципов, которые мы могли бы вывести на основе опыта, чтобы упростить принятие решения? Некоторые общие направления, конечно, можно проследить. Главный вопрос заключается в следующем: на пользу ли нам, согласно всем стратегическим условиям, сдерживание противника и выманивание его в море для решительной акции? Предположим, наша политика всегда требует добиваться решения как можно быстрее. Это желание может перевесить необходимость или особая выгода от закрытой блокады одной или нескольких вражеских эскадр. Ситуация может складываться по-разному. Во-первых, может оказаться жизненно важно обеспечить местное и временное господство на определенном оперативном театре, например, если существует угроза вторжения, или если мы хотим переправить

на этом участке военную экспедицию, или по какой-то причине возникла острая необходимость, связанная с нападением на торговые пути или их защитой. Во-вторых, даже если мы стремимся к решительным действиям, можно организовать закрытую блокаду одной эскадры, чтобы навязать сражение в наиболее выгодном для нас месте. Иначе говоря, мы можем блокировать одну или несколько эскадр, чтобы вынудить противника силами одной или нескольких других эскадр пойти на прорыв блокады. Так мы заставляем противника или поставить себя под удар, чтобы быть разгромленным по частям, или сконцентрировать свои силы там, где удобно нам.

По любой из указанных причин мы можем решить, что лучший способ реализации нашей цели — использование закрытой блокады, однако вопрос гораздо более широк. Нам еще следует решить, по силам ли нам закрытая блокада и будет ли она средством наилучшим образом использовать военно-морской флот, имеющийся в нашем распоряжении. Закрытая блокада, как более изнурительная форма, потребует больше сил. Мы не можем вести ее достаточно долго, не имея численного превосходства. Но если посредством открытой блокады мы позволяем эскадре противника выйти в море с гарантированным контактом, то знаем, что, даже если наши силы уступают противнику, у нас есть все шансы справиться и не позволить ему установить местный контроль и сломить нашу оборону или серьезно помешать нашей торговле.

И наконец, существует вопрос риска. В прежние времена, предшествовавшие свободному движению и беспроволочному телеграфу, и до того, как флотилия приобрела боевую мощь, всегда был риск не успеть установить контакт вовремя и предотвратить трагедию. Это соображение было доминирующим, когда противник имел эскадру в пределах или поблизости от критического театра военных действий. Поэтому при угрозе вторжения установившейся политикой Британии была закрытая блокада Бреста, причем любой ценой. Всегда существовала вероятность, что благодаря хитрости или изменению направления ветра эскадра, расположенная близко к линии вторжения, может получить временное господство в жизненно важном райо-

не раньше, чем ей будет навязан бой. Эту возможность никогда не осознавали в «узких местах» (Ла-Манш и Ирландское море), и, поскольку мобильность флотов и средства дальней связи получили большое развитие, а возможности сопротивления флотилии стали достаточно высоки, риск стал значительно меньше, чем это было раньше, и возможности для открытой блокады менее ограниченными.

Нет никакой необходимости считать эти принципы бесспорными. Даже если взять великую блокаду 1803—1805 годов, которая, собственно, и определила последующие взгляды на проблему, можно поспорить, причем с достаточной степенью правдоподобия, что ситуация могла быть разрешена быстрее и эффективнее, если бы Гантому позволили выйти из Бреста, так же как адмирал Того позволил русским выйти из Порт-Артура, хотя основания держать их в порту у него были гораздо весомее, чем у британцев в 1805 году. Но в любом случае все свидетельства не оставляют сомнений в том, что закрытая блокада — слабая форма ведения военных действий. В современных условиях возможности открытой блокады расширились, а трудности и опасности закрытой блокады не уменьшились. Также возможно, что определенные преимущества закрытой блокады, которые имелись в эпоху парусного флота, утратили значительную часть своей силы. Когда парусный флот заперт в порту, люди быстро теряют боевой настрой, но это еще не все. Без постоянных тренировок в море невозможно обеспечить эффективность флота, в то время как блокирующий флот постоянно находится на подъеме, чему способствует постоянное напряжение, вызванное необходимостью проявления бдительности и окружающими опасностями. Пока напряжение не превысило пределов человеческой выносливости, оно приносит пользу. В прежние времена превысить пределы было довольно сложно, неудобства, связанные с утомительным бодрствованием, с лихвой компенсировались бьющей через край уверенностью в день сражения. Можем ли мы ожидать аналогичной компенсации в наши дни? Останется ли баланс силы и слабости таким же, как раньше? Учитывая радикальные изменения условий и недостаток опыта за ответом следует обращаться к общим принципам.

Какова же в действительности неотъемлемо присущая закрытой блокаде слабость? Стратегическая теория сразу даст ответ, что это операция, которая включает в себя «сдерживание наступления», то есть ситуацию, избыточную отрицательными сторонами. Закрытая блокада по сути своей — наступательная операция, хотя ее цель, как правило, негативна, то есть это движение вперед, направленное на то, чтобы не позволить врагу провести наступательные операции прямо или посредством контрударов. Пока с обычной тенденцией путать «поиск вражеского флота» с «превращением побережья противника в свою границу» можно мириться. Но две операции существенно различаются по своим целям. При «поиске» наша цель — вооруженные силы противника. При «превращении побережья» цель неотделима от последующей цели военных действий на море. В этом случае цель — общественные коммуникации. Установив блокаду, мы ведем наступательную операцию против этих коммуникаций. Мы занимаем их и после этого больше ничего не можем сделать. Наше наступление останавливается. Мы не можем вести его дальше к уничтожению флота противника. Приходится ожидать в обороне, удерживая захваченные коммуникации, пока противник не решит идти на прорыв. А в период, пока наступление остановлено, внезапность — важнейшее преимущество в войне — переходит к противнику. Мы остаемся в обороне, не имея никаких материальных преимуществ обороны. Моральное преимущество захвата инициативы остается за нами, но это все. Преимущество, которое мы таким образом получаем, конечно, будет иметь такой же гнетущий эффект в отношении блокируемого флота, как и раньше, но вряд ли в столь же большой степени. Деграция парового флота в порту едва ли может быть такой же быстрой и иметь такое же расслабляющее влияние, как в то время, когда девять десятых искусства мореплавания зависело от умения обращаться с парусами. Для блокирующего флота верно и то, что влияние погодных условий, которое раньше было главной причиной повреждений, стало намного менее выраженным. С другой стороны, физическое напряжение для матросов и офицеров и трудности снабжения стали больше, по крайней мере, если исполь-

зубое топливо — уголь. Ветер больше не ограничивает перемещения противника. Бдительность постоянная и неусыпная, какой не знали наши предки, является уделом команд блокирующего флота, чтобы не допустить внезапного нападения. Более того, в прежние времена внезапность означала в худшем случае побег противника. Сейчас она может означать уничтожение блокирующего флота мины или торпедой. Вдаваться в детали, как говорится, нет необходимости. Представляется очевидным, что закрытая блокада старого типа в современных условиях демонстрирует отрицательные черты «сдерживаемого наступления» в такой высокой степени, которая практически исключает ее использование.

Что же делать? Следует ли нам довольствоваться в любых ситуациях системой Хау, которую более зрелый опыт признает неприемлемой для случаев острой необходимости? Нельзя ли старой закрытой блокаде придать современную форму? Конечно можно. В старые времена блокирующий флот оставался за пределами дальности действия береговых батарей и занимал эту позицию постоянно с помощью прибрежной эскадры. В наши дни мобильной обороны этот предел, по аналогии, есть ночная дальность эсминцев и дневная дальность подводных лодок, то есть половина расстояния, которое они могут пройти между наступлением темноты и рассветом и рассветом и наступлением темноты соответственно, если только внутри этого предела не может быть создана защищенная от торпед база. Теоретически блокада такого характера будет относиться к закрытой блокаде старого типа, но не практически, что и было доказано японской блокадой Порт-Артура. Расстояние, на котором должна оставаться боевая эскадра, на первый взгляд, исключает уверенность непосредственного контакта, что является сущностью закрытой блокады. На деле же многочисленные новые факторы, о которых уже говорилось, значительно уменьшают это расстояние. Более быстрые и совершенные средства связи между адмиралом и его разведчиками, абсолютная свобода движения и способность задержать выход противника в море путем минирования представляются достаточными, чтобы вернуться к старым

отношениям. В Порт-Артуре так и было. В таком случае если наша главная цель — задержать противника в порту, тогда нет никаких причин не построить диспозицию на принципе закрытой блокады. Расстояния будут больше, но и только.

Не следует забывать и о том, что занять позицию на некотором удалении от порта — не единственный способ закрытой блокады порта эскадрой. Она может, по крайней мере временно, выполнять свои функции, поддерживая минные заградители или блокшивы¹. Последний прием в последнее время не имел успеха, но даже во время Русско-японской войны его возможности никоим образом не были исчерпаны. Посему можно сделать вывод, что, если стратегические условия требуют организации закрытой блокады, план операции следует изменить в этом направлении с учетом средств, имеющихся в нашем распоряжении.

Если же наша цель не жизненно важна, если, несмотря на желание не выпустить противника в море, мы готовы пойти на риск, чтобы спровоцировать решительные действия, ситуация не столь ясна. Следует заметить, что свобода, которую новые условия придают закрытой блокаде, должна все больше и больше приближать ее на практике к открытой блокаде. Возникает вопрос: почему бы тогда не применить именно открытую блокаду? Так чисто оборонительная позиция заменит сдерживаемое наступление, что теоретически является большим преимуществом. Практическая выгода, какими бы ни были соответствующие недостатки, также ясна, причем недостатков сейчас не стало больше, чем было при Хау и Кемпенфельте. Мы избегаем износа механизмов, расхода угля, утомляемости людей, и это, во всяком случае для защиты флотилии, очень важно. Мы имеем возможность занять позицию, исключающую внезапное нападение, и постоянно поддерживать высокую ударную мощь флота. И наконец, если географические условия позволяют надеяться на контакт, более вероятным становится быстрое решение, так необ-

¹ Б л о к ш и в — старое несомоходное судно без оборудования и механизмов, используемое для жилья или в качестве склада.

ходимое в современной войне. Конечно, при такой диспозиции контакт редко может быть установлен со всей определенностью. Противник, для которого блокада предполагает стремление уклониться от столкновений, всегда будет иметь возможность уклониться, но это же относится и к самой закрытой блокаде, возможной в настоящее время. Мы можем пойти дальше и потребовать открытой блокады, утверждая, что при благоприятных условиях она может дать лучший шанс контакта. Поскольку, принимая принцип открытой блокады, мы будем иметь, согласно теории обороны, дополнительные преимущества, а именно сможем лучше замаскировать свои позиции и, следовательно, приготовить ловушки для противника, вроде приготовленных Нельсоном Вильневу в Лионском заливе в 1805 году.

Возражение этому курсу, имеющее максимальный вес для современников, принадлежит к числу моральных и является неотделимым от всех неслучайных альтернатив обороны. Если наблюдательный флот остается на домашней, хорошо укрепленной базе, можно предположить, что начнется обычная моральная деградация. Но метод не влечет за собой бесславную безопасность такой базы. Надежная позиция вполне может располагаться на «пяточке», как тот, что занял адмирал Того, ожидая балтийский флот. В этом случае никакой деградации не наблюдалось. К тому же нет никаких свидетельств того, что это возражение имело существенный вес среди идеологических оппонентов Хау. Открытая блокада оставляет противнику слишком много свободы для нападения на наши торговые пути. Система наблюдения должна обеспечивать удержание флота противника в порту или его вступление в бой, но она не может контролировать рейдерские эскадры. Так считал Бархам. «Если, — писал он Питту в 1794 году, — у французов будут намерения послать свой флот в море с началом восточного ветра, а лорд Хау останется в Торбее, наш средиземноморский и ямайский конвой окажется в очень опасном положении. Оба флота должны к этому времени быть подтянуты к Каналу и не смогут войти в него, пока дует восточный ветер». О такой опасности следует помнить всегда, особенно в «узких местах», таких как

Северное море. На более обширных и открытых театрах военных действий трудность не столь заметна, потому что при значительных морских пространствах торговля может следовать таким путем, который будет прикрыт нашей диспозицией. Так, в тулонской операции Нельсона его постоянная позиция на побережье Сардинии эффективно защищала наш грузопоток в Левант и Королевство Обеих Сицилий.

Истина заключается в том, что, пытаясь сделать выбор между закрытой и открытой блокадой, мы сталкиваемся с трудностями, которые, собственно, и отличают войну на море от военных действий на земле. Мы не можем выбирать, находясь на сугубо военно-морской позиции. В войне на море, как бы велико ни было наше желание сконцентрировать свои усилия на главных силах противника, всегда появится следующая цель. Мы должны с самого начала делать все, что в наших силах, для контроля морских коммуникаций, и, поскольку эти коммуникации обычно являются общими, мы не можем удержаться от занятия коммуникаций противника, одновременно не оставляя без прикрытия свои. Так, в случае Бреста закрытая блокада всегда была желательнее, особенно в сезон конвоев, потому что главные торговые пути, которые проходят на расстоянии удара от порта, являлись общими. В районе Тулона они общими не были, за исключением тех, что проходили вдоль берега Африки и Южной Италии, а их открытая блокада Нельсона защищала достаточно хорошо.

Из сказанного можно сделать общий вывод, что, как бы высоки ни были чисто военно-морские и стратегические основания для установления открытой блокады, как лучшего средства воздействия на флот противника, все же неизбежное вмешательство другой цели — защиты торговли или обеспечения безопасности военных экспедиций — редко предоставляет нам полную свободу выбора. На деле следует быть готовым, по крайней мере периодически, оказаться перед необходимостью использования формы блокады, настолько приближенной к старой закрытой блокаде, насколько позволяют изменившиеся обстоятельства.

Глава 3

МЕТОДЫ ОСПАРИВАНИЯ ГОСПОДСТВА

I. Оборонительные операции флота — существующий флот

При изучении теории господства на море прежде всего стоит обратить внимание на следующее заблуждение: предполагается, что если мы не можем завоевать господство, значит, мы его потеряем. Это предположение, которое слишком часто фигурировало в стратегических спорах, в сущности, отрицает такую вещь, как стратегическая оборона на море, и игнорирует тот факт, что оспаривание командования — совершенно нормальная вещь в войне. Теория и история в этом вопросе едины. Они утверждают, что, если держава слишком слаба, чтобы завоевать господство путем наступательных операций, она может преуспеть, поставив его под сомнение посредством занятия общей оборонительной позиции.

То, что такая позиция сама по себе не может привести к позитивным результатам на море, ясно без слов, но тем не менее она может в течение длительного времени не позволять противнику добиться позитивных результатов, тем самым давая возможность другой воюющей стороне контролировать ситуацию, добившись своей цели на суше.

Англичанам очень редко приходилось прибегать к такой позиции, однако их противники ею отнюдь не брезговали, доставляя англичанам много беспокойства и нанося ущерб. Например, в Семилетней войне французы, избегавшие наступательных операций и ограничившиеся активной обороной, в течение пяти кампаний не позволяли британцам победить Канаду, что являлось их целью в войне. Если бы они рискнули прибегнуть к активным действиям силами своего боевого флота еще в первой кампании и результат оказался бы не в их пользу, англичанам наверняка удалось бы добиться своей цели намного быстрее. В конце концов им не удалось предотвратить покорение Канады, но все время, пока катастрофа откладывалась, французы имели все возможности вести насту-

пательные операции на территории, а это, по их мнению, должно было заставить нас отказаться от своих планов.

В последней великой морской войне Великобритании Наполеону удавалось путем уклонения от серьезных акций оспаривать господство на море до тех пор, пока ему не удалось посредством привлечения союзников и другими способами набрать силы, которые, по его мнению, были достаточными, чтобы гарантировать возврат к наступательным операциям. В конечном счете задача все равно оказалась для него непосильной, но, когда французы потерпели неудачу, и господство перешло к их противникам, у них оказалось достаточно времени, чтобы объединить свои силы настолько, что потеря флота не оказала своего пагубного влияния. Они продолжали борьбу еще девять лет.

Такие примеры — а их немало — показывают, каким серьезным делом является оборона на море в руках великой военной державы, имеющей другие средства для наступления. Они говорят нам, как трудно справиться с грамотно организованной обороной на море и как велика необходимость в ее тщательном изучении даже для сильнейшей морской державы.

Не только по этой причине, но также потому, что сильная морская держава, столкнувшись с коалицией, может найти для себя неприемлемым ведение решительных наступательных операций, не уменьшив временно свои силы в определенных районах до уровня, позволяющего только оборонительные действия. Показательный пример — положение англичан в американской Войне за независимость, когда, чтобы обеспечить адекватную концентрацию для наступления в Вест-Индии, они были вынуждены снизить численность оставшегося дома флота до уровня необходимой обороны.

Что же мы подразумеваем под военно-морской обороной? Чтобы дать правильный ответ, необходимо прежде всего освободиться от всех сбивающих с толку теней, отбрасываемых эпизодами сухопутной войны. Понятно, что и на суше, и на море оборона означает принятие определенных мер, направленных на отсрочку решения, пока военные или политические события не скорректируют баланс

сил таким образом, чтобы мы могли перейти в наступление. В армейских операциях самые распространенные оборонительные действия — это удерживание позиций и вынуждение противника, имеющего превосходящие силы, исчерпать свои возможности в атаке на них. Следовательно, идея военной обороны управляется концепцией укрепленных траншеями позиций и крепостей.

В войне на море дела обстоят иначе. В море основная концепция — это уклонение от решительных действий посредством стратегической или тактической активности, чтобы сохранить свой флот, пока ситуация не изменится в нашу пользу. В золотой век военно-морского флота ключом морской обороны была мобильность, а не покой. Идея заключалась в оспаривании контроля тревожащими операциями, чтобы осуществить контроль в любом месте и в любое время, когда появится шанс. Одновременно следует не давать противнику осуществить контроль, несмотря на его превосходство, постоянно отвлекая внимание на себя. Идея чистого сопротивления в войне на море едва ли присутствует вообще. Все решает контратака или на силы противника, или на его морские коммуникации. На земле, конечно, такие методы обороны тоже известны, но они относятся скорее к партизанской войне, чем к операциям регулярных армий. А в войне регулярных армий, хотя контрудары и отвлекающие операции тоже используются, основой является оборонительная или выгодная для обороны позиция.

Так же и в море. Хотя сутью обороны является мобильность и неустанный агрессивный дух, а не неподвижность и сопротивление, остальные аспекты тоже не исключаются. Но они используются в качестве последнего средства. Флот может временно удалиться в труднодоступные воды, где может подвергнуться атаке только ценой большого риска, или на укрепленную базу, полностью уйдя со сцены. На базе он вообще не может быть атакован исключительно силами флота. Но случаи, в которых могут использоваться такие приемы, на море более редки, чем на земле. По сути, если не считать отдельных сугубо временных мер, они вообще вряд ли могут считаться приемлемыми на море, хотя на земле имеют очень большое зна-

чение. Причина тому проста. Флот, уходящий на такую позицию, открывает для врага путь к чрезвычайно заманчивой для него цели — контролю над своими морскими коммуникациями, в то время как на земле армия, занимающая удобную позицию, может довольно долго защищать цель противника, коей обычно является территория. Армия, занимающая оборонительную позицию, помимо всего прочего, всегда принимает меры для того, чтобы исчерпать силы противника, скорректировать баланс в свою пользу. А бездействующий флот слишком часто позволяет противнику вести операции, которые истощают свою же собственную страну. Поэтому для морской державы оборона на море означает только поддержание активного существования флота — не просто существования, а активной и энергичной жизни. Важность идеи подчеркивает выражение «существующий (живущий) флот», если, конечно, понимать его правильно. К сожалению, восприятие этого выражения весьма однобоко из-за непонимания обстоятельств, в которых оно возникло. Его считают только одним конкретным классом обороны. Мы говорим о нем, как будто это, в сущности, метод защиты от вторжения, упуская более полное значение. Если его понимать как защиту от любых морских нападений, ведутся ли они против территории или морских коммуникаций, становится очевидным, что значение намного шире, и такое понимание даст нам концепцию идеи, существующей на флоте Великобритании.

Отлично демонстрирует особые возможности обороны на море следующий пример. В 1690 году, когда Великобритания в союзе с Голландией, и потому обладая значительным превосходством, вела войну с Францией, неожиданно возникла крайне невыгодная для нас ситуация в домашних водах. Французы, проявив удивительную скорость мобилизации и концентрации, начали поход на англичан, когда те еще не завершили ни мобилизацию, ни концентрацию. Король Вильгельм во главе лучших частей своей армии находился в Ирландии, помогая Джеймсу противостоять французскому вторжению, и эскадра из 7 кораблей под командованием сэра Клаудсли Шовела вошла в Ирландское море. Другая эскадра, состоящая из 16 боевых кораблей,

британских и голландских, была отправлена в Гибралтар под командованием адмирала Киллигрю, чтобы сопровождать торговые суда и следить за Шато-Рено¹, который с эскадрой несколько большей численности был в Тулоне. Существовало предположение, что он, вероятно, предпримет бросок к Бресту, где шла мобилизация французского флота под началом графа де Турвилля. У Киллигрю был приказ следовать за ним, если он пройдет через Гибралтар. Шато-Рено прошел. Киллигрю не сумел навязать ему бой и, вместо того чтобы немедленно последовать за ним, зашел в Кадис, чтобы завершить приготовления для сопровождения уходящего конвоя и эскортирования приходящего. Если принять во внимание практику более поздних времен, ему конечно же следовало оставить эту работу крейсерам, не установив контакт с Шато-Рено, немедленно идти со своей эскадрой к стратегическому центру.

А тем временем домашний британский флот, которым должен был командовать лорд Торрингтон², еще не был сформирован. Три его дивизиона находились в Даунсе, Портсмуте и Плимуте, а подавляющая часть обещанного голландского контингента еще даже не появилась. У французов возник великолепный шанс захватить господство на Канале прежде, чем завершится концентрация, и разбить англичан по частям. Поэтому 13 июня, как только прибыл Шато-Рено, Турвилль вывел в море около 70 своих боевых кораблей. Однако за день до этого Торрингтон, подняв свой флаг в Даунсе, собрал два главных дивизиона в Портсмуте, и к тому времени, как Турвилль появился в районе Айл-оф-Уайт, он уже имел, с учетом только что прибывших британцев и голландцев, более 56 боевых кораблей в районе Сент-Хеленс-Роуд. Не зная, что тулонский контингент уже присоединился к противнику, он вышел в море, намереваясь принять бой. Но, убедившись в большом численном превосходстве противника, Торрингтон предпочел действовать в обороне и прежде, чем ввязываться в бой,

¹ Ш а т о - Р е н о (1637—1716) — вице-адмирал на Леванте, с 1703 года — маршал Франции.

² Т о р р и н г т о н Артур Герберт — английский моряк, затем первый лорд адмиралтейства, командир эскадры, которая была разбита 10 июля 1690 года при Бичихеде.

объединиться с Киллигрю, Шовелом и дивизионом из Плимута, удалившись в западном направлении. В том случае, если этот курс окажется неприемлемым, он планировал отступить «вплоть до Ганфлита»¹, где между многочисленными мелями эстуария Темзы мог успешно отбить атаку. Кроме того, он рассчитывал на получение подкрепления не только кораблями, еще находившимися в Чатеме, но также, возможно, кораблями с запада, которые могли проскользнуть вдоль берега и присоединиться к нему, воспользовавшись каналами, неизвестными французам. Ввязываться в бой с теми кораблями, которыми он располагал, Торрингтон посчитал помощью врагу. «Если нас разобьют, — объяснил он, докладывая свой план правительству, — они получают абсолютное господство на море, а с ним и свободу делать многое из того, что они не осмелятся, пока мы наблюдаем за ними и имеем возможность соединиться с адмиралом Киллигрю и нашими кораблями на западе».

Это был план, разработанный на основе лучших принципов обороны — выжидать, пока приток свежих сил не позволит вернуться к наступлению. Он тем более интересен как классический пример морской обороны без какой бы то ни было иной цели, кроме контроля домашних вод. Правительство не опасалось попытки вторжения через Канал, но вторжение в Ирландию было в самом разгаре, и любую его поддержку следовало пресечь, сохранив свободными британские коммуникации. Кроме того, существовало серьезное опасение, что французы могут расширить свои операции до Шотландии, куда как раз подходил конвой Киллигрю. Ситуация принадлежала к числу тех, которые невозможно урегулировать иным путем, кроме завоевания общего господства на море. Но по соображениям Торрингтона ее можно было обезопасить и оспаривая господство. Поэтому он рассчитывал действовать в обороне и не позволить противнику добиться каких-либо позитивных результатов, пока он не окажется в положении, когда сможет вступить в бой, имея большие шансы на победу. Временная оборона, по его убеждению, была единственным способом

¹ Г а н ф л и т — район песчаных отмелей на Темзе.

завоевать господство на море, а идти на риск, имея недостаток сил, — это лучший способ его потерять.

Ничто не могло лучше соответствовать принципам хорошей стратегии в нашем теперешнем понимании. План существенно опередил свое время, и вряд ли стоит удивляться, что правительство не сумело оценить его по достоинству. Правительство подвергло план суровой критике, однако представляется, что его скорее неправильно поняли, чем не сумели оценить. Граф Ноттингемский, стоявший во главе правительства, считал, как показывает его ответ адмиралу, что Торрингтон имел в виду уход в Ганфлит немедленно. Сегодня мы отчетливо понимаем, что Ганфлит был для него самым крайним случаем, и он вовсе не собирался туда забираться, если его не вынудят к этому французы. Министр, как и многие другие после него, не смог понять, что адмирал считал «существующим (живущим) флотом». Он думал, что, по мнению Торрингтона, это был флот, стоящий в безопасности в порту, хотя Торрингтон ничего подобного не имел в виду. Насколько Ноттингему удалось постичь намерения Торрингтона, он видел, что, хотя при этом сохраняется флот, все остальное остается без прикрытия и может быть уничтожено. Иными словами, он был подавлен особой характеристикой войны на море, которая позволяет действия против невыраженной цели, если противник не дает шанса действовать против своих вооруженных сил.

Учитывая такое неправильное понимание, которое не объяснялось словами депеши Торрингтона, Ноттингем сумел получить у королевы приказ, сформулированный в следующих выражениях: «Мы расцениваем последствия вашего ухода на Ганфлит как фатальные и считаем, что вам лучше, как только позволит ветер, дать бой врагу, а не уходить дальше, чем необходимо, чтобы получить преимущество над противником». Однако Торрингтону была предоставлена свобода следовать в западном направлении, чтобы завершить концентрацию, при этом «ни при каких обстоятельствах не теряя из виду французский флот, который может воспользоваться возможностью и попытаться высадиться на берег, или войти в реки Темзу и Медуэй, или уйти без боя».

Этот приказ крайне отрицательно оценивается современными критиками, хотя он говорит о настоящем превентивном наблюдении и даже содержит идею, заключенную в хорошо известном высказывании Нельсона: «Когда враг полностью разобьет наш флот, он больше не причинит нам вреда в текущем году». Понятно, что Нельсон мог полагаться на доказанное превосходство британского флота в то время, но правда и то, что Ноттингем и его коллеги в правительстве имели информацию, заставившую их сильно недооценить силы Турвилля. Это следует из депеши Ноттингема, содержавшей этот приказ, причем является настолько очевидным, что Торрингтон вполне мог приостановить выполнение приказа, основанного на неверной информации. Только он знал, сколько интриг плетется против него при дворе, и предпочел не спорить.

Конечно, военно-морская стратегия может высоко ценить концепцию Торрингтона, но нет оснований и слишком уж сильно ругать план правительства. Это был определенно один из путей решения проблемы, и при таких огромных резервах поражение не означало бы катастрофы. Тем не менее он был, несомненно, продиктован неспособностью понять стратегическую силу плана Торрингтона, плана, который был не только безопаснее, но и был рассчитан на достижение в конечном счете больших позитивных результатов. Подлинная ошибка плана правительства заключалась в том, что, хотя он имел обманчивый вид смелого наступления, он не мог достичь ничего, кроме негативного результата. Самое большее, что могло дать сражение в сложившихся обстоятельствах, — это оставить господство спорным. В худшем случае противник получил бы позитивный результат, который подверг бы опасности кампанию Вильгельма в Ирландии.

Торрингтон дал правительству ответ. Относительно высказанного министрами беспокойства о кораблях на западе и средиземноморском конвое, нависшая над которым опасность стала причиной запрета ему идти на Ганфлит, он указал, что этим судам мало что грозит, если они способны позаботиться о себе. А все из-за того, что, повторил он, «пока мы наблюдаем за французами, они не могут напасть на корабли и на берег, не подвергаясь боль-

шому риску, а если нас разобьют, все останется на их милость». Так, прямо не говоря о неверном истолковании своей депеши, он указал, что его намерением является не отступление, а наблюдение.

К тому времени, как Торрингтон отправил этот ответ, он уже был оттеснен к Бичихеду. Больше не было возможности уйти в западном направлении, и на следующий день он атаковал. Но убежденный в необходимости обороны и перенеся ее на свою тактику, он отказался дать противнику шанс добиться серьезного успеха и вышел из боя, как только позволил ветер. Он считал себя вправе таким образом интерпретировать приказ, основанный на неверной информации. Он был уверен в себе, о чем и сказал в защиту своих действий, что «королеву невозможно было бы уговорить подписать такой приказ, если бы и наша слабость, и сила противника не были представлены ей в ложном свете».

Флот получил такие сильные повреждения, что Торрингтон уверовал в невозможность дальнейших действий по его плану. «Какие могут быть последствия этого несчастливого сражения, — писал он, — знает только всемогущий Господь, но осмелюсь предположить, что мне все же удалось предотвратить атаки на берег, обезопасить западные корабли, Киллигрю и торговые суда». Действительно, во всем этом он достиг успеха. Медленно отступая на восток, он увлек французов за собой до Дувра, прежде чем ушел в Нор, и Турвилль не сумел вернуться на запад до того, как все находившиеся в опасности суда укрылись в Плимуте. Несмотря на то что Торрингтон был вынужден вступить в бой в неудачное время и не в том месте, его замысел пока был успешным. Он не только не позволил французам сделать что-либо, способное повлиять на исход войны, но и расстроил план Турвилля по уничтожению британского флота по частям. Все это он сделал, но перейти в наступление уже было не в его власти.

То, что метод произвел впечатление на Турвилля или его правительство, стало ясно в следующем году, когда Турвилль, в свою очередь, оказался в меньшинстве и не имел шансов на победу в сражении. Летом его флот находился в море у входа в Канал, не давая британскому

адмиралу шанса на контакт. Однако метод Турвилля был отличен от метода Торрингтона, и Турвиллю удалось достичь своей негативной цели, только держась вне поля зрения противника. По его убеждению, если флот остается в море под наблюдением активного противника, сражения избежать невозможно. «Если (адмирал), — писал он по этому поводу в своей памятной записке, — имеет приказ находиться в море, чтобы ввести в заблуждение противника, заставив его поверить, что мы готовы атаковать, если он попытается высадить десант, считаю своим долгом сказать, что в этом случае мы должны решиться в конечном счете вступить в бой. Потому что, если противник действительно стремится к бою, он будет сражаться, ведь невозможно так долго делать пируэты вокруг флота, не вступив в бой». Это означает, что временное отступление необходимо для «существующего флота», что, по сути, и было основной частью плана Торрингтона.

Во времена Торрингтона и Турвилля, когда суда были плохо управляемы, а флотская тактика находилась в зачаточном состоянии, уклониться от сражения, если сильный и упорный противник уже установил контакт, несомненно, было очень трудно. Разве только рядом находился порт, в котором можно укрыться. Но с развитием военно-морского искусства возможности «существующего флота» стали намного шире, во всяком случае, это можно сказать о британском флоте. Прошло почти сто лет, прежде чем мы снова были вынуждены широко использовать тот же механизм, и тогда считалось, что более высокая скорость и тактическая четкость являлись факторами, на которые можно рассчитывать без каких-либо ограничений. В самые тяжелые дни американской Войны за независимость широкую известность получила памятная записка Кемпенфельта по этому вопросу, в которой подробно излагалась идея активно «существующего флота» и высокий агрессивный дух, бывший его сутью. Кроме того, в ней также разъяснялось значение этого флота не только как средства обороны, но и как средства, позволяющего вести решительное наступление, даже если вы находитесь в меньшинстве. «Когда вы знаете замыслы противника, — писал он, — чтобы совершить что-то эф-

фективное, вы должны постараться превзойти его именно в той части, где он собирается претворять свои замыслы и где в случае его успеха он нанесет вам максимальный ущерб. Если ваш флот разделен и во всех местах находится в меньшинстве по сравнению с флотом противника, у ваших врагов будет шанс преуспеть везде. Если не может быть сформирована боевая эскадра, достаточно крупная, чтобы встретиться с врагом дома, тогда предпочтительнее сделать ваше меньшинство еще меньше, чтобы за счет этого достичь большинства в другом месте».

«В том случае, если вы в меньшинстве по сравнению с противником и если у вас есть только эскадра наблюдения, которая должна следить за передвижениями противника, она должна состоять только из двухпалубных судов (то есть самых мобильных) для обеспечения эффективного выполнения ее функций. Эта эскадра должна иметь преимущество перед противником в скорости и маневренности, иначе может создаться ситуация, когда ей будет навязан бой, или ей придется отказаться от самых тихоходных судов. Иметь такую «летающую» эскадру в высшей степени необходимо, чтобы следить за флотом противника и не дать ему разделиться на отдельные эскадры для нападения на вашу торговлю или распространить свои суда на большую территорию для получения более полной информации. У вас будет шанс получить выгоду от случайного разделения вражеского флота из-за сильных ветров, туманов и других подобных причин. Вы сможете перехватывать снабженческие грузы, разведывательные и другие суда, посланные к противнику. Короче говоря, такая эскадра будет контролировать и ограничивать перемещения противника и позволит предотвратить многие неприятности, которые он в противном случае может нам доставить».

Тремя годами ранее, впервые став начальником штаба флота на Канале, Кемпенфельт подчеркивал те же моменты. «Многое, — писал он в июле 1779 года, — я бы даже сказал — все зависит от этого флота. Он находится в меньшинстве по сравнению с превосходящим флотом противника. Поэтому необходимо высочайшее мастерство и ловкость, чтобы противостоять замыслам противника,

наблюдать и пользоваться любой благоприятной возможностью для активных действий, видеть преимущества нанесения удара по слабым местам линии противника. Если же благоприятные возможности не представляются, важно постоянно находиться вблизи противника, удерживать его в порту и не позволять ему действовать, разве что ценой большого риска. Необходимо отвлекать его внимание и вынуждать не думать ни о чем другом, кроме вас и опасности нападения».

Именно на основе этих принципов велась война. Район Вест-Индии, где находилась основная цель противника, считался наступательным театром и домашними водами для обороны. Флот Канала был в меньшинстве в сравнении с домашним флотом союзников, его оборонительные операции оказались достаточно адекватными, чтобы не позволить союзникам добиться успеха. Но это еще не все. Кемпенфельт сумел продемонстрировать позитивную сторону своей теории в яркой и убедительной манере. Если говорить о концентрации, мы увидели, как, командуя такой летающей эскадрой, он сумел в районе Ушанта воспользоваться благоприятной возможностью для нападения, в результате чего захватил конвой военных грузов, жизненно необходимых для французской операции в Вест-Индии, под носом у Де Гишена с эскортом почти вдвое больше.

Нельсон разделял взгляды Кемпенфельта относительно возможностей активной силы меньшей численности. «Что касается нашего флота, — писал он со Средиземного моря в 1796 году, — при таком командующем, как сэр Джон Джервис, никто не боится... Сейчас у нас 22 линейных корабля. Численность объединенного флота не превысит 35 кораблей... Я не сомневаюсь, что сэр Джон одержит победу. Я имею в виду не традиционное сражение, а высочайшее искусство нашего адмирала, активность и высокий боевой дух офицеров и матросов. Эта страна чрезвычайно благоприятна для действий небольшого флота с опытным командиром. Здесь настолько непостоянны ветра, что бывает, в течение двадцати четырех часов вы можете атаковать часть крупного флота, затем наступит затишье или ветер подует в противоположном направлении.

Поэтому, надеюсь, правительство не будет тревожиться о нашей безопасности».

Такая концепция обороны прижилась в Великобритании. Она стала одной из причин, заставивших сэра Джона Орда в 1805 году после ухода Вильнева из Средиземного моря отойти к Ушанту вместо того, чтобы войти в пролив. «Я верю, — писал он, — что лорд Нельсон окажется в состоянии, имея 12 линейных кораблей и многочисленные фрегаты, действовать в обороне без потерь и даже следить за флотом противника, если тот попытается что-то предпринять, в особенности обремененный войсками».

Говоря о потенциальных возможностях активности «существующего флота», действующего в обороне, нельзя забывать, что мы имеем дело с его возможностями относительно общего господства на море — вдобавок к его способности оспорить господство, как Торрингтон. Его возможность предотвратить конкретную операцию, такую как заморское вторжение, является еще одним фактором, который будет всегда зависеть от местных условий. Если «существующий флот» сдерживается таким образом, что не может достичь линии, по которой ведется вторжение, он не будет для него препятствием. В 1690 году, насколько это касалось флота Торрингтона, французы, если бы они так понимали ситуацию, могли высадить десант, скажем, в Портсмуте, пока Торрингтон был в Норе. Но флот Торрингтона был не единственным фактором. Его отступление вынудило Турвилля оставить позади, не вступая с ними в бой, эскадры Шовела и Киллигрю, и, если говорить о линии вторжения, Турвилль был так же ограничен, как и Торрингтон. Условия военно-морской обороны против вторжения являются настолько сложными, если сравнивать с условиями общей морской обороны, что их следует рассматривать как особый раздел науки.

Доктрина «существования флота», сформулированная и отработанная Торрингтоном и развитая Кемпенфельтом, не идет дальше следующего: там, где враг считает общее господство на море необходимым для своих наступательных целей, вы можете не допустить этого, используя свой флот в обороне, отказываясь от традиционных сражений и пользуясь каждой возможностью для контр-

удара. Использовать его, как это сделали французы в случае известного устрашающего плавания Турвилля, где цель была наступательной и не могла быть достигнута иначе как наступлением, — это совсем другое дело.

Трудно понять восхищение, с которым во Франции относились к его *campagne au large*. Летом 1691 года он находился в море в районе входа в Канал в течение пятидесяти дней, причем сорок из них находящийся на Канале британский флот не делал попыток его разыскать. Турвилль вышел в море в попытке перехватить британский конвой из Смирны, который тогда был основой британской торговли. Рассел с основным флотом англичан занял такую позицию, чтобы прикрыть его подход, предполагая, что Турвилль, если захочет выполнить свою задачу, сам явится к нему. Когда конвой оказался в безопасности, пошел в район Ушанта, то есть оказался между противником и его базой. Коммуникации Турвилля оказались перерезанными, отход стал проблематичным, и потому француз воспользовался первой же благоприятной возможностью, чтобы обойти Рассела и укрыться в порту. Кроме захвата нескольких судов конвоя из Вест-Индии, больше ему похвастать было нечем. Центральное наступление французов на Ирландию было прервано сражением на Бойне¹, и престиж Великобритании на море был восстановлен. Правда, британская торговля в Северном море еще находилась под угрозой и терпела убытки, но это было не из-за концентрации, которую англичанам навязал Турвилль, а по причине неспособности голландцев, очевидно в связи с непониманием, обеспечить эффективную блокаду Дюнкерка.

Англичанам может показаться, что ересь, скрытая в инструкциях Турвилля, была причиной, которая впоследствии уничтожила все прекрасные стремления французского флота. В 1691 году план его рейса можно было посчитать достаточно агрессивным, поскольку, ввиду нестабильности трона Вильгельма, сильный удар по британской торговле вместе с ожидаемой победой в Ирландии вполне могли привести к его краху. Но только впослед-

¹ Б о й н — река в Ирландии.

ствии идея распространилась на случаи, для которых она не подходила. Она, судя по всему, породила веру в то, что там, где цель войны напрямую зависит от завоевания настоящего господства на море, она может быть достигнута посредством военно-морских оборонительных операций. Много раз эта политика подавляла военно-морской флот Франции, и, если бы он, даже оставаясь в меньшинстве, попробовал бы наступать, конец пришел бы быстрее и был определеннее. Критикуя морскую историю Франции, необходимо отличать политику от стратегии. Оборонительная стратегия далеко не всегда была неудачной, а чаще — политика, которая обрекала адмиралов на негативные операции. Учитывая, что Франция — континентальное государство с континентальными устремлениями, это часто была политика, отступить от которой не позволяли военные крайности. Тем не менее политика была дважды проклята: слабая — плохо, сильная — тоже плохо. Длительное использование обороны породило инерцию мышления, которая не давала французам нанести сильный удар, когда они были сильны. Иначе просто невозможно объяснить поведение такой смелой и горячей нации, когда появилась возможность реванша в американской Войне за независимость.

Именно в моральной реакции лежит опасность обороны, опасность, воздействующая в высшей степени коварно. Памятуя слова Торрингтона, Кемпенфельта и Нельсона, мы не вправе игнорировать ее. Нужно ее тщательно изучить хотя бы для того, чтобы знать, как с ней справиться. Для того чтобы изучение было продуктивным, нельзя ни на минуту забывать о духе неустанных и неуспящих контрударов, которые Кемпенфельт и Нельсон считали сущностью обороны. Это правда, что некоторые условия прекратили свое существование вместе с эпохой парусного флота, но многие из них сохранились. Перемена ветра и внезапное затишье больше не играют роли, однако густые туманы и яростные штормы остались и могут сильно осложнить жизнь. Все же нет оснований сомневаться в том, что упорные тренировки позволят «энергии и духу наших матросов и офицеров» дать результаты, в которых был уверен Нельсон.

II. Малые (второстепенные) контратаки

Слабейшей из двух воюющих сторон малая (второстепенная) контратака всегда представлялась особенно привлекательной. Если государство не обладает достаточными военно-морскими силами, чтобы оспорить господство на море посредством флотских операций, остается надежда уменьшить разницу, выведя из действий часть сил противника. Реализовать такие надежды удавалось редко. В 1587 году Дрейку удалось остановить вторжение испанцев контратакой на часть армады, стоящую в Кадисе, когда мобилизация еще не была завершена. В 1667 году голландцы добились аналогичного успеха против британских кораблей в Чатеме, что повлияло на условия мира. Но нельзя утверждать, что в войнах прошлого есть пример, когда на основной вопрос господства серьезно повлияли малые контратаки.

Появление торпеды придало идее новое значение, о котором нельзя забывать. В настоящее время степень важности не поддается расчету. Нет никаких доказательств, что она будет очень велика в нормальных условиях между обычными флотами. Сравнительный успех первой атаки японцев на эскадру Порт-Артура является единственным существующим примером, и следует с большой осторожностью подходить к оценке его значения. Прежде чем сделать более или менее обоснованные выводы, необходимо тщательно изучить условия и результаты.

Для начала, это был новый опыт использования нового класса оружия. Из этого никоим образом не следует, что успех нового фактора будет повторяться всегда и везде. В начале парусной эры в 1588 году этот механизм проложил путь к решительному успеху против флота в открытом море. В последующих войнах новое оружие заняло выдающееся место в организации морских флотов, но успех повторен не был. Против кораблей в плохо укрепленных гаванях он периодически давал положительные результаты, и, когда тактическая наука только появилась, его моральный и материальный эффект на действия флота можно было наблюдать довольно часто. Но с развитием военно-морской науки ограничения этого метода были оценены точнее, его

результаты становились все менее и менее очевидными до тех пор, пока в XVIII веке не сошли на нет. Даже моральный эффект был утрачен, и он перестал считаться фактором, влияющим на ход войны.

Если мы тщательно рассмотрим события в Порт-Артуре, станет ясно, что существуют некие условия, почти не отличающиеся от тех, которые дискредитировали брендеры как решающий фактор войны. Несмотря на, несомненно, грозный характер внезапной атаки торпеды, эти условия способствуют большей мощи в обороне, чем в нападении. Первое условие относится к трудности точного определения местонахождения цели. Понятно, что для таких операций необходима очень точная разведка, а из всех мыслимых разведывательных данных в войне труднее всего получить сведения о ежедневном местонахождении кораблей. Японцы имели вполне точную информацию о том, что подавляющее большинство кораблей в Порт-Артуре находится на внешней якорной стоянке, но она постоянно передвигалась, и к тому же появилась информация, что три линейных корабля снялись с якоря. Информация была ложной, но в результате из пяти групп эсминцев, имевшихся в распоряжении у японцев, две были направлены в Дальний, где врага не было. Такая неопределенность всегда должна существовать, и маловероятно, что она будет меньше, чем когда, как в случае с японцами, атака производится до объявления войны и пока открыты обычные разведывательные каналы.

Далее следует отметить, что, хотя отношения в течение нескольких недель оставались крайне напряженными и считалась вероятной внезапная торпедная атака, русские не пытались ввести противника в заблуждение. Вполне очевидно, что меры для предотвращения установления точного местонахождения в таких случаях могут и должны быть приняты. Можно пойти и дальше. От введения противника в заблуждение такими средствами остается только шаг до навязывания ему неверного вывода и организации ловушки, которая может проглотить основную массу эсминцев в первые же часы войны. Однако существует опасение, что риски, связанные с указанным развитием событий в малых контратаках такого характера, столь велики,

что будет очень трудно соблазнить имеющего превосходство противника таким образом оставить свою флотилию без укрытия.

Этот взгляд подкрепляется другим моментом, который демонстрирует инцидент с Порт-Артуром, а именно огромную силу даже слабой обороны против таких атак; иными словами, шансы на успех едва ли могут быть настолько большими, чтобы оправдать риск. Все благоприятствовало японцам. В русской эскадре заблаговременно издавались приказы об обеспечении готовности к торпедным атакам, но дисциплина упала так низко, что приказы исполнялись в высшей степени небрежно. Орудия не были заряжены, расчеты не заняли свои места, не были приготовлены сети. Была предпринята единственная мера предосторожности — в охранение было выслано два эсминца, но даже им было запрещено стрелять раньше, чем они доложат адмиралу, или если по ним не будет открыт огонь. Оборона против внезапной атаки вряд ли могла быть слабее, но нервное напряжение среди атакующих было так велико, что она оказалась сильнее, чем можно было ожидать. Само существование сторожевого охранения и необходимость избежать встречи с ним спутала карты японцев, атака потеряла первоначальный импульс и сплоченность. И хотя русская эскадра не была готова к атаке, и дисциплина в ней пребывала на очень низком уровне, ни одного торпедного попадания не было зафиксировано, насколько сейчас можно судить, после того как в дело вступили русские прожектора и орудия.

Такое развитие силы в обороне представляется неотъемлемым условием малой атаки, и нет причин в нормальных условиях ожидать лучших результатов. Но, делая выводы из событий в Порт-Артуре, следует помнить, что условия были далеки от нормальных. Это был удар до объявления войны, а угроза, создаваемая напряженными отношениями, хотя и осознавалась русскими, но почти полностью ими игнорировалась. При таких исключительных, почти невероятных обстоятельствах малая атака может рассчитывать на более или менее серьезный успех. К этому необходимо добавить факт, что русская эскадра и в обычное время не была эффективной, а в Порт-Артуре «разболталась» еще больше.

В заключение зададим себе вопрос: каковы, при всех условиях, аномально благоприятствовавших атаке, были ее вещественные результаты? Повлияла ли она на основной вопрос господства? Она действительно изменила баланс сил в пользу японцев, причем настолько ощутимо, что они смогли осуществлять местный контроль достаточно долго для того, чтобы высадить свои войска и изолировать Порт-Артур. Но японский план установления общего господства опирался на захват Порт-Артура посредством военной операции и поддержание осады с моря. Тем не менее, несмотря на все условия, сопутствующие успеху, физический эффект удара был так мал, что даже без помощи доков эскадра быстро оправилась и восстановила силы раньше, чем удалось сформировать осаду. Малые атаки, следовавшие за первым ударом, были неудачными, и независимо от того, наносились они по кораблям на рейде или по порту, заметного эффекта не имели.

В то же время, и об этом следует помнить, эта война положила начало быстрому развитию искусства торпедной войны. Дальность торпедного удара и его сила увеличились больше, чем средства защиты. Тем не менее средства защиты тоже развивались, и, возможно, эскадре, стоящей в военном порту или на хорошо защищенной якорной стоянке, не легче нанести ущерб, чем раньше. А эскадра в море, постоянно изменяющая свою позицию, остается очень трудной мишенью для таких атак.

Недоказанная ценность субмарин только сгущает туман, который нависает над следующей войной на море¹. Со стратегической точки зрения мы не можем сказать ничего, кроме того, что следует считаться с новым фактором, дающим новые возможности для малых контратак. Это возможность, которая в целом выступает в пользу военно-морской обороны, новая карта, разыгранная в комбинации с оборонительными флотскими операциями, и это может добавить значимости «существующему флоту». Также можно ожидать, что, каковы бы ни были эф-

¹ Книга «Некоторые принципы морской стратегии» была впервые опубликована в 1911 году. Судя по всему, автор имеет в виду Первую мировую войну.

фактивные возможности малых операций, которые могут в конечном итоге повлиять на обеспечение господства, моральное влияние останется значительным. По крайней мере, в начале будущей войны они будут отвлекать внимание и мешать основным операциям.

Учитывая отсутствие накопленного опыта, нет смысла идти дальше, и особенно если учесть, что успех торпедной и бомбардирской атаки, больше чем любой другой, зависит от мастерства офицеров и матросов. Что касается торпеды, как типичного оружия мобильной береговой обороны, здесь все обстоит иначе. Сказанное относится только к ее способности влиять на обеспечение господства на море, а не на осуществление контроля или его оспаривание. Это вопрос, связанный с защитой против вторжения. К нему мы сейчас и обратимся.

Глава 4

МЕТОДЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСПОДСТВА

I. Защита от вторжения

Под методами осуществления господства мы понимаем все операции, напрямую не связанные с обеспечением господства или недопущением его обеспечения противником. Мы заняты осуществлением контроля, когда проводим операции, направленные не против боевого флота противника, а на использование морских коммуникаций для своих целей, или если хотим помешать противнику воспользоваться ими. Такие операции, хотя логично было бы придать им второстепенное значение, всегда составляли большую часть действий на море. Война на море не начинается и не заканчивается уничтожением боевого флота противника или даже его крейсерских сил. За всем этим стоит ежедневная работа по недопущению переправы вражеской армии через море, защите наших собственных военных экспедиций и т. д. Есть еще вмешательство в торговлю противника и охрана своей. Мы используем море или мешаем использовать его противнику, но не пытаемся добиться этого использования или не позволить

врагу добиться его. Две категории операций радикально отличаются по концепции и цели, да и стратегически они совершенно различны.

Конечно, операции по осуществлению господства начинаются после того, как его удастся добиться. Иными словами, если получение господства является специальной целью войны на море и завоевать его можно только посредством уничтожения вооруженных сил противника на море, следовательно, строго говоря, нельзя допускать вмешательства никаких других целей, когда мы концентрируем усилия на достижении высшей цели — обеспечении господства путем уничтожения. Однако война нелогична, и порядок действий, предписываемый логикой, далеко не всегда возможен на практике. Мы уже видели, как, благодаря особым условиям войны на море, в ход операций вторгаются посторонние факторы, из-за которых невозможно, чтобы операции по осуществлению господства сопровождали или следовали за операциями по установлению господства. Война является сложнейшей комбинацией военных, военно-морских, политических, финансовых и моральных факторов, и ее действительность редко предлагает чистую доску, на которой стратегические проблемы могут быть решены с помощью изящных силлогизмов. Морской фактор не может игнорировать все остальные. С самого начала один или больше факторов всегда будут требовать каких-либо актов осуществления господства, которые не станут ждать своей логической очереди. В большей или меньшей степени в обычных случаях обе категории операций начинаются на первом этапе войны.

Посему очень важно понимать разницу между двумя общими формами военно-морской деятельности. В спешке и напряжении войны их легко спутать. Отчетливо понимая разницу, мы, по крайней мере, будем видеть, что именно делаем. Мы сможем оценить, насколько любая операция, которая может потребоваться, является жертвой обеспечения успеха, как такая жертва может быть оправдана и как одна цель может служить другой. Пользуясь разницей для проверки, можно избежать серьезных ошибок. Мы можем идти на большой риск, но сумеем его точно оценить и понять, соразмерен ли он цели; тогда мы

пойдем на него с открытыми глазами и зная зачем. Кроме того, такое понимание позволит штабу четко определить для каждого командира эскадры его первоочередную цель и роль в операции. Это важнее всего, и именно в определении цели заключается главное практическое значение понимания разницы.

Все станет ясно, как только мы начнем рассматривать защиту от вторжения, которая по праву занимает первое место среди операций по осуществлению контроля. Из всех существующих допущений ни одно так не мешает точной корректировке стратегии, как то, что всегда называет главной целью нашего флота вражеский флот. Относительно боевого флота и обслуживающих его подразделений это, конечно, правда, по крайней мере, пока у противника есть активный боевой флот. Это верно и относительно всех операций по обеспечению контроля, но никоим образом не для операций по осуществлению контроля. В случае, который мы рассмотрим далее — защите от вторжения, — целью специальных операций является, и так было всегда, вражеская армия. На этом фундаментальном постулате всегда строились британские планы по сопротивлению вторжению со времени армады (1805 год).

Это давняя флотская традиция. Инструкции адмиралов постоянно подчеркивают тот факт, что транспорты есть «главная цель». Вся диспозиция флота во время блокады Хока 1759 года была направлена на то, чтобы держать транспорты в Морбиане. Когда же Хок решил расширить свои операции и против эскадры Рошфора, Энсон ему напомнил, что «главным предметом вашего внимания в настоящее время» является, «во-первых, препятствие погрузке армии на суда в Морбиане и, во-вторых, предотвращение выхода из Бреста военных кораблей». Точно так же командовавший соединением кораблей Уоррен в 1796 году, имевший постоянную группу фрегатов перед Брестом, издал приказ своим капитанам, что в случае встречи вражеских транспортов в сопровождении эскорта они должны уничтожить их максимально быстро, до атаки военных кораблей, но сохранить ситуацию, чтобы выполнить эту задачу, когда поступит сигнал. Приказы лорда Кейта, ведшего наблюдение за флотилией Наполеона, были примерно таки-

ми же. «Обращаю ваше внимание на уничтожение кораблей, транспортов или лодок с людьми, лошадьми и артиллерией на борту, отдавая им предпочтение в сравнении с кораблями, которые их охраняют. Предотвращение высадки — первоочередная цель, по сравнению с которой все остальные могут отойти на второй план».

В тактике идея была такой же, как в стратегии. Армия была первоочередной целью, вокруг которой разворачивались все диспозиции. Во Франции сила и надежность британской позиции была очевидна, по крайней мере для передовых умов. Когда в 1805 году Наполеон консультировался с Гантомом по поводу возможности флотилии транспортов совершить переход, уклонившись от встречи с противником, адмирал ответил, что это невозможно, потому что погода не способствует ослаблению британской хватки. «В прежних войнах, — сказал он, — бдительность англичан была просто поразительна».

В этом правиле нет исключений, даже когда обстоятельства не позволяют быстро и точно распознать армию и флот как цели. Такая ситуация может сложиться в двух случаях. Во-первых, когда армия вторжения намерена переправляться вместе с боевым флотом, как при вторжении Наполеона в Египет. Во-вторых, если по начальному плану они должны находиться на разных направлениях, но система обороны вынуждает флот приблизиться к направлению перемещения армии, чтобы его очистить. Так случилось с армадой в 1744 году.

В последнем случае армия вторжения, цель которой была неизвестна, находилась в Дюнкерке, а французский флот следовал по Каналу, чтобы прикрыть переход. Сэр Джон Норрис, командовавший домашним флотом Великобритании, находился в Даунсе. Хотя его имя почти забыто, он был одним из величайших основоположников вековых традиций британского военно-морского флота и стратегом первой величины. Информировав правительство о своем плане операций, он сообщил, что намерен следовать со всей своей эскадрой в район Дюнкерка, чтобы предотвратить отплытие транспортов. «Но, — добавил он, — если они, к несчастью, сумеют выйти в море, проскользнуть мимо нас ночью и уйти на север, я отправлю превосходящие силы

для их перехвата и уничтожения. С оставшейся частью эскадры я или вступлю в бой с французским флотом на Канале, или буду вести наблюдение...» В этом случае не было времени организовать специальную эскадру или флотилию, чтобы перерезать линию перехода, поэтому пришлось использовать для этой цели боевой флот. При этом Норрис не собирался позволить присутствию вражеского боевого флота отвлечь его от армии вторжения, посему решительно придерживался своей идеи: если транспорты выйдут в море, направить свое наступление именно против них, пока вражеский флот будет сдерживаться оборонительными операциями и наблюдением.

В Египте не было никакой разницы между двумя целями. Экспедиция Наполеона вышла в море одной большой массой. И все же, командуя флотом, Нельсон не забыл о важнейшей идее. Он разделил флот на три «подэскадры», в одну вошло 6 кораблей, в две другие — по 4. «Две из этих «подэскадр», — говорит Бери, один из его капитанов, — должны были атаковать военные корабли, а третья — преследовать транспорты и топить их — чем больше, тем лучше». Иными словами, Нельсон хотел разобраться с наполеоновской армией, используя только 10, а то и 8 кораблей своего флота против 11 французских.

Можно привести много других примеров уверенности британцев в том, что в случае угрозы вторжения именно армия, а не флот, должна являться главной целью. Это правило доказано вековой практикой. Его значение, конечно, выражено более явно, когда армия и флот действуют на разных направлениях, то есть когда армия находится на линии наступления, а флот ее прикрывает, и две цели не соединяются.

Вторжение в Великобританию всегда должно быть действием на море, где нет господствующей силы. Британский флот при этом может иметь превосходство или нет, но господство всегда должно оспариваться. Если англичане господствуют на море, вторжения быть не может — никто и пытаться не станет. Если лишиться господства вообще, вторжения не потребуются, потому что, не говоря уже об угрозе вторжения, придется заключать мир на лучших условиях, которых возможно добиться. Если на море

нет господствующей силы, существует два пути организации вторжения. Во-первых, враг может предпринять попытку прорваться сквозь военно-морскую оборону, имея транспорты и боевой флот в единой массе. Это была примитивная идея, основываясь на которой первоначально планировал испанское вторжение знаменитый адмирал Филиппа II Санта-Круз. Однако быстро развивающаяся военная наука убедила испанского адмирала в несостоятельности этого плана. Масса военных кораблей и транспортов громоздка и чрезвычайно уязвима. Чем слабее морская оборона страны, которой угрожает вторжение, тем более рьяно она должна молиться, чтобы захватчик использовал именно такой план. Когда контакт с флотом противника установлен прочно, особенно в узких проливах, защитники получают самые благоприятные шансы на успех, особенно если будут решительно настроены сделать своей главной целью армию на транспортах и не стремиться сломить себе головы, атакуя эскорт.

Если же контакт непрочен, вторжение в море, где нет господствующей силы, может рассчитывать на успех, уклонившись от боевого флота защитников, как получилось при вторжении Наполеона в Египет. Но эта операция попадает совсем в другую категорию, отличную от той, что мы только что рассмотрели. В ней не присутствовал ни один из факторов, на которых обычно основывается традиционная система морской обороны Великобритании. Это была операция в открытом море против удаленной и неопределенной цели, которая не имела собственной морской защиты. Когда речь идет о Великобритании, определяющими факторами являются следующие: постоянная морская оборона, приблизительно определенная цель и узкий пролив, где уклонение в силу мощи вторжения невозможно. Деяние Наполеона, по сути, было не чем иным, как уклонением от открытой блокады, за которой не было морской обороны. Жизненная важность подобных вещей станет яснее, когда мы пойдем дальше и отметим характеристики, свойственные каждой попытке вторгнуться в Великобританию. Из этих попыток мы исключим десанты на побережье Ирландии, которые не имели мощи вторжения и попадали в другую категорию, о которой мы поговорим позже.

Поскольку вторжение силой мощного эскорта линейных кораблей всегда считалось недопустимой операцией, захватчику приходилось выбирать отдельное направление для армии и организовывать действия флота так, чтобы он не позволил противнику контролировать это направление. Такова, вкратце, проблема вторжения по морю, где нет господствующей силы. Несмотря на внушительный список неудач и катастроф, континентальные стратеги от Пармы до Наполеона упрямо верили, что можно достичь результата без решающих действий флота, пробовали самые разнообразные хитрости и уловки снова и снова. Они пытались просто внезапно уклониться, или уклониться путем отвлечения внимания или рассеивания кораблей морской обороны, пытались установить местный контроль путем достижения местного успеха, подготовленного внезапно, или выманив флот защитников достаточно далеко от дома, тем самым обеспечив временное местное превосходство. Но конец всегда был один. К какому бы приему ни прибегали противники англичан, они всегда в конечном счете оказывались перед выбором: им необходимо или разбить боевой флот защитников в сражении, или приблизить собственный боевой флот к транспортам, тем самым создав ту самую ситуацию, которой они всячески стремились избежать.

Истина заключается в том, что все попытки вторгнуться в Великобританию, не обладая господством на море, двигались в порочном круге, из которого не было выхода. Не важно, насколько искусен и сложен замысел противника. Если уверенно держать его армию в качестве первоочередной цели военно-морского флота, это всегда будет провоцировать процесс деградации, которая в конце концов делает предприятие неосуществимым. Ее стадии четко выражены, и это описано ниже.

Выбрав два операционных направления, армия вторжения собирается в пункте, расположенном как можно ближе к побережью, на котором планируется вторжение, то есть в том месте, где разделяющее водное пространство очень небольшое и где во время переправки армия будет открыта для нападения совсем недолго. Прикрывающий флот будет действовать с удаленной точки, удобной для того, чтобы

выманить флот защитников, и чем дальше он будет расположен от места, где переправляется армия, тем лучше. Защитники принимают ответные меры, блокируя порты отправления армии флотилией легких судов, способных иметь дело с транспортом или создавая мобильную оборону побережья, находящегося под угрозой, которую транспорты не могут прорвать без соответствующей помощи, или, что более вероятно, они совместят обе меры. Здесь становится очевидной первая ошибка плана вторжения. Чем уже море, тем проще вести наблюдение. Уклонение в чистом виде становится невозможным, и необходимо дать транспортам достаточную вооруженную мощь эскорта, или иным путем, чтобы обезопасить их от атак флотилии. Защитник сразу же усиливает оборону флотилии крейсерами и судами переходного типа, и захватчику приходится направлять боевую эскадру на прорыв. Его позиция становится настолько слабой и тревожной, что вся схема начинает казаться неверной, если, конечно, защитник упорно придерживается стратегии, всегда характерной для Великобритании. Английский боевой флот никогда не устремлялся на поиски флота потенциального захватчика. Он всегда занимал позицию между флотом противника и блокированной базой вторжения, прикрывая блокаду и оборону флотилии. Чтобы дать возможность боевой эскадре избавиться от «назойливого внимания» защитников и усилить эскорт армии, захватчику приходится или добиваться этого в бою, или эффективно отвлекать внимание, чтобы позволить боевой эскадре уклониться от боя. Но, поскольку захватчик гипотетически пытается организовать вторжение, не завоевывая в бою господство на море, он сначала попытается усилить эскорт своих транспортов, уклонившись от флота защитников. Он сразу окажется перед лицом новой трудности. Подкрепление влечет за собой разделение флота, что само по себе действие порочное и отрицательно влияющее на моральный дух, поэтому не было еще захватчиков, рискнувших к нему прибегнуть. И вот почему. Чтобы сделать возможным уклонение для части эскадры, он должен собрать остальные силы и отвлечь внимание флота противника. Если при этом он не обладает большим численным превосходством, чего гипотетически нет, он риску-

ет потерять свой флот, который будет разбит по частям. Правительства иногда поднимали вопрос о применении этого метода, но протесты и флота, и армии были настолько активными, что вопрос больше не ставился, и захватчик попадал в порочный круг. Не имея возможности существенно укрепить эскорт своих транспортов, не разделяя флот, он был вынужден подводить весь свой флот к армии или вообще отказаться от этой попытки, пока не будет установлено господство на море в бою.

Таким образом, традиционная британская система никогда не подводила, а сутью ее являлась концентрация внимания на армии вторжения как на первоочередной цели. Англичане всегда крепко держали ее, во-первых, блокадой флотилией и усиленной, в зависимости от обстоятельств, другими боевыми единицами обороной и, во-вторых, защитой боевого флота. Вся система держится на «мертвой хватке» флотилии. Местная опасность, угрожающая этой хватке, определяет укрепление флотилии, а надежность хватки определяет положение и действия боевого флота.

Некоторые типичные примеры покажут, как система действовала на практике при разных условиях. Первой научной попыткой действовать на двух операционных направлениях, в отличие от массированного метода Средних веков, стала испанская кампания 1588 года. Хотя ожидалась внутренняя поддержка со стороны недовольных католиков, кампания была спланирована как полномасштабное вторжение, иными словами — как продолжительная операция для завоевания на постоянной основе. Парма, командовавший армией, постановил, что испанский флот будет не только прикрывать переход армии и высадку, но также «поддерживать открытыми коммуникации для перевозки продовольствия и боеприпасов».

Выбрав два операционных направления, Парма первоначально хотел переправить свою армию неожиданно. Однако, как всегда, оказалось невозможным сохранить замысел в тайне, и задолго до того, как герцог был готов к действию, он оказался блокированным голландской флотилией, которую поддерживала английская эскадра. Англичане так плотно «обложили» армию, что даже перестарались. Основная масса британского флота находилась на

направлении, где переправлялась армия. Этим флотом командовал Говард. Дрейк был отправлен в западном направлении. Только благодаря упрямству великого моряка диспозиция, которой предстояло стать традиционной, была доведена до совершенства, и весь флот, за исключением эскадры, поддерживавшей блокаду флотилии, был собран в прикрытие на западе. Тогда установилась стандартная ситуация, и результат мог быть только один. Вопрос о внезапности даже не ставился. Парма не мог двигаться, пока не была прорвана блокада, а учитывая наличие флота прикрытия, испанцы не могли рассчитывать на прорыв неожиданным вмешательством. Смутные надежды испанцев удержать английский флот вдали от линии перемещения армии, угрожая десантом в западных графствах и блокировав его в одном из западных портов, так и остались невыполненными. Это не освободило бы Парму, и герцог Медина-Сидония был направлен прямо к Дюнkerку, чтобы, если возможно, не вступая в сражение, прорвать блокаду и обеспечить переправу.

Король почему-то считал, что сможет сделать это, не вступая в сражение, но Парма и все опытные испанские моряки знали, что, прежде чем транспорты смогут выйти из порта, английский флот придется полностью разбить. Такое сражение было неизбежным, и английская диспозиция гарантировала, что испанцам придется вступить в бой и испытать на себе все недостатки, неотъемлемо присущие плану с двумя операционными направлениями. Англичане установят уверенный контакт на таком расстоянии от направления переправы, которое позволит вести продолжительные атаки в незнакомых противнику водах, оставаясь в непосредственной близости от своих источников снабжения. Даже не потребуются борьбы не на жизнь, а на смерть, прежде чем испанцы будут загнаны в узкость, которая необходима для переправы армии, где обе части британского флота будут сконцентрированы для финального сражения. Испанцы придут туда, подавленные неудачными стычками с британцами, опасаясь неизвестных морей. И это не случайность, а закономерность, неотъемлемо присущая стратегическим и географическим условиям. Английская диспозиция использовала все мыслимые преиму-

щества. В результате испанская армия так и не смогла сдвинуться с места. Но это еще не все. Преимущества англичан в заключительном сражении были так велики, что только удачное изменение направления ветра спасло армаду от полного разгрома у голландских берегов.

В этом случае имелось достаточно времени, чтобы разработать правильную диспозицию и расставить флот. Далее можно привести другой пример, в котором была достигнута практически полная внезапность, и решения по организации обороны пришлось принимать моментально.

Имеется в виду французская кампания 1744 года. В том году все благоприятствовало оккупантам. Англия была ослаблена мятежом якобитов, продолжались волнения в Шотландии, военно-морской флот пребывал в упадке, а правительство находилось в руках известной «пьяной администрации». Уже три года велись безуспешные боевые действия с Испанией, и оказывалась поддержка на континенте Марии-Терезии против Франции. В результате британская оборона оказалась слабее, чем когда бы то ни было. Флот насчитывал 183 парусных судна — примерно столько же было у Франции и Испании вместе взятых, но из-за трансатлантических и средиземноморских войн дома осталось только 43 судна, из них 18 линейных. Даже учитывая все крейсерские суда, которые можно было собрать, правительство могло рассчитывать в случае кризиса только на четверть наличного флота. С сухопутными силами дела обстояли не лучше. Больше половины армии находилось на континенте вместе с королем, который помогал императрице-королеве как ганноверский выборщик. Правда, между Англией и Францией войны не было. Летом король выиграл сражение при Деттингене, осенью последовал официальный союз с Марией-Терезией. Франция ответила тайным союзом с Испанией и, чтобы предотвратить дальнейшие действия британцев на континенте, решила нанести удар по Лондону совместно с якобитским восстанием. Он должен был стать громом среди ясного неба и планировался на разгар зимы, когда лучшие корабли домашнего флота Великобритании оставались в порту. Операция планировалась на двух направлениях: армии предстояло выйти из Дюнкерка, а флоту прикрытия — из Бреста.

Все строилось на внезапности. Порт Дюнкерк был уничтожен по условию Утрехтского мирного договора 1713 года, и, хотя французы уже некоторое время тайно вели восстановительные работы, он все еще не был приспособлен для приема флота транспортов. Несмотря на предостережения сэра Джона Норриса, бывшего в то время старшим адмиралом на действительной службе, сбор в окрестностях Дюнкерка войск из французской армии во Фландрии был воспринят как переход на зимние квартиры. Чтобы не вызывать подозрений, необходимые транспорты были тайно переведены в другие порты. В Дюнкерк они должны были прийти только в самый последний момент. Так же удачно была проведена тайная мобилизация. Благодаря ложной информации, подставленной британским шпионом, и открытой поставке продовольствия и других запасов, рассчитанных на длительное плавание, у британского правительства было сформировано мнение, что основные силы флота собираются присоединиться к испанцам на Средиземном море, а подразделение, предназначенное для эскорта транспортов, якобы готовилось к рейду в Вест-Индию.

В общем, маскировку намерений французов можно было назвать совершенной. И все же она содержала в себе фатальный компонент. Армия должна была нанести удар на Темзе в районе Тилбери. Но, как бы ни была велика секретность, маршал Сакс, командовавший армией, не мог осуществить переход без эскорта. На реке всегда было много каперов и вооруженных торговых судов, а также крейсеров, охраняющих торговлю. Поэтому дивизион, который, как считали англичане, готовился отплыть в Вест-Индию, должен был отделиться от брестского флота после его входа в Канал и присоединиться к транспортам в Дюнкерке. Маркизу де Рокфою с основными силами флота предстояло удерживать британские корабли в Портсмуте или сражением, или блокадой.

Ничто не могло выглядеть проще и более уверенно обещать успех. Британское правительство оставалось слепым и глухим. Удар был назначен на первую неделю января, а только в середине декабря началось регулярное наблюдение крейсеров за Брестом. На основании поступавших с

крейсеров докладов были приняты меры для подготовки к новому году идентичной эскадры для выхода в море. К этому времени были готовы около 20 линейных кораблей в Норе, Портсмуте и Плимуте, и на них начали собирать команды. По разным причинам французы отложили начало экспедиции. Только 6 февраля 19 боевых кораблей Рокфоя были замечены на выходе из Бреста. Новость достигла Лондона 12 февраля, и уже на следующий день Норрису было приказано поднять свой флаг в Спитхед. Ему предстояло «принять самые эффективные меры, чтобы предотвратить высадку десанта на территории королевства». Но к принятию таких предосторожностей подтолкнула информация о том, что молодой претендент выехал из Рима во Францию. Правительство оставалось в полном неведении о приготовлениях в Дюнкерке. И только 20 февраля от дуврского контрабандиста были получены сведения, открывшие глаза британскому правительству.

Через несколько дней в море были замечены французские транспорты, направляющиеся в сторону Дюнкерка. Они были ошибочно приняты за брестский флот. Норрис получил приказ следовать за ними. Его категорические протесты оказались тщетными. Адмирал знал, что французы все еще находятся к западу от него, но правительство не уступало, и он был вынужден выполнить приказ. Он проследовал по Каналу и 28 декабря добрался до Даунса, где соединился с дивизионом из Нора. История обычно называет это неверное передвижение счастливым шансом, спасшим Англию от вторжения. Но это было не так. Сакс не желал входить в Темзу без эскорта. На реке было достаточно кораблей, чтобы его уничтожить, если он пойдет на такой риск. В действительности передислокация флота Норриса, на которой настояло правительство, затруднило кампанию и не позволило уничтожить брестский флот и остановить вторжение.

Рокфой получил приказ. Ему предписывалось любыми средствами навязать бой британскому флоту или, по крайней мере, предотвратить дальнейшую концентрацию. Одновременно он должен был отправить группу из 4 боевых кораблей под командованием адмирала Баррайля в Дюнкерк, чтобы эскортировать транспорты. Приказ о разделе-

нии флота, учитывая наше внимание к армии, был неизбежен. Офицеры были недовольны и решили держаться вместе, пока не доберутся до Айл-оф-Уайт, где и оставаться, пока не смогут соединиться с Саксом и взять лоцманов, которые проведут их через Дуврский пролив. Моряки пребывали во власти нервозности — неизменной спутницы подобных операций. Рокфой объяснил своему правительству, что невозможно сказать, какие корабли противника ушли в Даунс, и что Баррайль по прибытии в Дюнкерк вполне может оказаться в меньшинстве. В заключение он, как обычно, потребовал, чтобы флот в полном составе следовал к операционному направлению армии. Однако по прибытии к Портсмуту разведка, проведенная в условиях густого тумана, доложила Рокфою, что весь флот Норриса находится в порту, поэтому он и отправил в Дюнкерк корабли Баррайля, которые туда благополучно прибыли.

Не подозревая, что Норрис находится в Даунсе, Сакс немедленно приступил к погрузке войск, но ненастная погода задержала операцию на три дня и тем самым спасла экспедицию от уничтожения в сражении, которое Норрис был готов начать флотилией брандеров и бомбардирских судов.

Брестской эскадре тоже удалось спастись чудом. Сакс и его штаб, когда до них дошли слухи о переходе Норриса в Даунс, оказались во власти морской болезни, которая, судя по всему, всегда поражает армию, ожидающую столкновения с опасностями морского перехода. Они тоже хотели, чтобы их сопровождал весь флот, и Рокфою был направлен приказ сделать так, как он предлагает. Все еще не зная о присутствии Норриса в Даунсе и о наличии у него большего числа военных кораблей, чем имелось у французов, он отправился со своими пятнадцатью кораблями на сближение с Баррайлем. Норрис был проинформирован о подходе французов и оценивал ситуацию следующим образом.

«Поскольку я считаю, — писал он, — своей главной задачей на службе его величества предотвратить высадку этих войск в любой части королевства, я... решил бросить якорь с внешней стороны от отмелей Дюнкерка, где мы будем в наилучшем положении для того, чтобы удержать их». Ины-

ми словами, он посчитал своей главной целью не выпустить армию, независимо от действий флота, и, так как цель Сакса не была точно установлена, организовать закрытую блокаду. «Но если, — продолжал он, — они, к несчастью, сумеют выбраться из порта, пройти мимо нас ночью и двинуться на север (то есть к Шотландии), я намерен отправить за ними превосходящие силы, которые сумеют перехватить и уничтожить французов. С оставшейся частью эскадры я могу или вступить в бой с французским флотом на Канале, или вести за ним наблюдение и защищать страну так, как подскажут обстоятельства, или же я буду преследовать транспорты всей своей мощью». Последнее означало, что он будет вести по отношению к армии противника наступательные, а к флоту — оборонительные действия, и его план был полностью одобрен королем.

Что же касается того, какой из двух планов он применит, подразумевалось, что выбор будет зависеть от сил противника: появилась информация, что эскадра Рошфора присоединилась к Рокфою. Долго сомневаться не пришлось. Назавтра стало ясно, что Рокфой находится у Дангенесса с пятнадцатью кораблями. Британский адмирал сразу воспользовался преимуществом внутреннего положения, которое ему дала необходимость Рокфоя защищать свою армию. Удивительная прозорливость позволила ему понять, что есть время бросить все силы на вражеский флот, не упуская из виду вражескую армию. Начали немедленно. Как только французы были замечены, британские корабли устремились вперед. Рокфой был на волосок от того, чтобы быть внезапно атакованным на собственной якорной стоянке, когда затишье остановило атаку. Другой порыв ветра, последовавший за затишьем, позволил флоту противника ускользнуть. Транспорты были уничтожены. Исходом операции явилось не только недопущение вторжения, но и обеспечение британского господства в домашних водах до конца войны.

Хотя этой попытке вторжения, на первый взгляд, благоприятствовало все, в ней можно проследить стандартный ход деградации. План был в высшей степени удачным, секретность и дезинформация — совершенными. Но только неотъемлемо присущие сложности, когда дело дошло до

выполнения плана, как обычно, вызвали концентрацию вражеского боевого флота и транспортов, а англичане со своей стороны смогли это предвидеть и обратить себе на пользу весьма простым приемом, направив флот на выявленный и точно установленный операционный курс.

В следующей кампании 1759 года был разработан новый и весьма рациональный план. Первая идея маршала Беллайля, как и идея Наполеона, заключалась в том, чтобы собрать армию в Амблетезе и Булони и избежать скопления транспортов, перевоза солдат через пролив на плоскодонках. Но от идеи отказались, не дав ей развиться в нечто значительно более хитроумное. Обманчивое преимущество короткого морского перехода было забыто, и теперь армии предстояло отправиться из трех далеко отстоящих друг от друга пунктов через более широкое морское пространство — отвлекающий рейд из Дюнкерка и двух более крупных сил из Гавра и Морбиана в Южной Бретани. Чтобы обеспечить необходимый контроль, у Бреста должен был сконцентрироваться флот из Вест-Индии и Средиземного моря.

Необходимо отметить, что британский флот прикрывающий — то есть западная эскадра в районе Бреста — должна была обеспечить две крейсерские блокады, по одной с каждой стороны от него. И хотя ситуация выглядела сложной, она была разрешена старыми методами. Две части французской армии в Дюнкерке и Морбиане сдерживались крейсерской эскадрой, способной последовать за ними в открытое море, если им случайно удастся выйти из порта, а третья часть в Гавре, у которой не было ничего, кроме плоскодонок для перевозки людей, сдерживалась флотилией. Ее положение было безнадежным. Она не могла сдвинуться с места без эскадры, которая могла бы ее освободить, и никакая причуда погоды не могла привести туда эскадру из Бреста. Хока, державшего главную блокаду, могло ветром отнести в сторону, но это едва ли помешало бы ему достойно встретить любую эскадру, которая попыталась бы войти в Канал. С Морбианом было иначе. Если бы корабли Хока отнесло ветром, туда могла бы прийти эскадра из Бреста и прорвать крейсерскую блокаду. Французское правительство решило, что

часть флота должна сделать такую попытку. Однако Конфлан, командовавший флотом, выразил протест, заявив, что его эскадра слишком слаба, чтобы ее делить, а планируемой концентрации не произошло. Боскавен изрядно потрепал средиземноморскую эскадру в районе Лагоса, и, хотя эскадра из Вест-Индии пришла, она оказалась непригодной для дальнейшего использования. Возникла знакомая ситуация, вызванная старыми методами обороны. В конце концов выхода не осталось, и Конфлан был вынужден повести весь свой флот к морбианским транспортам. Хок оказался на месте, и результатом стало катастрофическое сражение при Кибероне. Удалось вырваться только дюнкеркскому дивизиону, но малочисленность, позволившая ему ускользнуть от наблюдателей, также не дала ему причинить противнику заметный ущерб. Его эскорт после высадки горстки солдат в Ирландии был полностью уничтожен, и, таким образом, попытка французов организовать вторжение, не обладая господством на море, вновь окончилась только потерей их флота.

Кампания 1779 года обозначила основные принципы еще отчетливее, поскольку доказала, что они работали, даже когда домашний флот англичан находился в ошутимом меньшинстве по сравнению с флотом противника. В этом случае идея противника заключалась в формировании двух экспедиционных сил в Шербуре и Гавре, соединении их в море под прикрытием огромного объединенного испано-французского флота и последующем захвате Портсмута и Айл-оф-Уайта. В начале лета англичане прослышали об этом плане, и немедленно были сформированы две крейсерские эскадры и флотилии в Даунсе и на островах Канала, чтобы вести наблюдение за французским побережьем и предотвратить концентрацию транспортов. Испания еще не объявила войну, но англичане этого ждали, и главный флот под командованием ветерана сэра Чарльза Гарди, который был заместителем Норриса в 1744 году, получил приказ идти к Бресту и не дать испанской эскадре, если таковая появится, войти в порт. Однако французы опередили британцев — вышли в море раньше, чем Гарди оказался на позиции, и соединились с испанцами в районе мыса Финистерре. Объединен-

ный флот насчитывал около 50 боевых кораблей, почти вдвое больше, чем у англичан. Армия вторжения, начальником штаба которой был Дюмурье, насчитывала более 50 000 человек. С такой силой англичане не могли позволить себе столкнуться на берегу. У противника были все шансы на успех, и все же, по крайней мере на флоте, офицеры были уверены, что вторжения не будет.

Мозгом военно-морской обороны был лорд Бархам (тогда еще — сэр Чарльз Миддлтон) в адмиралтействе и Кемпенфельт — на флоте. Именно их переписка дала самые ценные стратегические оценки, которыми мы располагаем. Идея французов заключалась в следующем: они хотели, чтобы их флот, имеющий преобладающую численность, зашел в Канал, и, пока он будет сдерживать (или уничтожит) Гарди, часть кораблей прорвет крейсерскую блокаду и эскортирует транспорты с войсками. Кемпенфельт был уверен, что это сделать не удастся. Он не сомневался, что громоздкая, неповоротливая масса только что объединенных разных кораблей может быть обезврежена сравнительно однородным и мобильным флотом, пусть и находящимся в меньшинстве. Оценка силы подвижного немногочисленного флота, которую он дал в то время, уже приводилась. Когда ситуация стала совершенно ясной и поступила информация о подходе кораблей противника к входу в Канал, лорд Бархам написал другое письмо Миддлтону. Он сомневался лишь в одном: достаточно ли мобилен и сплочен его флот. «Похоже, — писал он, — мы не располагаем достаточно определенными фактами, насколько относительная сила двух флотов зависит от мореходных качеств кораблей. Флот, который плывет быстрее, имеет преимущества, поскольку может вступать в бой по собственному выбору и выбирать благоприятные возможности для атаки. Рискну высказать мнение, что 25 линейных кораблей с обшитыми медью бортами будет достаточно, чтобы изнурить эту чрезвычайно неповоротливую объединенную армаду и не позволить ей натворить бед. Мы будем постоянно следовать за ними, пользуясь любой благоприятной возможностью — изменением ветра, туманом или безлунной ночью, когда часть кораблей может отделиться — чтобы атаковать отставших, отрезать подходящие кон-

вои с продовольствием и т. д. Если же они попытаются высадиться на наше побережье и заставить весь флот эскортировать транспорты — даже тогда будет невозможно защитить их от активного и подвижного флота».

Здесь мы имеем настоящую основу решения, сформулированную одним из величайших мастеров, — это способность заставить массу вражеского флота эскортировать транспорты. Гарди хорошо это знал из собственного опыта 1744 года и действовал соответственно. Этот случай еще более показателен, поскольку защита от угрожающего вторжения была лишь частью проблемы, которую ему приходилось решать. Она была усложнена приказом предотвратить возможный десант в Ирландию и защитить прибывающие конвои. В ответе, данном 1 августа, он объявил о своем намерении занять позицию в 10—20 лигах к западному-западу от Скилли, которая, по его мнению, является самой подходящей для обеспечения безопасности торговых конвоев, ожидаемых из Ост-Индии и Вест-Индии, а также для встречи вражеских флотов, если они попытаются войти в Канал. Последние слова он подчеркнул, очевидно указывая на свое убеждение, что противник на это не осмелится, пока его флот будет оставаться там и будет непобежденным. Гарди строго выполнял свой план до тех пор, пока месяцем позже не убедился в необходимости зайти в порт за припасами. Тогда, уклоняясь от встречи с противником, он повел свои корабли не в Плимут, а к Сент-Хеленс. Этот маневр посчитали недостойным отступлением, которое вызвало в то время много недовольства на флоте. Но нельзя не отметить, что Гарди действовал в строгом соответствии с принципом, делающим армию вторжения первоочередной целью. Если британский флот больше не мог контролировать ситуацию без пополнения запасов, тогда самым правильным местом для этого пополнения было то, что находилось на траектории перехода противника. Когда флот находился там, вторжение оставалось невозможным, пока флот не будет разбит. Конечно, союзники получали свободу присоединиться к транспортам, но такая перспектива не слишком тревожила адмирала, поскольку давала ему шанс расквитаться с противником, как это произошло с испанцами в 1588 году. «Я сделаю

все от меня зависящее, — писал он, — чтобы оттеснить их вдоль по Каналу». Это старый принцип. Если случится самое худшее, пока есть возможность заставить флот соединиться с транспортом, особенно в узких проливах, вторжение становится операцией, связанной с превышающими все допустимые пределы рисками.

Так и вышло. 14 августа граф д'Орвильер, командовавший флотом союзников, увидел издали Лизард и в течение двух недель пытался навязать Гарди решительные действия. Но он не рисковал ни ввести свой флот в Канал, ни отделить эскадру, которая могла бы прорвать крейсерские блокады баз вторжения. Его постоянные, но неэффективные попытки истощили силы его же собственного флота, которые и без того были подорваны, потому что концентрация проводилась очень далеко — у мыса Финистерре. Поэтому графу д'Орвильеру пришлось вернуться со своим флотом в Брест, так ничего и не добившись. Во время этой кампании союзники не смогли больше выйти в море, но, даже если бы это оказалось в их силах, Гарди и Кемпенфельт могли вести свою оборонительную игру бесконечно, с постоянно возрастающими шансами, поскольку приближалась зима, нанести парализующий удар.

Вторжение не могло быть успешным, хотя Дюмурье, очевидно, считал иначе. Он верил, что предприятие может оказаться удачным, если основная масса флота привлечет внимание к Ирландии, и под этим прикрытием будет нанесен *coup de main*¹ по Айл-оф-Уайт, «для чего, — писал он, — шести или восьми линейных кораблей было бы достаточно». Но только невозможно себе представить, чтобы такие морские волки, как Гарди и Кемпенфельт, позволили бы так легко ввести себя в заблуждение. Если бы часть флота союзников отделилась и пошла по Каналу, они бы наверняка, согласно традиции, пошли бы следом или превосходящими силами, или всей эскадрой.

Хорошо известные кампании великой войны следовали тем же принципам. Под командованием Наполеона они включали в себя весь диапазон планов, которые когда-либо

¹ Решительные и неожиданные действия, внезапное нападение (фр.).

внушали несбыточные надежды. Он начал с идеи украдкой переправить свою армию на плоскодонках и столкнулся с обычной обороной флотилии. Затем последовала его единственная новая идея — вооружить свои транспорты, чтобы дать им возможность пробиться самостоятельно. Англичане ответили укреплением своей флотилии. Убедившись, что его план стал неосуществимым, император стал думать о прорыве блокады неожиданным вмешательством «летающей эскадры» извне. Для этого были разработаны самые разные схемы, но он отвергал планы один за другим, пока не осознал неизбежную необходимость приведения превосходящих сил боевого флота к транспортам. Опыт двух столетий ничему его не научил. Наполеон верил, что, сконцентрировав флот на большем расстоянии, чем когда-либо, он сумеет сломить фатальную хватку врага. Единственным результатом оказалось настолько сильное истощение сил его же флота, что тому даже не пришлось столкнуться с настоящими трудностями, связанными с выполнением поставленной задачи, которую все французские адмиралы считали непосильной для императорского флота. Наполеону не удалось приблизиться к решению проблемы, которую он для себя определил как вторжение по морю без господствующей силы. Британская оборона сохраняла свою прочность силами флотилии: ее прикрывала концентрация боевых эскадр в районе Ушанта. Французская армия не могла отправиться в плавание, пока флоту прикрытия не было нанесено решающее поражение, которое дало бы французам господство на море. А уж при наличии господства на море переправа армии не представляла бы никаких трудностей.

Мы не располагаем примерами работы изложенных принципов в современных условиях. Конечно, появление свободного движения кораблей, вне зависимости от ветра, должно было изменить их функции. После появления пара было только два вторжения через море без господствующей силы — в Крым в 1854 году и в Маньчжурию в 1904 году, и оба примера не являются подходящими, поскольку не велась речь о морской обороне. Тем не менее нет причин полагать, что такая оборона, организованная старыми способами, была бы менее эффективна, чем прежде. Ее основой

являлась флотилия, и после появления торпед ее мощь сильно увеличилась. Материальный и моральный эффект действий флотилии на транспорты определенно должен быть больше, чем раньше, а возможности боевых эскадр сломить блокаду флотилии ограничились. Опять же, мины приносят большую пользу обороне, делая, по существу, быстрый *coup de main* по любому важному порту неосуществимым. В отсутствие практического опыта придется обратиться к теоретическим заключениям.

С точки зрения теории успех старой британской системы обороны зависел от четырех отношений. Во-первых, это отношение скорости, с которой армия вторжения может быть мобилизована и погружена на транспорты, к скорости, с которой будет замечена активность в иностранных портах и на военных базах. Иначе говоря, шанс на внезапность и уклонение определяется как отношение скорости подготовки к скорости оперативности разведки.

Во-вторых, это отношение скорости конвоев к скорости крейсеров и флотилии. То есть — наша способность установить контакт с конвоем после его выхода в море, но до высадки экспедиционных сил она определяется как отношение скорости наших крейсеров и флотилии к скорости конвоя.

В-третьих, это отношение между разрушительной силой современных крейсеров и флотилий против конвоя без эскорта или со слабым эскортом и соответствующей силой во времена парусного флота.

В-четвертых, это отношение между скоростью конвоев и скоростью боевых эскадр, которое важно там, где вражеские транспорты охраняются сильным конвоем. От этого отношения зависит легкость, с которой боевая эскадра, прикрывающая нашу подвижную оборону, может обеспечить внутреннюю позицию, из которой она может нанести удар или по вражеской боевой эскадре, если она движется, или по конвою, прежде чем он завершит переход и приступит к выгрузке войск.

Современные условия изменяют все эти отношения в пользу обороны. В первом отношении скорости мобилизации к оперативности разведки это очевидно. Хотя мобилизация армии может вестись так же быстро, как и мобили-

зация флота, разведка обогнала их обеих. Это относится и к сбору, и к передаче разведывательных сведений. Подготовку к заморскому вторжению не так просто скрыть, поскольку активизируется движение грузов. Принимались сложные меры по предотвращению утечки коммерческой информации, но они никогда не были действительно успешными. Все же раньше, в условиях относительной незрелости организации международной торговли, маскировка была не столь сложной, во всяком случае на некоторое время. Но постоянно растущая способность мировой торговли к быстрому изменению, когда о колебаниях рынка сообщается не раз в неделю, а каждый час, усложнила проблему. Информация о товарах и курсах мировых валют может быть получена очень быстро и в любое время. К тому же нельзя забывать о том, что с появлением беспроводной связи скорость передачи военно-морских разведывательных сведений возросла значительно больше, чем скорость морского транзита.

Теперь об отношении скоростей крейсеров и конвоя, от которого зависит возможность уклонения от столкновения. В дни фрегатов оно составляло примерно 7 к 5. Сейчас, во всяком случае для больших конвоев, значение почти удвоилось.

О разрушительной силе флотилии, растущей день ото дня, было уже сказано достаточно. С появлением торпед и подводных лодок она возросла многократно. В несколько меньшей степени то же можно сказать и о крейсерах. В прежние дни возможности крейсеров нанести удар по рассеивающемуся конвою были сравнительно невелики из-за небольшой разницы в скорости и ограниченной мощности и дальности стрельбы орудий. С ростом всех перечисленных показателей возможности крейсеров возросли. Теперь они в состоянии догнать и уничтожить конвой.

Возросшее отношение скорости боевого флота к скорости больших конвоев также несомненно. Оно очень важно, потому что возможность найти внутреннюю позицию, которую оно предполагает, уходит корнями в старую систему. Пока наш боевой флот находится в позиции, откуда может прикрывать блокаду флотилии или наносить удары по вражеским конвоям, боевой флот противника в

качестве последнего средства вынужден приблизиться к конвою, что, как указывал Кемпенфельт, является фатальным для успеха вторжения.

Тогда, с какой бы точки зрения мы ни рассматривали будущие шансы на успешное вторжение по морю без господствующей силы, станет ясно, что старая система не только действует, но современное развитие отдельных ее составных частей усиливает ее эффективность.

II. Нападение на торговлю и ее защита

Основная идея нападения на торговлю и ее защиту сформулирована в старом афоризме: «Где есть туша, там соберутся стервятники». Самые «урожайные» районы всегда привлекали внимание нападавших и поэтому требовали надежной защиты. Между урожайными и неурожайными районами можно было провести линию, которая в стратегических целях была определенной и постоянной. Урожайные районы — это пункты отправления и назначения, где начинаются и заканчиваются многочисленные торговые пути, а также фокусные точки, в которых, благодаря форме земли, торговые пути имеют тенденцию сходиться. Неурожайными были маршруты, которые проходили через фокусные точки и соединяли терминальные пункты. Следовательно, нападение на торговлю могло принимать одну из двух форм: терминальную или морскую. Атака в терминальной точке более выгодна, но требует больше сил и риска. Морская атака не столь рискованна и не требует больших сил, зато и результат не гарантирован.

Эти рассуждения приводят нас непосредственно к парадоксу, который лежит в основе непрерывных и неудачных попыток врагов Великобритании оказать на нее решающее давление посредством операций против английской торговли. Он заключается в следующем: там, где атаки следует опасаться больше всего, защита производится легче всего. Военный план, в котором уничтожение торговли ставится первоочередной целью, предполагает, что использующая его сторона на море в меньшинстве. Если бы она обладала преимуществом, ее целью было бы превращение

преимущества в господство посредством сражения или блокады. Поэтому, за исключением редких случаев, когда силы равны, следует предполагать, что воюющей стороне, имеющей уничтожение торговли противника своей основной целью, придется иметь дело с превосходящим флотом. Далее отметим, что сложность защиты торговли заключается в основном в протяженности морского участка, по которому проходит торговый путь. С другой стороны, районов, где они имеют тенденцию сходиться, а только в них они являются действительно уязвимыми, немного, они невелики, и их можно легко захватить, тем более если обладаешь превосходящими силами. За пределами этих районов эффективный захват невозможен, но он и не нужен, поскольку невозможны и эффективные атаки. Отсюда и определяющий фактор военных действий против торговли: возможность нападения означает возможность защиты.

Кроме этого фундаментального принципа, следует выделить другой, не менее важный. Благодаря общему характеру морских коммуникаций нападение на торговлю и ее защита настолько тесно связаны, что одна операция почти неотличима от другой. Обе цели достигаются захватом общих коммуникаций. Самая сильная форма атаки — захват терминальных районов противника и установление коммерческой блокады находящихся в них портов. Но, поскольку эта операция обычно включает и блокаду соседнего военного порта, она также является оборонительной для нашей торговли, даже если терминальный район противника не накладывается на наш. При захвате фокусных районов две идеи еще более неотделимы друг от друга, потому что большинство этих районов, если даже не все, располагаются на общих коммуникациях. Посему достаточно рассмотреть общие аспекты проблемы с точки зрения обороны.

В соответствии с разницей между урожайными и неурожайными районами была построена старая система защиты британской торговли. Если взять широко, эта система предусматривала поддержание силы терминальных пунктов, а в наиболее важных случаях и фокусных. С помощью боевых эскадр и крейсеров были образованы защищенные районы или участки, и торговые пути на их протяжении

считались безопасными. Неустановившиеся морские пути, как правило, оставались незащищенными. Так, домашние терминалы Британии защищали две боевые эскадры — западная — в устье Канала и североморская, или восточная, штаб которой обычно располагался в Даунсе. С ними взаимодействовала крейсерская эскадра, располагавшаяся в Ирландии, — ее база находилась в Корке. Иногда ее подчиняли западной эскадре, но чаще она действовала как самостоятельное подразделение. Район западной эскадры во время французских войн охватывал, как мы уже видели, весь Бискайский залив. Относительно торговли она выполняла двойную функцию — предотвращала выход рейдерских эскадр из вражеских портов и атаковала атлантическую торговлю. Район североморской эскадры доходил до входа в Балтийское море и северного пути вокруг Шотландии. Ее основной функцией в период формирования больших военных коалиций против Великобритании было сдерживание операций голландских эскадр и недопущение вмешательства французских северным путем в балтийскую торговлю. Как и западная эскадра, она направляла дивизионы, обычно стоявшие в Ярмуте и Лейте, для защиты каботажной британской торговли от каперов и спорадических атак крейсеров, действующих из портов в пределах защищенного района. Кроме того, между Даунсом и западной эскадрой чаще всего находилась одна или несколько небольших эскадр, чаще всего крейсеров, которые располагались в районе Гавра и островов Канала. Они выполняли аналогичную функцию в отношении бретонских и нормандских портов. Дополняли систему патрульные суда флотилии, которые делали все от них зависящее, чтобы обеспечить безопасность каботажной торговли, тогда очень важной. Конечно, система защиты время от времени менялась, но общий вид всегда оставался таким. Морская оборона включала и охраняемые порты-убежища, главные из которых находились на побережье Ирландии — там могли укрыться океанские торговые суда. Но много портов — убежищ от каперов — располагалось и в других местах на территории защищенного района, а остатки батарей на британских берегах подтверждают, насколько совершенной была организация.

Аналогичная система преобладала и в колониях, но там морской обороной обычно занимались эскадры крейсеров, укрепленные одним или двумя линейными кораблями, в основном чтобы нести флаг. Туда приходили боевые эскадры, только если противник угрожал операциями таких же сил. Малая, или внутренняя, оборона против местных каперов также организовывалась местными силами, то есть флотилия состояла по большей части из шлюпов, построенных или взятых в аренду на месте, которые лучше всего были приспособлены для выполнения необходимых функций.

Фокусные точки тогда были не столь многочисленны, какими стали после начала развития дальневосточной торговли. Самая важная из них — Гибралтарский пролив — считалась защищенным районом. Защитой торговли занималась средиземноморская эскадра. Ведя наблюдение в районе Тулона, эскадра контролировала не только пролив, но и фокусные точки в море. Она также имела дивизионы — иногда их численность доходила до четырех: один — на подходе к Легхорну (Ливорно), другой — на Адриатике, третий — в районе Мальты и четвертый — в Гибралтаре. В периоды войн с Испанией последний был очень силен, чтобы обеспечить безопасность фокусного района у Картахены и Кадиса. В 1804—1805 годах на короткое время здесь обосновалась специальная эскадра. Но в любом случае район Гибралтара имел свою собственную внутреннюю флотилию для защиты от местных каперов и пиратов.

Общая теория этих защищенных терминальных и фокусных районов, как скоро станет ясно, заключалась в том, чтобы контролировать морские пространства, которые сходящиеся торговые пути делают наиболее урожайными и которые также являются адекватным полем действий для рейдерских эскадр. Несмотря на сложную систему защиты, такие эскадры могли, и иногда им это удавалось, вторгнуться внезапно или тайком и бросить вызов и эскортам конвоев, и крейсерскому сторожевому охранению. Опыт показал, что система защиты терминальных пунктов боевыми эскадрами делает невозможным для таких рейдерских эскадр оставаться в регионе достаточно долго, чтобы нанести серьезный ущерб. Си-

стему может разрушить только регулярный флот превосходящей численности. Иными словами, оборона может рухнуть, только когда наши средства местного контроля уничтожены в сражении.

Мы говорили о защищенных районах. Что же касается соединяющих их морских путей, они остаются незащищенными. Это значит, что безопасность идущих по ним торговых судов обеспечивает не охранение, а эскорт. Теория конвойной системы заключается в следующем: пока суда следуют по своему пути, они подвергаются опасности спорадических атак. Именно поэтому их собирают в большие группы и обеспечивают эскортом, достаточным, чтобы отразить спорадическую атаку. Теория крейсерского эскорта достаточно обоснована, но практика показала, что удобнее и экономичнее добавлять к крейсерам линейные корабли, которые идут, чтобы соединиться с удаленной эскадрой, или по какой-то причине возвращаются оттуда. Иными словами, система замены кораблей в удаленных эскадрах стала работать совместно с конвойной системой. Если подходящих боевых кораблей нет, а конвой имеет очень большую ценность или есть информация о выходе в море в районе его следования боевых кораблей противника, для его сопровождения отправляются специальные боевые корабли, которые потом возвращаются, но только в исключительных случаях.

Такой метод является следствием идеи защищенных районов. Поскольку это районы урожайные, а значит, привлекают рейдерские эскадры противника, морские пути между ними не урожайные, и противник вряд ли может себе позволить направить туда эскадру. Однако ясно, что система имеет слабые стороны, потому что сам факт следования ценного конвоя может привлечь эскадру, и относительный иммунитет этих путей сразу теряется. Опасность в значительной степени обуславливалась тем фактом, что вражеские порты, из которых могла выйти эскадра, находились в защищенных районах под наблюдением наших эскадр. Но это наблюдение не дает абсолютной гарантии. Всегда остается вероятность, что эскадре удастся выйти в море, и, если это произошло, ее необходимо преследовать. Поэтому были времена, когда конвойная система подвер-

галась опасности, как, например, произошло во время Трафальгарской кампании, когда цепочка британских защищенных районов оказалась разорванной уходом эскадры из Тулона. Этот уход впоследствии вынудил британцев собрать флот к западной эскадре, но, несмотря на прочие соображения, держать массу флота было невозможно больше двух дней. Дело в том, что приближались большие конвои из Вест-Индии и Ост-Индии, и возвращение Вильнева в Ферроль с Мартиники открыло его для эскадренной атаки. И даже невозможно было точно сказать, не была ли концентрация навязана британцам именно с этой целью.

Неприятности такого рода являлись самым серьезным стратегическим возражением конвойной системе. Минимизировать их можно было, дав конвою секретный маршрут на случай возникновения опасности нападения эскадры. Это было сделано в упомянутом выше случае, но предосторожность не ослабила тревогу. Возможно, это произошло потому, что в те дни, когда связь была недостаточно мобильна, не было уверенности, что информация о секретном маршруте будет получена.

Современное развитие судоходства и средств связи настолько изменили все условия защиты торговли, что нет такой части стратегии, где исторические аналогии были бы сложнее и более подвержены ошибкам. Чтобы избежать, насколько возможно, таких ошибок, важно при каждом шаге помнить об изменении существующих условий. Самых важных из них три. Первое — это ликвидация каперства, второе — уменьшение дальности действия всех военных кораблей, третье — развитие беспроволочного телеграфа. Есть и другие, забывать о которых не следует, но эти три лежат в корне проблемы.

К сожалению, не существует точных статистических данных об уничтожении торговли в прошлых войнах, но одно представляется определенным: основная масса захватов, которые исчислялись сотнями, а то и тысячами, производилась каперами. Также очевидно, что большая часть ущерба наносилась небольшими каперами, действовавшими в районе своих баз, домашних или колониальных, против прибрежной и местной торговли. Жалобы купцов, насколько известно, относятся в основном к дей-

ствиям таких каперов в Вест-Индии и домашних водах, а рассказы о больших захватах в открытом море сравнительно редки. Материальный ущерб, нанесенный ордой маленьких суденышек, был, может быть, и невелик, но моральный эффект оказался намного серьезнее. Даже самое сильное правительство не могло его игнорировать, следствием чего являлись хронические нарушения масштабных стратегических диспозиций. В то время как эти диспозиции были адекватными для сдерживания операций крупных каперов, действовавших аналогично большим крейсерам, малые чувствовали себя привольно, активно действуя между «ребрами» защитной системы, и разобратся с ними можно было, лишь заполнив пространства большим числом мелких крейсеров. Естественно, это делалось в ущерб крупным диспозициям. Но даже при этом близость вражеских портов делала спасение настолько простым, что проводимые репрессии были неэффективными. Примерно так же обстоят дела с партизанской войной. Обычные стратегические механизмы в ней отказывают так же полно, как наполеоновские методы оказались совершенно неэффективны в отношении испанской герильи, а британские — в Южной Африке.

Из этого следует, что ликвидация каперства означала разрешение самой сложной части проблемы. Конечно, нельзя сказать точно, насколько строго Парижская декларация соблюдалась на практике. В конце концов, всегда можно в большей или меньшей степени обойти ее, объявив вооруженное торговое судно военным. Правда, маловероятно, что такая практика распространилась шире, чем только на частные суда. Любая попытка возродить такие плутовские методы была бы, в сущности, нарушением международного права, что непременно повлекло бы за собой соответствующее наказание. Более того, по крайней мере в домашних водах Великобритании, условия, благоприятствовавшие подобной плутовской войне, больше не существовали. В старых войнах основная масса грузов приходила на Темзу, откуда они развозились небольшими каботажными судами. Именно против таких судов действовали мелкие каперы, собирая богатый урожай. Но после создания крупных распределительных центров, из которых

грузы развозятся по сети дорог, Канал больше не является единственной артерией, и теперь старых беспорядков можно избежать, не нарушая систему торговли.

Значит, существует вероятность, что в будущем найдутся более простые решения проблемы, работе по защите торговли будет уделено больше внимания со стороны стратегии, чем раньше, и произойдут изменения в пользу защиты торговли и против нападения на нее.

Сокращение сферы действий является едва ли менее важным. В прежние дни судно можно было загрузить припасами для шестимесячного плавания, и, пока существовала возможность пополнять запасы топлива и пресной воды, оно могло свободно бороздить морские просторы за пределами защищенных районов, оставаясь жизнеспособным. Для таких морских операций его передвижения оставались практически неограниченными. Такое судно могло несколько дней уходить от преследования превосходящих сил противника или само устремляться в многодневную погоню, могло долго выжидать или переходить на новое место. Пока на борту оставались люди, которые могли стать у штурвала захваченных призовых судов, способность судна наносить ущерб была практически неограниченной. Сейчас все изменилось. Теперь судно сможет взять гораздо меньше припасов в один рейс. Оно ограничено короткими переходами в пределах стратегически защищенного района. Если же оно предназначено для морских операций, то должно следовать так далеко в поисках незащищенных районов, что израсходует все запасы угля раньше, чем туда доберется. А несколько погонь на большой скорости в этот период, скорее всего, заставят его вернуться сразу, если только не будет уверенности в пополнении запасов угля у приза. Кроме того, выделение людей для управления призовым судном уменьшает численность команды в машинном отделении, а значит, отрицательно сказывается на скорости. Это может уменьшить шансы такого судна пройти через защищенные районы или в непосредственной близости от них. Единственный выход — топить захваченные суда. Только на это тоже существуют возражения, причем очень весомые. Ни одно государство не захочет навлечь на себя позор,

потопив захваченное судно со всей командой, а ее переход на захватившее судно требует времени, особенно в плохую погоду. К тому же присутствие большого числа пленных на крейсере очень скоро начинает сказываться на его боевой мощи. Если же захвачено большое судно, его не так просто уничтожить. Даже при самых благоприятных обстоятельствах это требует большого количества времени и боеприпасов, что сказывается на выживаемости судна.

Из сказанного следует, что возможностей действий на морских торговых путях стало намного меньше, чем раньше, и утверждать, что там «кишат» крейсера, — чистое преувеличение. В современных условиях, к примеру, едва ли целесообразна постоянная блокада британских островов. Это потребует такого количества судов, каким не располагает ни одна страна (кроме разве что самой Великобритании), да и то сначала придется добиться решающего преимущества на море. Таким образом, сокращение радиуса действия хотя и не увеличивает силы обороны, зато существенно уменьшает силы атаки на море.

На значительный рост оборонной мощи оказало влияние быстрое развитие средств дальней связи. Раньше крейсирующее судно могло оставаться на урожайном месте в течение многих дней и производить захваты один за другим — о его присутствии никто не знал. Но с тех пор, как на большинстве торговых судов появились средства беспроводной связи, подвергнувшееся нападению судно первым делом отправляет в эфир зов о помощи. Кроме того, каждое судно в пределах дальности действия связи получает предупреждение о присутствии противника и имеет возможность уклониться от нежелательной встречи. Нападающему приходится постоянно перемещаться, то есть неэффективно расходовать и без того скудные припасы. В целом получается, что современные разработки сделали морские операции нападения на торговлю намного более сложными, чем раньше. На морских путях возможности атаки снизились, а средства уклонения достигли такого развития, что требуют полного пересмотра вопроса защиты торговли между терминальными участками. Вопрос касается всей основы старой системы. Основой была конвойная система, и сейчас представляется сомнительным, перевесит ли до-

полнительная безопасность, обеспечиваемая конвоями, их экономические недостатки и склонность становиться причиной стратегических беспорядков.

Помимо упомянутых существует еще три соображения, которые говорят о целесообразности обеспечения безопасности морской торговли Великобритании, дав ей более широкие возможности в выборе маршрута. Первое: паровые суда не ограничены, как парусные, в выборе маршрутов направлениями преобладающих ветров. Второе: совершенствование искусства судовождения сделало ненужным приближение к земле в известных местах во время длительных переходов. Третье: умножение портов захода превратило основной поток грузов, следовавший в Канал в прежние времена, в несколько мелких ручейков, расходящихся по большой площади, и, значит, для эффективной атаки на них необходимы очень большие силы. Очевидно, что все, упомянутое выше, говорит о том, что шансы единичных судов уклониться от встречи с вражескими крейсерами существенно выросли и уменьшился риск отказа от эскорта.

Но не только новые практические трудности спорадических операций на торговых путях являются аргументами, сводящими на нет пользу конвоев. Следует также помнить, что, в то время как число торговых судов, бороздящих океанские просторы, после 1815 года многократно возросло, вряд ли возможно, даже если возродить каперство, что число крейсеров для морских атак превысит или даже сравняется с их числом во времена парусного флота. А значит, это соображение также должно быть положено на чашу весов против конвоев. Ведь очевидно, что размер серьезного оперативного ущерба, который противник может нанести нашей торговле посредством морских операций, главным образом определяется отношением мощи его крейсеров к объему торговли. Этот аспект вопроса, однако, является частью более широкого, который касается отношения объема торговли к трудности ее защиты. Об этом мы поговорим далее.

Остается рассмотреть последнее звено в старой системе защиты. Утверждение, что морские пути были оставлены без защиты, на первый взгляд противоречит общему впечатлению, на основании того факта, что постоянно упо-

минается о фрегатах «в плавании». Предполагается, что они занимались патрулированием морских путей. Только это было не так, да и они не странствовали по морям по собственной воле, а составляли необходимую и строго определенную часть системы. Хотя система основывалась на разнице между защищенными терминалами и незащищенными морскими участками, что было действительным стратегическим отличием, невозможно было провести четкую границу, где заканчивалась одна область и начиналась другая. С внешней стороны от постоянно защищенных районов находилась область, которая, поскольку торговые пути начинали сходиться, была сравнительно урожайной. Здесь крейсера противника и его крупные каперы искали грань между риском и выгодой. Кроме того, конвои, входя в эту зону, подвергались максимальной опасности, потому что эскорт мог оказаться слабее рейдерских эскадр. Поэтому существовала практика при подходе конвоев направлять туда группы мощных крейсеров и даже дивизионы линейных кораблей, чтобы встретить конвой и усилить эскорт. Эскорты уходящих конвоев также укреплялись, пока благополучно не выходили из опасной зоны. Такая система использовалась англичанами и дома, и в колониях. Причем это было никоим образом не патрулирование торговых путей. В теории и на практике это была система сторожевых отрядов, которые в самые опасные периоды расширяли охраняемые районы и усиливали эскорты конвоев. Менее важные фокусные точки, такие как мысы Финистерре и Сент-Винсент, обычно охранялись одним или двумя мощными крейсерами, а если надо, и эскадрой.

Как уже говорилось, благодаря особым морским условиям и общему характеру морских коммуникаций такие диспозиции предназначались как для защиты, так и для нападения, и урожайный район, для защиты которого капитан фрегата был отправлен «в плавание», должен был принести ему богатую награду. Его миссия в обороне заключала в себе лучшие возможности для атаки.

При полном развитии системы патрульные направления действительно существовали, но не на крупных торговых путях. Они создавались для соединения смежных охраняемых районов и в качестве научной организации

крейсерского охранения. В 1805 году Гибралтар и домашние районы были связаны патрулируемой линией, которая шла от мыса Сент-Винсент мимо фокусной точки Финистерре к Кейп-Клир с ответвлением к стратегическому центру Ушанта. Новая система появилась в то время, когда англичане имели основания ожидать, что испанский и французский флоты разделятся на небольшие рейдерские эскадры и целиком посвятят себя нападениям на британскую торговлю. Поэтому были необходимы дополнительные меры по обнаружению этих эскадр, которые могли ускользнуть от постоянных блокад и организовать их преследование. Новые линии, по сути, были, в первую очередь, разведывательными, хотя и рассматривались одновременно как единственное средство эффективной защиты южного торгового пути в том месте, где он огибал французские и испанские порты¹.

Можно заметить, что вся система, хотя и не противоречила главной цели — заставить флот противника действовать, влекла за собой расходование сил и отвлекающих занятий, как в сухопутной войне. Большое число крейсеров приходилось использовать иначе, чем в качестве глаз боевых эскадр, а уход и прибытие конвоев вызывали периодические колебания в общей диспозиции.

Такие коммерческие отвлечения были, конечно, затруднительными в прежних войнах, но в будущем они должны были стать только серьезнее. Есть мнение, и достаточно аргументированное, что британская торговля стала не просто шире и богаче. Благодаря определенным экономическим изменениям она стала больше вопросом жизни и смерти нации, чем в дни, когда продовольствие и сырье не были основной частью импорта страны. Считается, что в новых условиях британцы стали более уязвимыми через свою торговлю и потому обязаны уделять больше внимания и сил ее защите.

¹ Следует отметить, что Корнуоллис не считал такую систему новой, за исключением удлинения от Финистерре до Сент-Винсента, которое посоветовал Нельсон. Подтверждая получение приказа с Ушанта, он писал: «Инструкции являются почти такими же, какие были всегда. Могу только догадываться, зачем мне отправили копию приказа». (*Примеч. авт.*)

Если бы это было правдой, очевидно, что война с сильными военными флотами поставила бы страну перед изрядными трудностями, куда более внушительными, чем раньше. Ведь в современных условиях необходимость в крейсерах на флоте стала намного больше, а возможность выделять их для защиты торговли — меньше.

Вряд ли стоит отрицать, что на первый взгляд заключение выглядит весьма убедительным. Но при тщательном анализе станет ясно, что оно включает два предположения, и оба крайне спорны. Первое заключается в том, что уязвимость морской державы через морскую торговлю возрастает с ростом объема торговли. Второе заключается в том, что трудность защиты морской торговли также возрастает с ростом ее объема, иначе говоря, чем больше объем торговли, тем больше сил необходимо для ее защиты. Эта идея настолько укоренилась, что нам иногда предлагается устанавливать критерий своей военно-морской мощи, сравнивая его с отношением военно-морской мощи других государств к их морской торговле.

Надеюсь, что кратко описанная выше традиционная система защиты морской торговли Великобритании, по крайней мере, вызвала сомнение в целесообразности принятия обоих предположений на веру без тщательного рассмотрения. В истории системы ничто не указывает на то, что на нее влиял объем торговли, которую она была призвана защищать. Также пока никто убедительно не доказал, что давление, которое противник способен оказать на страну через ее торговлю, возрастает с ростом объема торговли. В действительности все указывает на обратное — чем больше объем торговли, тем меньше влияние, которое противник может на нее оказать. Это справедливо, даже если противник тратит на это всю энергию своего флота. Не будет преувеличением утверждать, что всякий раз, когда враг Британии выбирал эту методику, страдала только его собственная торговля, а английская — процветала.

Можно возразить, что так получалось потому, что единственные периоды, когда враг направлял свои главные усилия на уничтожение торговли, наступали, когда англичане доминировали над его военно-морским флотом. Он не имел возможности оспорить господство, по-

этому ему оставалось только мешать его осуществлению. Но так должно быть всегда, независимо от доминирования нашего флота. Если противник пытается игнорировать наш боевой флот и посвящает себя операциям против торговли, он не может оспорить господство. Какой бы ни была его сила, ему придется оставить господство нам. Враг не может систематически заниматься и тем и другим, и, если он не нападает на торговлю систематически, проводя непрерывные стратегические операции, он не может надеяться на заметное влияние.

Если же теперь взять оба допущения и проверить их, применяя элементарные принципы, оба покажутся теоретически необоснованными. Рассмотрим сначала отношение уязвимости к объему. Поскольку цель войны — навязать свою волю противнику, единственный путь, с помощью которого нападение на торговлю может способствовать достижению цели, — нанести противнику такой серьезный ущерб, что он предпочтет мир на наших условиях продолжению войны. Причем давление на торговлю должно быть не просто раздражающим, а невыносимым. Оно должно пагубно сказаться на финансовом состоянии противника или ограничить жизнь и активность нации. Если объем его торговли — 100 миллионов, а мы уничтожим 5, противник ощутит это как не более чем обычные колебания в мирное время. Если же нам удастся уничтожить 50 миллионов, его торговый баланс будет уничтожен, что не может не сказаться на ходе войны. Иными словами, чтобы повлиять на ход войны, доля уничтоженной торговли в общем объеме должна быть достаточно высока. Мерой национальной уязвимости через торговлю является доля, которую противник может позволить себе потерять.

Это правда, что размер ущерба, который воюющая сторона может нанести данными силами на торговлю противника, в некоторой степени зависит от ее объема: чем больше объем торговли, тем более урожайными будут незащищенные районы. Но независимо от того, насколько урожайными будут такие районы, разрушительная сила крейсера всегда была ограничена и, вероятно, будет еще более ограниченной в будущем. Она была ограничена тем, что физически невозможно захватить больше определен-

ного числа призов в определенное время, и по уже указанным причинам этот предел стал более ограниченным. Когда предел возможностей для данных сил исчерпан, объем торговли перестает иметь значение. Учитывая уменьшение возможностей в будущем и увеличение объема торговли, можно утверждать, что предел разрушительных возможностей, по крайней мере против Великобритании с ее хорошо развитой системой защиты, сравнительно низок. Есть основания полагать, что действительная уязвимость морской торговли находится не в прямой, а в обратной зависимости от ее объема. Иными словами, чем больше объем, тем труднее достичь нужной доли.

Также можно отметить, что нагрузка на систему защиты торговли пропорциональна не объему этой торговли, а количеству и степени открытости терминалов и фокусных точек. Каким бы ни был объем торговли, их остается одно и то же число, и количество сил, необходимых для их защиты, варьируется в зависимости только от сил, которые выступают против них. Оно варьируется в зависимости от распределения вражеских баз и военно-морских сил. Так, в войне 1812 года с Соединенными Штатами вест-индский и североамериканский районы были значительно более незащищенными, чем во время войны Англии с одной только Францией и когда американские порты не были открыты для нее как базы. Они были уязвимыми не только для флота Соединенных Штатов, но также, и в значительно большей степени, для Франции, а значит, силы, которые Англии пришлось выделить для защиты своей североатлантической торговли, не могли быть пропорциональны военно-морской мощи новой воюющей стороны. Англичанам пришлось многократно усилить свою защиту, хотя объем торговли остался прежним.

Связь защиты торговли с расположением терминальных и фокусных районов очень важна, потому что именно в увеличении таких районов на Дальнем Востоке лежит единственное радикальное решение этой проблемы. Ост-индские моря всегда считались в какой-то степени защищенными районами, но ситуация упростилась частичным выживанием в этих районах старых методов обороны. Примерно до конца XVII века дальняя торговля была вы-

нуждена защищаться самостоятельно, во всяком случае за пределами домашних вод, и сохранение вооружения жителями Ост-Индии было последним уцелевшим фактором старой практики. Если не считать чрезвычайно важного фокусного района Сент-Хеленс, они полагались в основном на собственные силы сопротивления или старались обеспечить максимальный эскорт, который только могли сформировать из меняющихся кораблей Ост-Индии. Как правило, их эскорт доходил с уходящим конвоем только до Сент-Хеленс, откуда возвращался с идущим домой конвоем из Индии, Китая и южных морей. Идея системы заключалась в обеспечении эскорта для той части торгового пути, который был уязвимым для атак с французских или испанских колониальных баз на африканском побережье или прилегающих островах.

По очевидным причинам эту систему впоследствии пришлось пересмотреть. Экспансия великих европейских держав изменила условия, которым она удовлетворяла, и в войне Великобритании с любой из них система защищенных терминальных и фокусных районов потребовала бы значительного продления на восток, отвлекая существенную часть военно-морских сил и вызывая сравнительно слабое продление цепочки концентраций. Итак, мы обозначили пункт, где защита торговли усложнилась. Есть и другой.

Хотя мелкие базы противника в пределах защищенного района по большей части перестали угрожать торговле, они, став торпедными базами, явились угрозой для защиты торговли. Ясно, что, пока такие базы существуют и имеют мощную флотилию, обеспечение защиты торговли становится не таким простым делом, как было раньше. Требуются другие, намного более сложные мероприятия. И все же принцип защищенных районов остался неизменным, и для его работы с прежней эффективностью средства и диспозиции для обеспечения безопасности этих районов следовало адаптировать к новым тактическим возможностям. Старые стратегические условия, насколько можно судить, не изменились, разве только, судя по современным данным, стали еще больше благоприятствовать обороне, а не нападению.

Если мы хотим сформулировать принципы, на которых основан этот вывод, их можно обнаружить в двух основных правилах. Во-первых, уязвимость торговли обратно пропорциональна ее объему, а во-вторых, возможность нападения означает возможность обороны. Последнее, всегда бывшее истиной, особенно подчеркивается современным развитием. Возможность атаки означает возможность осуществлять контроль. Для осуществления контроля нам требуется не только количество, но также скорость и выносливость, качества, которые могут быть достигнуты двумя путями: ценой брони и вооружения или увеличением размера. Увеличивая размеры, мы теряем количество. Если, жертвуя броней и вооружением, мы хотим поддержать количество и тем самым помочь атаке, мы одновременно помогаем обороне. Суда с низкой боевой мощью не могут оперировать в урожайных районах без поддержки, способной подавить оборону. Каждый мощный корабль, посланный для такой поддержки, освобождает корабль другой стороны, причем, когда процесс начат, остановить его уже невозможно. Для эффективности поддерживающих кораблей они множатся в эскадры, и рано или поздно сторона, находящаяся в меньшинстве, желая заменить уничтожение торговли столкновением между эскадрами, получит эскадренную войну, развернутую против нее, конечно, если сторона, имеющая преобладающие силы, применит разумную и надежную систему защиты. Так было всегда, и, насколько возможно заглянуть в туманные дали будущего, представляется, что с более высокой мобильностью и лучшими средствами связи эскадренная стадия должна быть достигнута задолго до того, как война против торговли добьется ощутимого результата. В прошлом такие войны тоже были неэффективными, если не было достигнуто общее господство на море, и их перспективы, судя по старым принципам, весьма малообещающи.

И наконец, завершая разговор о проблеме защиты торговли и особенно о фактическом определении сил и их распределении, следует упомянуть одно доминирующее ограничение. Никакими мыслимыми средствами нельзя обеспечить торговле абсолютную защиту. Нельзя сделать омлет, не разбив яйца. Невозможно вести войну, не теряя

корабли. Стремиться к уровню военно-морских сил или стратегического распределения, который сделает торговлю абсолютно неуязвимой, значит — двигаться к экономическому краху. Это сократит наши шансы вести войну до успешного завершения и приведет нас к позиции своего рода морского деспотизма, которая, если и является достижимой, обратит всех против нас. Все эти неприятности обрушатся на нас, а цель, ради которой началась война, так и останется недостигнутой. В 1870 году¹ вторая по силе морская держава вела войну с государством, которое вообще нельзя было назвать морской державой, и все же она теряла свои корабли. Даже в дни самого полного господства Британии на море ее торговля не была неуязвимой, да этого и быть не могло. Стремиться к неуязвимости — значит предаваться стратегическому пороку — попытке превзойти всех и везде, принести в жертву жизненно важные цели ради второстепенных, строить планы на том предположении, что война может вестись без потерь, или, короче говоря, что война является тем, чем она никогда не может быть. От таких, вскормленных мирным временем мечтаний следует решительно отказаться. Мы всегда должны ориентироваться на экономическую силу, что, с одной стороны, даст нам возможность накопить финансовые ресурсы на черный день, а с другой, когда этот день придет, не позволит задушить нашу экономику и финансы, перекрыв поток следующих в страну грузов.

III. Нападение, защита и поддержка военных экспедиций

Нападение на заморские морские экспедиции и их защита подчиняются по большей части тем же принципам, что и нападение на торговлю и ее защита. В обоих случаях это вопрос контроля над коммуникациями, и в общем можно сказать, что если мы контролируем их для одной цели, то контролируем и для другой. Но для объединен-

¹ Вероятно, автор имеет в виду Франко-прусскую войну 1870—1871 годов.

ных экспедиций свобода прохода не является единственным соображением. Обязанности флота не ограничиваются защитой экспедиции на переходе, как в случае конвоев, если, конечно, опять же как в случае конвоев, пунктом назначения является дружественная страна. В обычном случае, когда экспедиция отправляется во враждебную страну, где следует ожидать сопротивления с самого начала операций, у флота есть и другие обязанности. Это обязанности поддержки, и именно они отличают военноморские мероприятия для объединенной операции от соответствующих мероприятий по защите торговли. Если не считать этого соображения, методы защиты одинаковы. В каждом случае необходимая мощь измеряется опасностями, которые могут ожидать на переходе. Однако этот стандарт не работает при объединенных экспедициях, потому что, как бы ни был мал риск, защитные мероприятия должны быть достаточно экстенсивными, чтобы включать в себя мероприятия для поддержки.

Прежде чем рассмотреть этот, самый сложный, аспект вопроса, лучше всего выбросить из головы нападение. Со стратегической точки зрения его принципы практически не отличаются от уже изложенных — для активного сопротивления вторжению. Является ли угрожающая нам экспедиция небольшой или имеет силу вторжения, главное правило всегда заключалось в следующем: основной целью флота всегда должны быть транспорты, а не эскорт. Эскорт, согласно прежней практике, должен быть повернут или остановлен, но никогда не рассматривается как основная цель, если только поворот и остановка окажутся осуществимыми. Нет необходимости повторять слова старых мастеров, в которых сохранен от забвения этот принцип. Нам очень редко удастся найти в военной стратегии правило, сформулированное технически точными терминами, но это является исключением. В старых эскадренных инструкциях сказано: «Транспорты противника должны быть вашей главной целью». Лучше и не скажешь.

Нельзя сказать, что это правило применимо только к случаям, когда конвой охраняет один только эскорт. Оно действует и в исключительных случаях, когда военные силы сопровождают или охраняются всей боевой мо-

шью военно-морского флота противника. Мы видели, как в 1744 году Норрис был готов преследовать французские транспорты, если потребуется, всеми силами своего флота, а в 1798 году Нельсон организовал свой флот таким образом, чтобы сдержать, а не уничтожить боевую эскадру противника, чтобы атаковать транспорты.

У этого, как и у всех стратегических правил, есть исключения. Могут возникнуть условия, при которых, если транспорты противника сопровождает боевой флот, есть смысл ради далеких целей рискнуть упустить транспорты, чтобы воспользоваться возможностью уничтожить флот. Но даже в таком случае различие будет не более чем академическим. Ведь лучший шанс обеспечить решающее тактическое преимущество против вражеского флота — вынудить его принять наши правила, угрожая атакой на транспорты. Хорошо известно, что именно в некотором замешательстве, вызванном присутствием транспортов, лежит особая слабость отвечающего за него флота.

Есть одно условие, которое радикально отличает сравнительно небольшие экспедиции от больших вторжений. Речь идет о возможности уклонения. Британский опыт не оставил сомнений в том, что один только флот не может гарантировать защиту от таких экспедиций. Невозможно дать гарантию, что удастся предотвратить их отплытие или атаковать в пути, особенно если в открытом море они могут свободно выбирать маршрут. Так было с французской экспедицией против Ирландии. По этой причине, хотя адекватный военно-морской флот всегда считался достаточным условием для того, чтобы предотвратить вторжение, для защиты от экспедиций нужна еще и армия. Чтобы усовершенствовать нашу оборону или, иными словами, нашу атакующую мощь, такая армия обеспечит, чтобы экспедиции, достаточно мелкие для уклонения от флота, не смогли нанести ущерб на земле. Если по численности, подготовке, организации и диспозиции армия соответствует поставленной задаче, противник не сможет повлиять на ход войны, если только не увеличит экспедиционные силы до масштабов вторжения и тем самым окажется перед проблемой, которую еще никому не удавалось решить на море без господствующей силы.

Но даже для экспедиций, не достигших масштаба вторжения, флот будет рассматривать армию как вторую линию, и его стратегия должна предусматривать возможность взаимодействия с армией на случай, если противнику удастся избежать встречи с кораблями. Грамотно распределив свою прибрежную флотилию, моряки обеспечат установление самого раннего контакта с экспедицией после того, как станет ясно ее назначение. Они разовьют принцип, делающий армию главной целью, до максимума, организовав самое мощное и активное крейсерское преследование, а учитывая беспроводную связь и возросшую крейсерскую скорость, такое преследование является намного более грозным оружием, чем раньше. В наши дни ни одна экспедиция, независимо от того, насколько успешно ей удалось уклониться от блокады, не может быть застрахована от военно-морского вмешательства в процессе высадки. Еще меньше гарантий от морского удара в тыл или фланги, пока она укрепляет фронт против домашней армии. Можно попробовать, используя крупные транспорты, уменьшить их количество и обеспечить повышенную скорость. Это, конечно, повысит шансы уйти от наблюдения, но существенно продлит критический период высадки. Если же, используя мелкие транспорты, попытаться обеспечить ускоренную высадку, это снизит шансы уклониться от блокады, поскольку уменьшит скорость и увеличит площадь морского пространства, занимаемую экспедицией во время перехода. По сути, все современные разработки, созданные для обороны на случай вторжения по морю без господствующей силы, также облегчают своевременный контакт с экспедицией, старающейся уклониться от встречи с флотом противника. Кстати, нельзя забывать, поскольку проблема комплексная, что соответствующие мероприятия на берегу работают на армию-защитницу. Таковы основные принципы, определяющие попытки противника организовать объединенную экспедицию в наших водах, где мы обладаем достаточной военно-морской мощью, чтобы лишить его возможности достижения постоянного местного господства. Теперь можно перейти к более объемному и сложному вопросу проведения таких экспедиций в условиях, когда ситуация на море противоположная.

Не следует забывать, что под ведением мы понимаем не только их защиту, но и поддержку, и поэтому начать следует с различия между такими экспедициями и конвоями. Конвой состоит из двух элементов — флота торговых судов и эскорта. Но объединенная экспедиция состоит не просто из армии и эскадры. Это организм более сложный и однородный. Его можно представить состоящим из четырех частей: армия; транспорты и флотилия для высадки, то есть флотилия плоскодонок и паровых буксиров, которая может перевозиться на транспортах или сопровождать их; эскадра, отвечающая за транспорты, куда входит собственно эскорт и поддерживающая флотилия более легких плавсредств для работы у берега; и наконец, эскадра прикрытия.

Во всяком случае, именно такой экспедиция представляется при логическом анализе. Однако эти элементы настолько тесно связаны в единый организм, что на практике между ними очень сложно провести четкую границу. Они могут быть весьма замысловато переплетены. В той или иной степени каждый из них выполняет функции другого. Так, эскадра прикрытия может быть не только неотделима от эскорта и кораблей поддержки, но также нередко представляет собой большую часть флотилии и даже долю десанта. Аналогично эскорт может служить транспортом и частично обеспечивать как группу поддержки, так и флотилию для высадки. Поэтому разделение на четыре части в основном является чисто теоретическим. Но только его использование не ограничивается тем, что оно определяет различные функции, которые должен выполнить флот. Чуть позже мы увидим, что оно имеет практическое стратегическое значение.

С точки зрения военно-морского флота в первую очередь следует рассмотреть эскадру прикрытия, поскольку попутно мы подчеркнем не только разницу между сопровождением объединенных экспедиций и сопровождением конвоев, но также тот факт, что такие экспедиции являются действительно объединенной силой, а не просто армией, которую сопровождает флот.

В системе защиты торговли эскадре прикрытия места нет. Как мы видели, боевой флот используется для удержи-

вания определенных терминальных районов и не имеет органичной связи с конвоями. У конвоев нет другой защиты, кроме эскортов и подкреплений, встречающих их на подходе к терминальным районам. Но когда конвой транспортов составляет часть объединенной экспедиции, которой предстоит высадиться на территории противника и преодолеть сопротивление действительно совместными операциями, ему всегда выделяется эскадра прикрытия. В случае дальних целей боевая эскадра может не присоединяться, пока вся экспедиция не соберется на театре военных действий. На переходе к театру транспорты может защищать только конвой. Но когда начинаются операции с точки концентрации, прикрывающая эскадра всегда рядом.

Только если войска направляются в дружественную страну и путь их следования хорошо защищен блокадами, тогда без прикрывающей эскадры можно обойтись. Поэтому, к примеру, британские экспедиции, спешившие на помощь Португалии, рассматривались как торговые конвои. Но экспедиция Вульфа в Квебек и Амхерста в Луисбург, так же как многочисленные экспедиции в Вест-Индию, всегда имели на театре военных действий боевую эскадру, как неотъемлемую составную часть. То же можно сказать и об участии Великобритании в Крымской войне. Британские войска первоначально были посланы для высадки в Галлиполи, то есть на дружественной территории, чтобы действовать на ней в качестве сил наблюдения. Это не была объединенная экспедиция в строгом понимании этого слова, и транспорты не прикрывала боевая эскадра. Их проход защищал британский флот на Канале и в Средиземном море, контролировавший выходы из Балтийского и Черного морей. Но когда первый военный план оказался неэффективным и было принято решение об организации совместного наступления на Севастополь, средиземноморский флот утратил свой независимый характер, и его главной функцией стало предоставление боевой эскадры для прикрытия войск.

Видя, насколько важны поддерживающие функции такой эскадры, термин «эскадра прикрытия» может показаться неудачным. Он принят по двум причинам. Во-первых, именно он использовался в Великобритании в последнем

из вышеупомянутых случаев, который являлся последней большой объединенной экспедицией, отправленной из этой страны. При подготовке крымского десанта сэр Эдмунд Лайонс, начальник штаба сэра Джеймса Дондаса, отвечавший за объединенную экспедицию, организовал флот из «эскадры прикрытия» и «эскадры, отвечающей за транспорты». Во-вторых, термин подчеркивает главную и первоочередную задачу эскадры. Потому что, как бы ни были важны ее функции поддержки, они не должны оставлять в тени главную функцию — предотвращение вмешательства в ход объединенных операций — высадку, поддержку и снабжение армии. Так, в 1705 году, когда Шовел и Петерборо действовали против Барселоны, Шовел прикрывал амфибийную блокаду от французской эскадры в Тулоне. Петерборо запросил поддержки моряков на берегу, чтобы организовать *coup de main*, и Шовел согласился высадить их, только заручившись пониманием, что, как только будет получен сигнал о выходе тулонской эскадры в море, они немедленно вернутся на корабли, независимо от положения дел на берегу. Петерборо согласился. Принцип именно тот, который выражает термин Лайонса «эскадра прикрытия».

Если привести события Крымской войны как прецедент без такой традиционной поддержки, это вряд ли покажется убедительным. Британцы по-своему содействовали рождению легенды, что во всем, касающемся организационной и штабной работы, та война была просто собранием устрашающих примеров. Но в реальности ее начало, как объединенная операция, и по идее, и по организации, было выполнено просто блестяще. Первоначально это была экспедиция в помощь союзникам в их стране, но неожиданно, без предварительной подготовки, она превратилась в сложнейшую объединенную операцию против территории заранее предупрежденного противника. Она предусматривала высадку на берег в штормовых условиях в пределах досягаемости орудий военно-морской крепости, содержавшей армию неизвестной численности и флот, не намного уступающий британскому в боевой силе и непобежденный. Эта операция была сравнима с захватом Луисбурга и высадкой японцев на полуостров Ляодун, только условия были сложнее. Обе упомянутые операции были «отрепети-

рованы» несколькими годами ранее и долго готовились. В Крыму все было покрыто мраком, даже пар был элементом недоказанным, главной силой стала импровизация. Французам пришлось практически демобилизовать свой флот, чтобы снабдить транспорты, и предприятие оказалось до такой степени опасным, что они всячески противились его проведению. Англичанам пришлось, помимо преодоления прочих трудностей, «тащить на своих спинах» не желающих сражаться союзников. Тем не менее операция была проведена, и, во всяком случае, в том, что касалось военно-морской части, методы, приведшие к успеху, были кульминацией всего, что англичане успели узнать за три столетия богатейшего опыта.

Первый усвоенный британцами урок заключался в следующем: для операции в море без господствующей силы или с неполным господством существует необходимость в эскадре прикрытия, дифференцированной от эскадры, отвечающей за транспорты. Ее главная функция — обеспечить необходимое местное господство для транзита или для самих операций. Но как правило, транзит обеспечивается регулярными блокирующими эскадрами, и в основном эскадра прикрытия собирается только на театре военных действий. Поэтому, если театр находится в пределах защищенного терминального района, как во время английских десантов на северное и атлантическое побережье Франции, тогда защищающей терминальный район эскадры, как правило, бывает достаточно, чтобы защитить операции. Она автоматически формирует эскадру прикрытия и продолжает блокаду или, как в случае британской атаки на Сен-Мало в 1758 году, занимает позицию между вражеской эскадрой и операционным направлением экспедиции. Если же театр военных действий находится за пределами терминального района или в его пределах, но он, по разным причинам, защищен плохо, экспедиции придается собственная эскадра прикрытия, с которой более или менее полно сливается местная эскадра. Все, что необходимо обеспечить, делает местный контроль. Хотя, как мы уже видели и далее рассмотрим полнее, эта необходимость не всегда была критерием, по которому мерили силу эскадры прикрытия.

После определения силы эскадры прикрытия следующим вопросом является положение, которое ей следует занимать. Как и многие другие стратегические проблемы, это есть «выбор трудностей». Поскольку эскадра предназначена для поддержки, иначе говоря, поддержки со стороны ее людей, кораблей и орудий, желательно расположить ее как можно ближе к цели. Но как эскадра прикрытия, имеющая задачу не допустить вмешательства сил противника, она должна располагаться как можно дальше, чтобы вступить в бой с такой силой как можно раньше, непосредственно после попытки вмешательства. К тому же необходимо, чтобы ее позиция была такой, чтобы благоприятствовать быстрому контакту с противником, если он попытается вмешаться. Обычно такой определенности можно достичь только в непосредственной близости от вражеской военно-морской базы или от собственного десанта. Там, где целью является местная военно-морская база, эти два фактора стратегически идентичны, и положение эскадры прикрытия становится скорее вопросом тактики, чем стратегии. Но действует жизненно важный принцип независимого существования, и независимо от того, как велика необходимость в поддержке, эскадра прикрытия никогда не должна так глубоко увязнуть в операции по высадке, чтобы утратить возможность немедленно выйти из нее, если возникнет необходимость ее действий как единицы флота. Иными словами, она должна иметь возможность действовать таким же образом, как свободная полевая армия, прикрывающая осаду.

Там, где цель экспедиции — не местная база ВМФ, выбор позиции для эскадры прикрытия будет зависеть в основном от количества поддержки, которую, вероятнее всего, потребует армия. Если она не может действовать внезапно и следует ожидать серьезного военного сопротивления или береговая оборона слишком сильна, чтобы транспорты могли ее преодолеть, тогда чаша весов склоняется к позиции, близкой к армии. Правда, степень, в которой при современных условиях корабли в море могут оказать полезную помощь в столь деликатной операции, как поддержка атаки пехоты орудийным огнем, кроме как обстрелом вражеских позиций продольным огнем, еще

предстоит уточнить. Аналогичный выбор будет сделан, если требуется сильная поддержка людей и десантных плавсредств, например, если достаточное количество несамоходных барж и паровых буксиров не может быть обеспечено транспортом и отвечающей за них эскадрой. Также возможны такие условия, когда могут потребоваться амфибийные операции, кроме непосредственно высадки, и необходима помощь большого числа плавсредств и моряков, действующих вместе с армией, чтобы придать им амфибийную тактическую мобильность, которой им иначе не хватит. Такой случай был в Квебеке в 1759 году, где Саундерс повел свою эскадру прикрытия прямо к реке Святого Лаврентия, хотя ее функции прикрытия могли быть выполнены даже лучше, если бы она заняла позицию в нескольких сотнях миль от цели. А в 1800 году в районе Александрии лорд Кейт был вынужден рискнуть функциями прикрытия, чтобы обеспечить снабжение армии генерала Аберкромби по внутренним водным путям и дать ему мобильность, которая была крайне необходима.

С другой стороны, если эскадра транспортов может предоставить всю необходимую поддержку, эскадра прикрытия займет позицию, расположенную как можно ближе к вражеской военно-морской базе, и там будет действовать согласно обычным законам блокады. Если единственная задача — предотвратить вмешательство, будет выбрана форма закрытой блокады. Но если имеются и другие цели, например, использовать экспедицию для того, чтобы заставить врага выйти в море, будет выбрана открытая форма блокады. Так было, например, в Сен-Мало, когда Энсон, прикрывая экспедицию, блокировал Брест, не расположившись в непосредственной близости, а занял позицию западнее его в районе острова Батц.

В японских операциях против Маньчжурии и Квантунского полуострова эти старые принципы продемонстрировали свою высокую жизнеспособность. Во внезапных десантах против Сеула вся работа по поддержке была оставлена транспортной эскадре, а адмирал Того осуществлял прикрытие довольно далеко — в районе Порт-Артура. Два элемента флота постоянно были разделены. Но в операциях по изоляции и последующей осаде Порт-Артура

они были объединены настолько тесно, что часто представлялись неотличимыми друг от друга. Однако, насколько позволяла близость места высадки к цели, два элемента действовали независимо. Для фактической высадки 2-й армии использовались плавсредства эскадры прикрытия, но она оставалась действующей военно-морской единицей и не смешивалась с эскадрой транспортов. Она действовала, насколько позволяли сложившиеся условия, на принципах закрытой блокады. Предотвращение вмешательства было ее главной функцией и оставалось таковой, насколько мы можем судить, независимо от второстепенной цели — навязать бой противнику.

Однако в операциях проявился фактор, который имел тенденцию нарушать точность старых методов. Вряд ли стоит отдельно упоминать о том, что этим фактором было появление торпед и мин. Их отклоняющее влияние было исключительным и очень интересным. В операциях британского флота против Севастополя, к которым операции против Порт-Артура наиболее близки, старые правила еще неплохо работали. Согласно традиционным принципам, берущим начало в атаке Дрейка на Санто-Доминго в 1585 году, было выбрано место высадки, которое дало нечто среднее между возможностью для *coup de main* и свободой от противостояния. Иными словами, оно было выбрано в ближайшей к цели удобной точке, не защищенной батареями и находящейся вне досягаемости главной армии противника.

Говоря об эскадре прикрытия, адмирал Дондас придал ей двойную функцию. Объяснив состав транспортной эскадры, он сказал: «Мои оставшиеся силы... будут действовать как эскадра прикрытия и, где возможно, помогать общей высадке». Имея в виду две эти цели, он занял позицию достаточно близко к месту высадки, чтобы поддержать армию орудиями, если она встретит сопротивление. Но при этом Дондас остался в виду своих крейсеров перед Севастополем и на таком расстоянии, чтобы при первых признаках движения русских он успел подойти к порту и навязать им бой раньше, чем они уйдут в море. Иными словами, он занял позицию настолько близко к армии, насколько это было необходимо, чтобы предотвра-

тить вмешательство, или, так тоже можно сказать, его позиция была настолько близка к базе противника, чтобы можно было поддержать высадку. В данном случае выбор позиции сложности не представлял, в основном благодаря тому, что впервые пар упростил факторы времени и расстояния.

Применение этих принципов японцами не было столь простым. Выбирая ближайшую незащищенную точку для высадки, следовало учесть не только батареи, армию в Порт-Артуре или войска, стоящие на полуострове Ляодун, но также, как всегда придется делать в будущем, мины и мобильную торпедную оборону. Японцы выбрали ближайшую удобную бухту, которая не была заминирована. Строго говоря, она находилась в пределах действия мобильной обороны, но за островами, которые годились для создания фиксированных укреплений, а значит, подходила по всем статьям. Но поскольку укрепления русский флот мог обойти, была необходима эскадра прикрытия, и выбор позиции для нее, и без того сложный, был еще больше усложнен тем фактом, что целью объединенной операции был не сам Порт-Артур, а также стоящая в нем эскадра. Необходимо было не просто задержать эскадру, но и не позволить ей уйти. Это означало закрытую блокаду. Но для близкой блокады нужна была позиция, недоступная для ночных торпедных атак, а ближайшее подходящее место находилось за оборонительными сооружениями, прикрывающими высадку. Следовательно, несмотря на то что было продиктовано стратегическими условиями, эскадра прикрытия была вынуждена более или менее постоянно возвращаться к армии и поддерживающим ее силам, даже если поддержка боевой эскадры не требовалась.

В существующих условиях ничто не было потеряно. Линии японской фиксированной обороны находились так близко к вражеской базе, что минированием входа в порт адмирал Того обеспечил гарантированное замедление выхода противника из порта. Он был уверен, что корабли будут выходить так медленно, что он успеет установить контакт со своей защищенной стоянкой раньше, чем русские уйдут в море. Что будет, если оборудовать такую позицию представится невозможным, уже другой вопрос.

Место высадки и базу снабжения армии необходимо обезопасить от торпедных атак, а согласно принципу концентрации усилий, средства обороны не должны быть ослаблены обеспечением эскадры прикрытия защищенной якорной стоянки где-то еще. Поэтому ясно, что, если географические условия не позволяют эскадре прикрытия воспользоваться одной из собственных национальных баз, она рано или поздно будет вынуждена отойти к армии, смешав свои обязанности с обязанностями транспортной эскадры. Отсюда большая важность понимания различия функций двух эскадр.

Чтобы подчеркнуть принцип эскадры прикрытия, эти два случая могут быть противопоставлены эпизоду в Лиссе, имевшему место в конце австро-итальянской войны 1866 года. В этом случае от нее полностью отказались, и результаты были воистину катастрофическими. Австрийский адмирал Тегетофф с флотом меньшей численности, подчиняясь приказу, действовал в обороне и находился в Поле, ожидая возможности контратаковать. Персано с превосходящим итальянским флотом находился в Анконе, откуда он практически доминировал на Адриатике. В июле итальянцы из-за неудачи армии оказались перед перспективой заключения мира на неблагоприятных условиях. Чтобы исправить положение, Персано было приказано овладеть австрийским островом Лисса. Даже не пытаясь организовать свой флот по традиционному британскому принципу, он отправился на операцию всем своим флотом. Практически весь флот оказался задействованным в амфибийных операциях, и, пока Персано был занят, Тегетофф вышел в море и застал итальянца врасплох. Персано не мог быстро высвободить достаточные силы, чтобы достойно встретить атаку, и, не имея компактной эскадры, приспособленной для независимых действий на море, потерпел внушительное поражение от весьма малочисленного противника. Согласно британской практике, это был классический случай, когда, если уж операцию необходимо было провести, независимая эскадра прикрытия должна была или удерживать Тегетоффа в Поле, или своевременно навязать ему бой, в зависимости от того, что было первоочередной целью — остров или австрийский флот. Почему это не было сделано? Воз-

можно, Персано не было выделено достаточно сил для высадки, и он считал, что захватить цель сможет только силами всего флота. Если так, это еще одно доказательство правила, гласящего, что, независимо от того, какая поддержка флота может потребоваться операции по высадке, она не должна оказываться на море с неполным господством в степени, которая не позволит эскадре прикрытия остаться свободной для независимых действий на море.

До какого предела могут быть доведены функции поддержки флота — вопрос деликатный. Предположение, что его сила должна затрагиваться нуждами армии в людях или плавсредствах, что подразумевает тоже людей, покажется ересью. Боевая эскадра предназначена для сражения с боевой эскадрой противника, ее люди должны воевать на море, и разум восстает против идеи, что сила эскадры может определяться любыми другими критериями. Теоретически это правда, но это идея мира и науки. Атмосфера войны формирует более широкий и практический взгляд на вещи. В прежние времена люди знали, что, когда эскадра придана объединенной экспедиции, она уже является чем-то отличным от чисто военно-морской единицы. Более того, они знали, что армия, действующая за морем на враждебной территории, является несовершенным организмом, неспособным нанести эффективный удар без поддержки флота. Поэтому делом военно-морской части флота было не только защитить ударную часть организма, но и восполнить недостатки и добавить свою силу удару. В одиночестве и без помощи армия не может доставить себя на берег, организовать свое снабжение, обеспечить отход и даже воспользоваться главным преимуществом амфибийной силы — неожиданным перемещением базы или операционного направления. Это для нее должен сделать флот силами своих людей¹.

Авторитетных мнений на этот счет вполне достаточно. Например, в 1800 году, когда генералу Мейтланду была

¹ Японцы попытались выполнить эту работу силами высокоорганизованного армейского штаба высадки, но он мог действовать только в идеальных географических и погодных условиях. Почти во всех случаях все же была необходима помощь флота.

поручена экспедиция против Беллайля, ему было предложено определить, какие военно-морские силы потребуются. Он затруднился определить точно. «Мне представляется, — писал он, — что 3 или 4 линейных корабля и 4—5 боевых фрегатов — как раз то, что нужно для такого дела. Фрегаты для блокады» (понятно, что он имел в виду блокаду цели, чтобы не дать подкреплению прибыть с материка, — это одна из поддерживающих функций эскадры, приданной транспортам). «Линейные корабли, — добавил он, — обеспечат нас людьми, необходимыми для наземных операций». В этом случае постоянные блокирующие эскадры заменяли прикрытие, и Мейтланд имел в виду, что линейные корабли, которые он просил добавить к транспортной эскадре, должны были служить не эскортом, а поддержкой. Сент-Винсент, тогда бывший первым лордом, не только поддержал его требование, но и дал для высадки на один линейный корабль больше, чем он просил. В то время общее господство Великобритании на море было очень хорошо обеспечено, и военно-морских сил для его осуществления было в достатке. Этот случай стоит сравнить с еще одним, когда обстоятельства были совершенно другими.

Когда в 1795 году экспедиция под командованием адмирала Кристиана и генерала Аберкромби готовилась отправиться в Вест-Индию, адмирал вместе с Джервисом составил памятную записку относительно требуемых военно-морских сил¹. Силы, которые он просил, были весьма значительными. И он, и Джервис считали, что эскорт и местное прикрытие должны быть очень сильными, потому что было невозможно рассчитывать на эффективное закрытие Бреста или Тулона блокадой. Но это была не единственная причина. План операций предусматривал три отдельные высадки, на каждую из которых потребуется по меньшей мере 2 линейных корабля, а может быть, и 3, «не только для защиты, но и как средство комплектации личным составом плавсредства, для выгрузки пушек и других

¹ Сэр Хью Клоберри Кристиан был заслуженным офицером с прекрасным послужным списком. Он служил вместе с Хау. Умер в возрасте 51 года.

необходимых работ». Кристиан также желал получить необходимые фрегаты и 3 или 4 брига, «чтобы прикрыть (то есть поддержать) операции более мелких судов (то есть флотилий, выполняющих прибрежные перевозки)». На основном направлении атаки потребуется как минимум 4 линейных корабля и 7 фрегатов, а также пропорциональное количество бригов и шхун. В целом, считал он, линейные корабли (если фрегаты «иначе используются») обеспечат десантные отряды числом до 2000 человек «для плоскодонок, выгрузки и перемещения орудий, доставки воды и провианта», и это будет их ежедневной работой. Военные силы достигнут 18 000 человек.

Следует отметить, что лорд Бархам, который как сэр Чарльз Миддлтон тогда был первым лордом адмиралтейства, возражал против этих требований как чрезмерных, особенно против сильного эскорта, поскольку считал, что переход будет охраняться с особой бдительностью со стороны постоянных блокирующих эскадр. Необходимость в больших десантных отрядах он, похоже, вообще игнорировал. Однако его версия не представляется убедительной, потому что он с самого начала занял антагонистическую позицию по отношению к идее экспедиции вообще. Он считал политику, диктовавшую ее необходимость, ненадежной и, естественно, старался ограничить силы, которые был вынужден выделить для ее осуществления. Его противодействие основывалось на широких и дальновидных принципах, характерных для его стратегии. Лорд Бархам считал, что ввиду угрозы со стороны Испании правильным было бы разумно использовать флот, чтобы максимально увеличить его мощь для предстоящей борьбы. Он также считал необходимым сконцентрировать флот, чтобы он был готов к решительным действиям на море в тот самый момент, когда испанцы начнут враждебные действия. Короче говоря, он предубежденно относился к любой политике, требовавшей серьезного растрачивания сил военно-морского флота, прежде чем будет установлено рабочее господство на море. Именно приготовления к упомянутой экспедиции заставили его уйти в отставку раньше, чем они были завершены. Правда, следует заметить, что его возражения против плана объяснялись не принципами орга-

низации, а недостатком сил, имевшихся у страны, чтобы обеспечить адекватную поддержку, не жертвуя высшими соображениями — своим положением на море¹.

Очевидно, что приведенные выше соображения, помимо всего прочего, повлияли и на выбор места высадки. Армия всегда заинтересована в том, чтобы оно находилось как можно ближе к цели. Идеальным считался ночной марш, но этого можно было достичь редко, если не считать случаев очень маленьких экспедиций, которые можно было быстро высадить на закате дня и отправить к цели с наступлением ночи. В более крупных экспедициях высадка должна быть произведена достаточно далеко от цели, чтобы не позволить гарнизону цели или местным силам оказать серьезное сопротивление раньше, чем высадка будет произведена. Интересы флота в этом плане всегда идут вразрез с интересами армии. Ведь чем дальше от скопления сил противника он высадит армию, тем надежнее он сможет защитить ее от военно-морского вмешательства. Идеальным считается место, расположенное достаточно далеко, чтобы быть вне зоны торпедного удара, чтобы позволить эскадре прикрытия выполнить свою работу и обеспечить транспортной эскадре надежную стратегическую независимость.

Чтобы сблизить эти отклонения и добиться максимальной эффективности, необходим своего рода объединенный штаб, а чтобы он смог нормально работать, не менее желательно определить, насколько это возможно, то есть основные принципы и методы, на которых он будет основываться. В лучшем случае удавалось сделать следующее: армейский штаб определял участок береговой линии, где следовало произвести высадку, чтобы операция произвела нужный эффект, и указывал возможные точки высадки в порядке их предпочтения. Затем военно-морской штаб указывал, насколько близко к взглядам армии он готов действовать. Его решение основывалось на трудностях за-

¹ Основываясь на аналогичных аргументах, почти все военные критики осуждали политику этой катастрофической экспедиции как потребовавшей распыления и без того небольших военных сил страны во время, когда крайне необходимой была их концентрация в Европе.

щиты и характеристиках места высадки с точки зрения погоды, течений, берега и т. п. Также принималась во внимание степень, в которой конфигурация береговой линии позволит осуществить тактическую поддержку огнем или другими средствами. Если военно-морской штаб не согласен на точку или точки высадки, приемлемые для их сухопутных коллег, возникает вопрос уравнивания риска, который должен урегулировать вышестоящий штаб. Военно-морской штаб должен четко и ясно указать все морские риски, которые влечет за собой предложение армии, и, если возможно, дать альтернативу, которая может ослабить риск военного вмешательства, одновременно не возлагая слишком тяжелого бремени на армию. Уравнивая эти риски с указанными армией, вышестоящий штаб должен решить, чью линию принять, после чего армии и флоту предстоит сделать все от них зависящее, чтобы минимизировать трудности, с которыми они столкнутся. При этом решение вышестоящего штаба зависит, в первую очередь, от того, откуда ожидается самая большая опасность — с моря или с земли.

Если военно-морские условия хорошо известны, операционное направление может быть определено, таким образом, довольно точно. Но если, как это часто случается, возможные действия противника в море не могут быть предсказаны с достаточной точностью, тогда, при условии, что существует серьезная опасность военного вмешательства на море, окончательный выбор места в пределах ограниченного района должен предоставляться адмиралу. Согласно установившейся практике, ему дается список желательных для армии мест высадки в порядке приоритетности, из которых он выбирает одно, в котором в сложившихся обстоятельствах, по его мнению, высадка сопряжена с разумным риском. В точности так же, если опасность вмешательства на море мала, а местные условия на берегу точно не известны, окончательный выбор предоставляется генералу.

В лучший период старых английских войн редко возникали серьезные трудности организации такого взаимодействия. После первой неудачи при Рошфоре в 1757 году, если возникали разногласия, два командующих произво-

дили совместную разведку побережья и урегулировали вопрос на месте.

С тех пор объединенные операции Великобритании всегда организовывались таким образом. После времен старшего Питта англичане никогда не поручали командование объединенной экспедицией одному только адмиралу или генералу, позволив одной стороне решать все проблемы. Опасность возникновения трений между двумя командующими считалась небольшой в сравнении с опасностью принятия односторонних решений человеком, вызванных незнанием специфики рода войск, к которому он не принадлежит.

Система обычно работала без сбоев, даже когда возникали вопросы, являвшиеся компетенцией объединенного вышестоящего штаба. Исключений очень мало. Прекрасный пример того, как трудности можно преодолеть, если есть желание, — случай в Крыму. Трудности на море, с которыми столкнулись англичане, были настолько велики, что всю операцию можно было посчитать безумием. Когда дело дошло до исполнения, был созван объединенный военный совет, на котором присутствовали представители штабов союзников и армии, и флота. Мнения французских и английских генералов оказались настолько разными, а местность, где предполагалась высадка, неизученной, что они не могли определить место высадки. Адмиралы знали только одно: оно должно быть на открытом участке побережья, где невозможно было провести разведку, где погода могла в любой момент нарушить связь с берегом и где они могли подвергнуться атаке силы, которая, пока их корабли не освободятся от солдат, вовсе не будет в меньшинстве. Все эти возражения были изложены совету. Тогда лорд Раглан заявил, что армия прекрасно понимает степень риска и готова на него пойти. На что адмиралы ответствовали, что готовы выйти в море и сделать все от них зависящее, чтобы благополучно высадить армию на берег и оказать ей всю необходимую поддержку в месте, которое будет выбрано.

Остается форма поддержки, которая еще не была рассмотрена. Это отвлекающие маневры флота, призванные отвлечь внимание противника от места высадки. Это, ко-

нечно, функция боевой эскадры прикрытия или сопровождающих ей крейсеров и флотилии. Этот механизм появился в атаке Дрейка на Санто-Доминго в 1585 году, атаке, которая может считаться первым прецедентом современности и образцом, которому соответствовали все последующие операции этого типа, насколько позволяли обстоятельства.

В этом случае, пока Дрейк высаживал войска на расстоянии ночного марша от цели, основная масса флота вышла перед ней, всю ночь держала ее в тревоге, а на рассвете продемонстрировала попытку высадки под прикрытием корабельных орудий. В результате гарнизон приготовился встретить угрозу с моря и был застигнут врасплох внезапной атакой настоящего десанта. Примерно то же самое сделал Саундерс в Квебеке. Для подготовки ночной высадки Вульфа он устроил целое шоу, продемонстрировав готовность к обстрелу позиций Монткальма за городом, а утром начал «показательную» высадку моряков. Тем самым он удержал Монткальма вдали от места действительной высадки Вульфа до тех пор, пока десантники не закрепились на суше. Нечто подобное было сделано и с другой стороны от города, и в результате Вульф сумел проникнуть в самое сердце французских позиций, не встретив сопротивления.

Конечно, такая работа скорее входит в сферу тактики, чем стратегии, но механизм с успехом использовался и в стратегии. Секретность, в которой готовится амфибийная операция, настолько велика, а мобильность таких сил столь высока, что очень трудно отличить настоящую атаку от ложной. Даже в самый последний момент, когда высадка уже идет, защитники не могут с определенностью сказать, что все войска высадились в одной точке. В Квебеке, только столкнувшись лицом к лицу с Вульфом, Монткальм понял, что теперь ему придется иметь дело с основными силами британцев. Со стратегической точки зрения мы еще меньше можем быть уверены в том, является ли данная высадка передовым отрядом или отвлекающим маневром, призванным замаскировать высадку главных сил в другом месте. Это еще сложнее в крупных операциях, когда армия прибывает двумя большими группами, как, например,

2-я японская армия. Тогда отвлекающий маневр явился частью стратегии и оказался успешным. Русские всегда понимали, что японцы ударят на Ньючуань, расположенную в заливе Печили, и поэтому генералу Штакельбергу, командовавшему войсками на полуострове, не было позволено сконцентрировать свои силы для эффективных действий в его южной части, которую японцы определили своим местом для высадки. Адмирал Того, несмотря на высочайшую нагрузку, которую испытывал в этой операции его флот, отделил крейсерскую эскадру для отвлекающего маневра в заливе. Какой эффект это оказало на русских, точно сказать невозможно. Мы только знаем, что Штакельбергу не давали сконцентрировать свои силы так долго, что он не смог нанести удар японской армии раньше, чем она подготовилась к сражению и сумела нанести сокрушительный контрудар.

Эта возможность нервировать противника отвлекающими маневрами неотъемлемо присуща особым характеристикам объединенных экспедиций. Они могут скрыть или изменить операционное направление. Нет никаких оснований предполагать, что в будущем их станет меньше. Хорошая железнодорожная связь на театре десанта, конечно, уменьшит эффект военных хитростей, но, с другой стороны, средств для их проведения стало больше. У минных тральщиков, например, существует новый инструмент, который во время Русско-японской войны доказал свою способность производить очень сильное впечатление, причем мизерной для флота ценой. Если флотилия таких судов появится в любой удобной точке побережья, где ожидается высадка, и начнет демонстративно тралить определенный участок, проигнорировать такое шоу будет попросту невозможно.

В целом можно утверждать, что возможности проведения подобных операций в современных условиях не стали меньше, чем раньше. Скорость и точность движущей силы пара скорее даже увеличили эти возможности. И действительно, было бы трудно найти в прошлом параллель блестящему движению на Сеул, которым японцы в 1904 году начали войну. Это правда, что русские в последний момент, руководствуясь политическими соображениями, ре-

шили не противодействовать оккупации, но ведь японцы этого не знали, и все их приготовления велись в расчете на сильное сопротивление грозного противника. Риск был признан, взвешен и обеспечен адекватными средствами в соответствии с принципами, идентичными британским традициям. Но с другой стороны, не было показано, что, когда противник обладает господством на море, риск такого предприятия снижается. Против врага, контролирующего направление перехода боевыми силами, опробованные методы прикрытия и защиты заморской экспедиции сегодня будут работать не больше, чем раньше. Пока его власть не будет сломлена действиями военно-морского флота, объединенная работа будет чрезвычайно рискованной.

ТЕРМИНЫ

Тактика — составная часть военного искусства, охватывающая теорию и практику подготовки и ведения боя подразделениями разных родов войск.

Стратегия — составная часть военного искусства, охватывающая теорию и практику обеспечения безопасности страны, в т. ч. предотвращения войны, подготовки страны и вооруженных сил в целом к возможной войне.

Галеас — парусно-гребной военный корабль. Название означает «большая галера». Был в составе европейских флотов в XVI—XVII веках.

Галера — боевой гребной корабль с одним рядом весел. Применялся во флотах почти всех европейских стран в VII—XVIII веках.

Брандер — в эпоху парусного флота судно, груженное горючими и взрывчатыми веществами, предназначенное для сожжения кораблей противника путем сцепления с ними горящего брандера.

Пиаса — в XVI—XVII веках небольшое парусно-гребное судно, имевшее длину до 44 м, плоскую корму, 3 мачты и 3 паруса.

Фрегат — гребно-парусное посыльное судно в XIII—XVI веках; крупный парусно-гребной корабль в XVII—XVIII веках.

Бомбардирское судно — деревянное парусное судно, вооруженное не пушками (пушки были, но для самозащиты), а минометами, установленными в носовой части и поднятыми под большим углом, чтобы снаряды летели по баллистической дуге.

Шлюп — военный трехмачтовый парусный корабль XVIII—XIX веков с прямыми парусами на передних мачтах и косыми на кормовой мачте.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Теоретическое исследование войны.

Использование и ограничения войны 7

Часть первая ТЕОРИЯ ВОЙНЫ

Глава 1. Теория войны 14

Глава 2. Характер войн — войны оборонительные
и наступательные 25

Глава 3. Характер войн — войны ограниченные
и неограниченные 34

Глава 4. Ограниченная война и морские империи —
развитие теории Клаузевица и Жомини
об ограниченной территориальной цели
и ее применение в условиях современных империй 43

Глава 5. Военная интервенция — ограниченное
вмешательство или неограниченная война 49

Глава 6. Роль силы в ограниченной войне 59

Часть вторая ТЕОРИЯ ВОЙНЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВОЕННО-МОРСКИХ СИЛ

Глава 1. Теория цели — господство на море 72

Глава 2. Теория средств — строение флота 87

Глава 3. Теория метода — концентрация
и рассредоточение флота 106

Часть третья ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ НА МОРЕ

Глава 1. Вступление 127

I. Основные различия в условиях войны
на суше и на море 127

II. Типичные формы военно-морских операций 133

<i>Глава 2. Методы обеспечения господства</i>	<i>137</i>
I. Достижение решения	137
II. Блокада	150
<i>Глава 3. Методы оспаривания господства.....</i>	<i>172</i>
I. Оборонительные операции флота — существующий флот.....	172
II. Малые (второстепенные) контратаки	187
<i>Глава 4. Методы осуществления господства</i>	<i>191</i>
I. Защита от вторжения	191
II. Нападение на торговлю и ее защита.....	214
III. Нападение, защита и поддержка военных экспедиций	231
Термины	253

Корбетт Джулиан

**ВЕЛИКИЕ МОРСКИЕ СРАЖЕНИЯ
XVI—XIX ВЕКОВ**

Ответственный редактор *Ю.И. Шенгеля*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *О.А. Левина*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 23.04.2009.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 12,8.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 3676

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати».
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ХРОНИКИ ВОЕННЫХ СРАЖЕНИЙ

Джулиан Корбетт

ВЕЛИКИЕ МОРСКИЕ СРАЖЕНИЯ XVI—XIX ВЕКОВ

Известный исследователь Джулиан Корбетт в своей работе, посвященной британскому военно-морскому флоту XVI—XIX веков, подробно анализирует те факторы, которые явились определяющими для военно-морской мощи государства. Он рассказывает об особенностях профессиональной подготовки военных и политических событиях, позволивших Великобритании надолго занять лидирующую позицию в войне на море.

В книге представлены тактические и стратегические принципы знаменитых адмиралов — Нельсона, Роднея, Хока и других выдающихся личностей Соединенного Королевства. Рассматривая их деятельность, автор показывает, как реализовывались слагаемые успеха английских флотилий — рациональное использование морских путей, мобильность и отвага экипажа и, самое важное, интуиция и способность адмирала идти на риск.

Это фундаментальное историческое исследование дает исчерпывающие ответы на спорные вопросы в отношении военной интервенции, методов осуществления господства, а также основных различий в ведении войны на суше и на море.

ISBN 978-5-9524-4340-2

9 785952 443402

ЦЕНТРОЛИГРАФ®